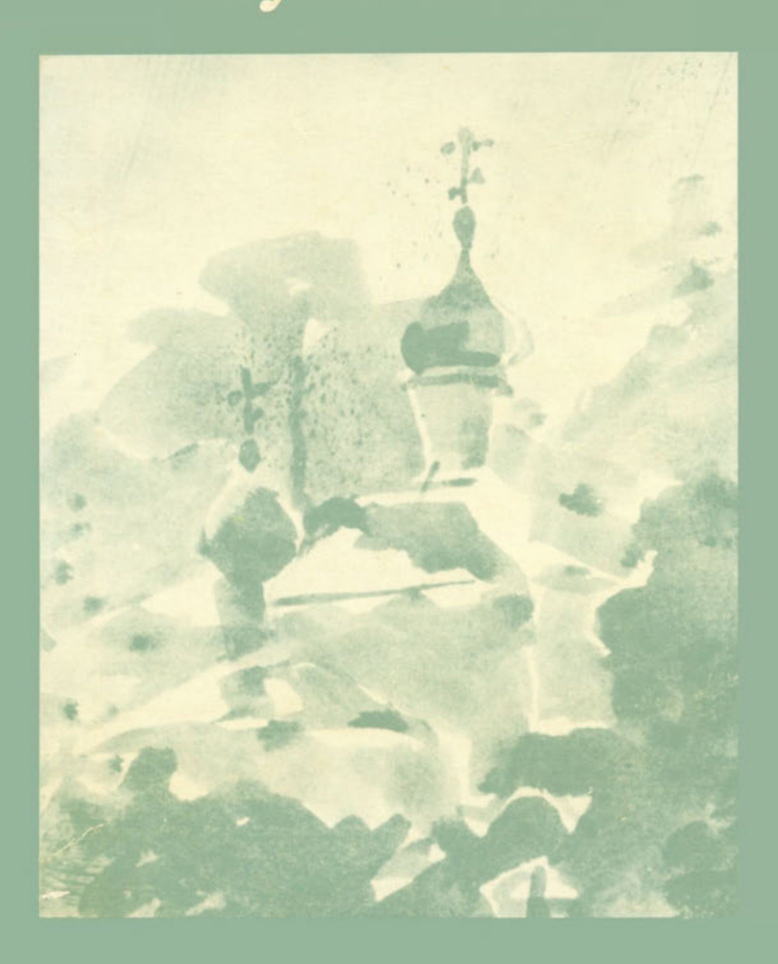
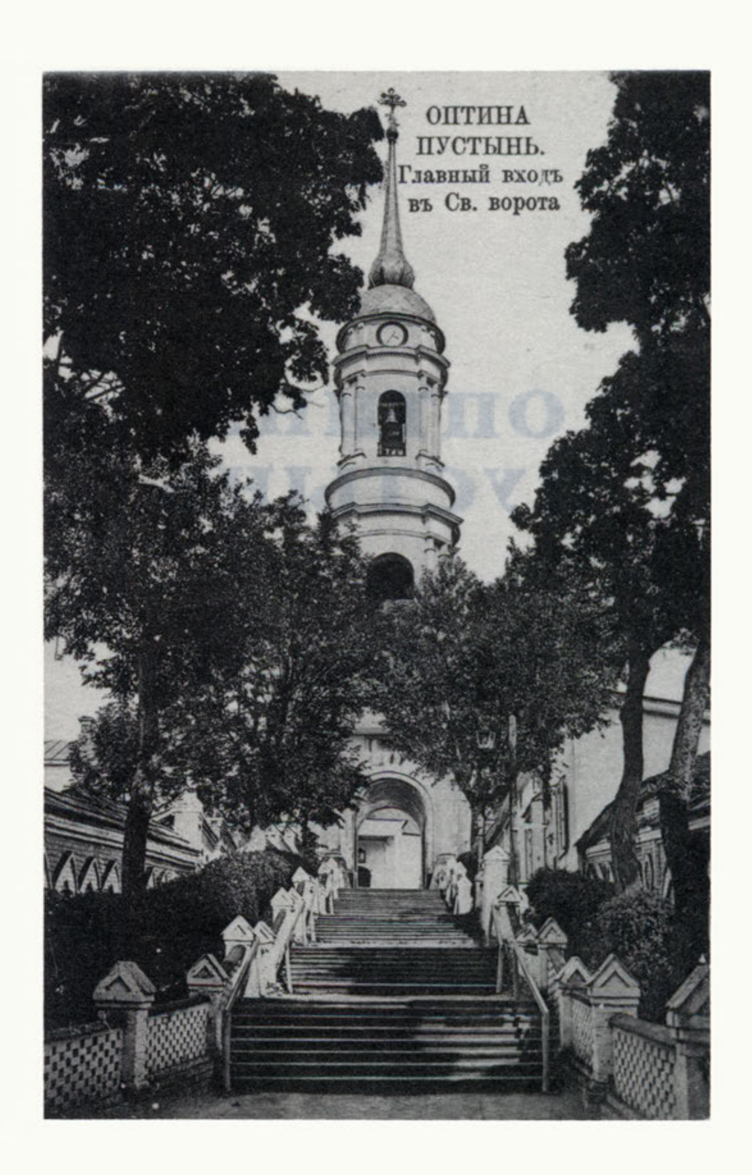
прот. С. Четвериков

Оптина Пустынь



ОПТИНА ПУСТЫНЬ


ОПТИНА
ПУСТЫНЬ.
Главный входъ
въ Св. ворота

протоиерей Сергий Четвериков

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Второе дополненное издание

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris
1988

Обложка: Использована тушь Льва Бруни
Гроза в скиту, лето 1924 г.

2ᵉ édition 1988
ISBN 2-85065-149-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мое знакомство с Оптиной Пустынью началось в июне 1891 года, когда мы, четыре студента Московского Университета (один медик, два юриста и один филолог), путешествовали пешком из Москвы в Киев с целью поближе ознакомиться с нашею родиною. Мы пробыли тогда в Оптиной Пустыни всего лишь один день, и почти ничего в ней не видели. Тогда еще был жив знаменитый оптинский старец иеросхимонах Амвросий, проживавший в то лето в Шамордине, в 12 верстах от Оптиной Пустыни, но мы, по своему легкомыслию, не сочли нужным сделать несколько лишних верст в сторону, чтобы повидать его и получить его благословение.

В следующий раз я пришел в Оптину Пустынь уже один, также из Москвы, летом 1894 года, будучи уже студентом Московской Духовной академии. Старца Амвросия уже не было в живых. Скончался и его ближайший помощник по устроению Шамордина, скитоначальник иеросхимонах Анатолий. Старчествовал ученик о. Амвросия, иеросхимонах

Иосиф, живший в его хибарке, в скиту. В этот раз я прожил в Оптиной Пустыни около недели, говел, посетил скит и о. Иосифа, был у настоятеля монастыря, о. архимандрита Исаакия, произведшего на меня сильное впечатление своим самоуглубленным спокойствием, простотою и молитвенными слезами при богослужении. На этот раз я близко рассмотрел Оптину Пустынь. И она произвела на меня глубокое впечатление, запавшее в мою душу навсегда. Я впервые ощутил там веяние истинной духовной жизни, от которой как бы расцвела и моя собственная душа.

После этого я не видал Оптиной Пустыни целых семь лет, отвлеченный обстоятельствами личной жизни, но я не переставал сохранять в душе своей светлое воспоминание об этом монастыре, и это воспоминание каждый раз действовало на мою душу оживляющим и освежающим образом. Я выписывал издания Оптиной Пустыни, читал их и перечитывал, и этим поддерживал свое внутреннее общение с нею. В третий раз я посетил Оптину Пустынь, уже будучи священником, в 1901 году, и прожил там с семьею все лето. Результатом этого посещения была написанная мною в следующем году брошюра "На службе Богу — на службе ближним". В четвертый раз я был в Оптиной Пустыни летом 1905 года, занимаясь там подготовлением к печати собрания писем старцев о. Амвросия и о. Анатолия, изданных обителью в 1909 году. Знакомство с письмами о. Амвросия возбудило во мне же-

лание составить его полное жизнеописание, что и было мною сделано летом 1911 года в той же Оптиной Пустыни. Следующее лето 1912 года я провел в Шамордине, заканчивая там и подготовляя к печати свое жизнеописание старца о. Амвросия. В Шамордине же я провел с семьею лето 1913 года, посещая при этом довольно часто и Оптину Пустынь. Лето 1914 года я снова провел с семьею в Оптиной Пустыни. После того я еще раз, уже один, посетил Оптину Пустынь в сентябре 1918 года, по пути из Москвы в Полтаву. Это девятое посещение Оптиной пустыни было моим прощанием с нею, и оставило во мне неизъяснимо грустное воспоминание. Чувствовалось, что над обителью нависла жуткая власть большевиков, и что недалеки дни ее полного запустения. С тех пор я потерял возможность не только бывать в Оптиной Пустыни, но даже и получать оттуда письма.

Все вышеизложенные подробности рассказаны мною с тою целью, чтобы показать, что Оптина Пустынь известна мне не из вторых рук и не по чужим рассказам, и что весь мой последующий рассказ будет основан главным образом на моих собственных наблюдениях и впечатлениях.

В приложении к описанию Оптиной Пустыни помещаются письма к оптинским старцам И.В. и Н.П. Киреевских, московского митрополита Филарета, Н.В. Гоголя, Т.И. Филиппова, проф. Ст.П. Шевырева и других лиц, ярко освещающие издательскую деятельность Оптиной

Пустыни при старце Макарии в 40-х и 50-х годах прошлого столетия, а также и личность незабвенного русского философа Ивана Васильевича Киреевского.

Некоторые из этих писем были уже напечатаны раньше в русских духовных журналах, другие появляются в печати впервые.

Письма были получены мною от Русской Матицы, которой они были предоставлены В.М. Кашкаревым. За сообщение писем приношу глубокую благодарность проф. А.Д. Билимовичу.

Протоиерей Сергий Четвериков.

Братислава.
1926.2.II

I

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНИЙ ВИД ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Оптина Пустынь расположена в двух верстах от небольшого, старинного уездного города Козельска, Калужской губернии, на правом берегу не широкой, но глубокой и полноводной реки Жиздры, у опушки огромного векового бора, который в глубину тянется на 30 верст, а в длину идет от знаменитых Брянских лесов Орловской губернии до столь же знаменитых Муромских лесов Владимирской губернии. Белые монастырские здания и стены и голубые главы церквей с золотыми крестами красиво и величаво выступают на зеленом фоне сосен и елей. Глубокая тишина леса нарушается лишь шорохом падающей ветки или звуком птичьих голосов. Воздух напоен дивным ароматом. В отдалении живописно раскинулся на холме Козельск, оживляя общую картину, но не нарушая тишины и безмолвия. Откуда бы ни приближался путник

к Оптиной Пустыни, от Лихвина ли по глухой лесной дороге, мимо так называемого "Чертова Городища" (неизвестно откуда взявшейся груды огромных, в беспорядке нагроможденных камней и скал среди сплошного леса), или от Калуги по "большаку", или, наконец, от Козельска лесом по правому берегу Жиздры, или лугом по левому ее берегу — Оптина Пустынь производит одинаково сильное, глубокое и какое-то умиротворяющее душу впечатление. Обычно богомольцы направляются в Оптину Пустынь со станции железной дороги через Козельск лугом по левому берегу Жиздры, которую уже под самым монастырем переезжают на монастырском пароме. Не раз оптинцам советовали заменить паром постоянным мостом для удобства богомольцев, но они упорно хранили свою старину, как бы опасаясь устройством моста уничтожить преграду, отделяющую монастырь от мира. И, несомненно, в этом пароме заключалась какая-то особенная прелесть. Неоднократно подъезжая и подходя к Оптиной Пустыни и днем, и поздно вечером, я каждый раз испытывал одно и то же ощущение. Прежде всего, с наслаждением чувствуешь, что оторвался от городской, суетливой, духовно бесплодной и утомительной жизни. Всею грудью вдыхаешь чистый, легкий ароматный луговой воздух, напоенный благоуханием трав и цветов, любуешься открывающимися перед тобою далями и видами, раскинувшимся над

тобою необъятным небесным сводом, ночью усыпанным яркими прекрасными звездами, которых в городе почти никогда не видишь. Чем ближе подъезжаешь к монастырю, тем сильнее охватывает душу особое чувство: словно открывается дверь в XIV и XV век, и оттуда веет старинною, благочестивою Русью, словно души древних подвижников и молитвенников и их тихие кельи раскрывают перед вами свой внутренний мир. Экипаж тихо спускается к реке, и мы поджидаем паром, который медленно перегоняется с противоположной стороны реки монахом-паромщиком. Осторожно и медленно, привычным шагом, всходят кони на паром, громко стуча по доскам копытами. Монах приветливо здоровается с прибывшими и берет благословение у священника. Ямщик сходит с облучка, разминает застывшие ноги и помогает паромщику тянуть канат. Они уже давно знакомы между собою и обмениваются друг с другом словами. Река тихо плещется у парома. Всплескивает рыба. Слышатся привычные речи о глубине реки и о ее рыбном богатстве. Проходит момент, и паром тихо ударяет в монастырский берег. Ямщик и паромщик закрепляют паром, монах отодвигает заграждающее бревно, ямщик садится на свое место, подбирает вожжи, и экипаж быстро въезжает на высокий берег. Направо стоит сторожка паромщика, а у самой дороги столб с ук-

репленной на нем иконой Богоматери, имени которой посвящена обитель. Обогнув яблоневый сад и повернув направо, ямщик подвозит нас к ближайшей гостинице, которою много лет заведует о. Михаил. Это та самая гостиница, в которой останавливался в последний свой приезд в Оптину Пустынь гр. Л.Н. Толстой. Гостиница о.Михаила вместе с гостиницей о. Ионы расположены по правую и левую сторону от Святых врат. По деревянной лестнице, покрытой чистой дорожкой, мы поднимаемся во второй этаж, где нам отводят номер, уютно обставленный старинною разнокалиберною мебелью, с иконами в киотах в переднем углу, с теплящеюся перед ними лампадою, с видами святой обители по стенам, с цветами в окошках, с кроватями, покрытыми чистым и свежим бельем, с запахом ладана, кипариса, хлеба и постных щей. Если мы приезжаем поздно вечером, о. Михаил приглашает нас не вставать к заутрене, которая начинается в час ночи. Мы однако слышим сквозь сон звон будильного колокольчика и слова монаха: "пению — время, молитве — час", слышим и благовест монастырского колокола, возвещающего о начале утрени, но успокоенные разрешением о. Михаила, безмятежно спим до утра. Но если бы мы не поленились встать к заутрене, — мы об этом не пожалели бы. Будничная предрассветная заутреня имеет свою прелесть. Предрассветные звезды ярко свер-

кают на темном небе. Чувствуется ночная свежесть. Редкие фигуры богомольцев с разных сторон направляются к храму. В храме, слабо освещенном лампадами, очередной чтец уставным способом читает полунощницу, освещая страницы старинной, закапанной воском большой книги огарком восковой свечи. В полумраке видны стоящие у стен темные фигуры монахов, погруженных в молитву. Продолжительная и однообразная служба утомляет нас, и нас начинает клонить ко сну. Но мы преодолеваем дремоту и к концу службы снова чувствуем себя бодрыми. От заутрени мы выходим из храма, когда на востоке уже появляется светлая полоса наступающего дня. Усталые, мы приходим в свой номер и, согретые его теплом, крепко засыпаем.

Часов в девять утра идем к поздней обедне. По широкой каменной лестнице мы поднимаемся к Святым воротам под колокольнею, минуя находящуюся на лестнице по правую сторону монастырскую лавочку, запертую в часы богослужения. В окне лавочки выставлен портрет старца иеросхимонаха Амвросия, почивающего в гробу, написанный красками в натуральную величину, и так живо, что у окна всегда собирается группа богомольцев, удивляющаяся натуральности изображения. Пройдя Святые врата, мы входим в монастырский двор и прямо перед собою видим главный монастырский храм во имя Введения во храм

Божией Матери. Храм не отличается ни красотою архитектуры, ни размерами.

Как и все в Оптиной Пустыни, он носит на себе печать скромности и простоты. Неспешно, но и без утомительной медлительности, чинно и строго, совершается богослужение. Чинно и благоговейно, в клобуках и мантиях, стоят у стен монахи, совершая уставные поклоны и коленопреклонения. Миряне, столпившись ближе к алтарю, следуют в поклонах примеру иноков. Хоры певчих, на правом и левом клиросах, не поражая стройностью и тонкостью исполнения, захватывают молящихся своим одушевлением. В свое время отчетливо читаются краткие, простые и назидательные поучения.

Направо от храма Введения Богородицы находится зимний храм во имя Казанской иконы Божьей Матери, в котором погребены бывшие настоятели Оптиной Пустыни — о. архимандрит Моисей, о. архимандрит Исаакий и другие. Налево от Введенского храма находится храм в честь преподобной Марии Египетской, в котором ежедневно служатся ранние обедни. Впереди Введенского храма, к востоку от него, находится храм в честь Владимирской иконы Божией Матери. В этом храме день и ночь читается заупокойная псалтирь и устроено несколько келий для братии. Все пространство между названными четырьмя храмами занято братским кладбищем, кото-

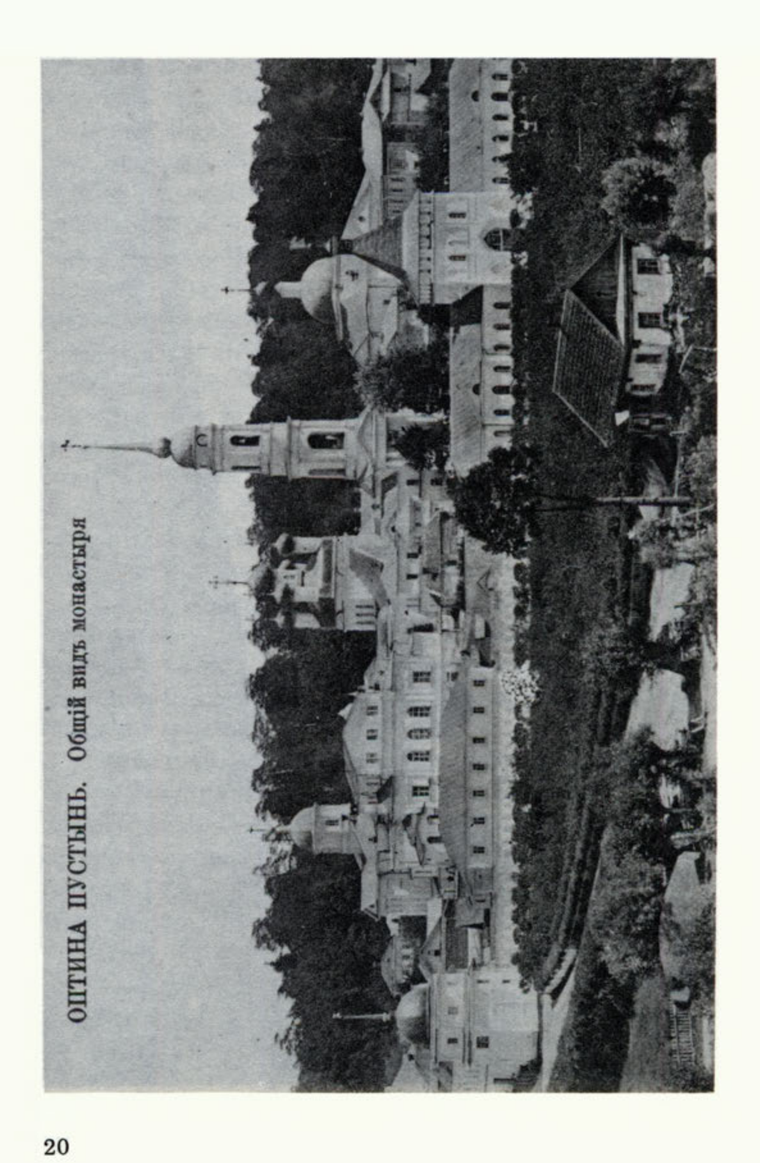
рое можно назвать надгробною летописью монастыря. Можно часами ходить по этому кладбищу, читая надмогильные надписи, и вся прошлая жизнь обители в лице ее умерших иноков и подвижников вырастает перед духовным взором читающего. Вот с южной стороны алтаря Введенского храма расположены рядом могилы трех великих старцев — иеросхимонахов Льва (Наголкина), Макария (Иванова) и Амвросия (Гренкова), с характерными и знаменательными на них надписями. У ног старца Макария почивает его духовный сын, русский философ Иван Васильевич Киреевский. Слева от него его брат Петр Васильевич, собиратель народных песен, справа — его жена, Наталья Петровна. У ног старца Амвросия находится могила его ученика старца иеросхимонаха Иосифа. Далее идут могилы — скитоначальников Илариона, Анатолия и Пафнутия, иеромонаха Даниила (Болотова), почитателей и благотворителей Оптиной Пустыни, еще дальше, около Казанского собора, могила о. архимандрита Серапиона (Машкина) и других, имена которых вызывают в душе волнующие воспоминания. За кладбищем к юго-востоку виден небольшой одноэтажный деревянный домик настоятеля Пустыни, в чистеньком, светлом и уютном зальце которого развешаны по стенам портреты калужских архиереев, настоятелей и старцев Оптиной Пустыни. Кто только ни перебывал в этом зальце, начи-

ная от царственных особ и высших представителей Церкви, от ученых и писателей, и кончая простыми крестьянами, студентами и курсистками!

Далее, вдоль монастырских стен, тянутся корпуса монастырских зданий, в которых помещаются трапезная, мастерская и келии монастырских братий. Весь монастырь окружен выбеленною кирпичною оградою с башнями по углам, представляющею правильный четырехугольник, с воротами на каждой из его четырех сторон. О Святых вратах, находящихся на западной стороне, мы уже упоминали. Ворота, находящиеся на северной стороне, ведут во двор новой монастырской гостиницы, за которым идут домик Шамординских сестер, "консульский" дом, где проживал К.Н. Леонтьев, и другие здания. Южные ворота выходят на больничный двор, где помещается отлично устроенная, чистая и просторная братская больница с храмом.

Через восточные ворота мы выходим в чащу окружающего Оптину Пустынь леса и по узенькой дорожке, проходящей между огромными соснами, доходим до скита во имя Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Скит — это отделение монастыря, где жизнь проводится более уединенно и по отличному от монастырского порядку. Внешний вид Оптинского скита подробно описан в "Братьях Карамазовых" Достоевского. Дорожка, ведущая от монасты-


ОПТИНА ПУСТЫНЬ. Видъ черезъ рѣку Жиздру


ОПТИНА ПУСТЫНЬ. Общій видъ монастыря

ря к скиту, делает несколько изгибов, и вот за последним изгибом открывается невысокая розовая колоколенка со Святыми вратами под нею. Над вратами находится образ Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, а около врат, по стенам, помещены изображения святых пустынножителей восточных и русских. Рядом с колокольнею, с обеих ее сторон, находятся так называемые "хибарки", куда старцы выходили внутренними ходами из своих келий, находившихся внутри скита, для приема лиц женского пола, не имеющих права входить в самый скит. От хибарок начинается деревянная ограда, охватывающая четырехугольником весь скит. Переступив порог Святых ворот, мы сразу проникаем в мир особенного глубокого безмолвия, как будто бы здесь, за этим порогом, нет ни одной живой души человеческой. В то же время нас поражает богатство разнообразных цветов, которые широкими лентами тянутся вдоль всех дорожек скита, от Святых врат к церкви, от церкви к трапезной и т.д. Летом, в тихий солнечный день, они наполняют скит своим благоуханием, а над ними слышится непрерывное жужжание пчел, единственный, кажется, звук, нарушающий, или, лучше сказать, оживляющий глубокое безмолвие скита. Ни одного человека не видно внутри скита. Мы идем к небольшой деревянной церковке, стоящей прямо против Святых врат. Церковь эта отличается особенною простотою. В сенях стоит ведро со све-

жею, чистою водою, и около него кружка. Тут же видна дверь в небольшую келейку монаха, наблюдающего за церковью. Сама церковь напоминает обычный небольшой зал, очень чистый и светлый. В окнах нет решеток. На стене висят часы. Мы осматриваем церковь, заходим в алтарь, прикладываемся к иконам, и уходим, не встретив ни души. Кроме этой первоначальной скитской церкви, недавно выстроена в скиту другая, каменная церковь, но она по своей архитектуре как-то не подходит к пустынному виду скита. Внутри скит имеет следующее расположение. Направо от Святых врат находится знаменитая келья старца иеросхимонаха Амвросия. Это — небольшой домик, выходящий окнами в цветник. Мы входим в него по деревянному крылечку через тесные сенечки, увешанные лубочными картинками и текстами духовного содержания. Из сеней входим в узкий коридорчик, разделяющий домик на две половины. Первая дверь направо ведет в небольшую зальцу, парадную приемную старца. В этой комнате весь передний угол уставлен иконами, перед которыми теплятся лампады. Стены сплошь увешаны портретами известных подвижников, видами монастырей и другими картинами духовного содержания. Мебель состоит из старенького дивана, нескольких столов и стульев. По другую сторону коридора находится собственная келья старца, в которой он жил, а дальше по коридо-

ру кельи его келейников. В конце коридора находится выход в хибарку, состоящую из ряда небольших комнат. Такой же точно домик находится и по левую сторону от Святых врат, и в нем обычно проживали начальники скита — старец о. иеросхимонах Макарий, о. Пафнутий, о. Иларион и их преемники. По всему скиту между деревьями разбросаны другие небольшие домики, обычно разделенные на четыре кельи для четырех иноков. Один из домиков назначен для трапезной, другой для скитской библиотеки, в которой имеется много ценных рукописей. В конце скита находится небольшой пруд с кое-какой рыбой, а дальше — пчельник. Литургия в скиту совершается только по субботам, воскресеньям и праздникам, в остальные же дни только вечернее правило. Братьям предоставляется совершать молитвенное правило по своим кельям. Здесь же, в скитской ограде находится и братское кладбище скитян.

Таковы внешний вид и расположение Оптиной Пустыни и принадлежащего к ней Иоанно-Предтечевского скита. Прибавим еще, что этот монастырь как бы притиснут огромным, густым и тенистым лесом к берегу Жиздры, на противоположной стороне которой расстилается ровный, светлый и веселый луг. В Оптинском лесу имеется неисчерпаемое богатство разного сорта грибов и ягод, особенно земляники и брусники, протекает источник железистой воды и имеется сер-

нистый Пафнутиевский колодезь, при котором устроен бассейн, где купаются богомольцы. В Оптинском лесу водятся и волки, которые по зимам иногда появляются около самого монастыря.

II

ВНУТРЕННИЙ УКЛАД ЖИЗНИ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

В Оптиной Пустыни перед революцией было около трехсот монахов. Монастырь строго сохранял общежительные заветы старца Паисия Величковского. Братья делились, как обычно и полагается, на послушников, рясофорных и манатейных. Были и схимники. В Оптиной Пустыни существовал обычай даже и молодых манатейных монахов, в случае опасной болезни, постригать в великий ангельский образ, в схиму.

Никто из монахов, не исключая и настоятеля, не имел своей собственности. Все необходимое для него оптинец получал от монастыря: пищу в трапезной, чай и сахар от настоятеля, одеяние и обувь — от "рухольного".

Одежду и обувь все оптинцы, не исключая и настоятеля, носили совершенно одинакового качества и по одному и тому же образцу, так что старец о. Амвросий ино-

гда говорил шутя: "Оптинцев везде узнаешь: у них у всех сапоги на прямую колодку". Каждому иноку, не исключая и послушников, предоставлялась отдельная келья, чтобы он мог с полным удобством, без помехи, отдаваться своим келейным занятиям — молитве, чтению Слова Божия и отеческих книг и рукоделию. Порядок дня определялся, главным образом, церковными службами: в будний день начинался в час по полуночи полунощницей, за которой непосредственно следовала утреня. В шесть часов утра совершалась ранняя литургия, в девять часов утра — поздняя, в четыре часа дня — вечерня, и в семь часов вечера — правило. В воскресные и праздничные дни в этот порядок богослужения вносилось то изменение, что вместо полунощницы и утрени совершалось всенощное бдение в шесть часов вечера, а перед бдением, в три с половиной часа дня, малая вечерня. Богослужение посещала вся братия, свободная от специальных послушаний — в поварне, в пекарне, в мастерских — сапожной, швальной, столярной, на конном двору, в лесу, на дачах и т.д. Однако, в этом посещении церковного богослужения не было ничего внешне и формально принудительного. Судьею каждого в этом случае являлась его собственная монашеская совесть, воспитанная его монашескими обетами и общим строем и обычаями монастырской жизни. Свободное от церковных служб и от послуша-

ния время каждый инок мог проводить всецело по своему личному усмотрению, не забывая, конечно, о своем звании инока. Весь обиход своей жизни, как богослужебной, так и хозяйственной, Оптина Пустынь всегда обслуживала преимущественно своими собственными силами, не прибегая к наемному труду. Все хозяйственные работы, не исключая разработки леса, рыбной ловли, сенокоса, посева и уборки хлеба и т.д. производились самими монахами. Ими же производились и все штукатурные, малярные, кровельные, плотничные и строительные работы, за исключением тех случаев, когда требовались какие-либо специальные знания. Впрочем, в числе братии были и специалист-фельдшер, и специалист-инженер, под руководством которого строилась новая каменная церковь в скиту. Сельскохозяйственная деятельность в Оптиной Пустыни в общем была поставлена так хорошо, что монастырь получал даже награды за свой скот на земских выставках.

Возвращаясь снова к оптинскому богослужению, мы должны сказать, что именно оно являлось, главным образом, тою религиозно воспитывающею духовною силою, благодаря которой Оптина Пустынь имела такое благотворное влияние и на окрестное население — крестьянское, городское и помещичье, и на всех прибывавших откуда бы то ни было в Оптину Пустынь. Богослужению отводилось в Оптиной Пустыни ежеднев-

но от семи до восьми часов. Оно совершалось строго по церковному уставу, без пропусков, с канонархом, с положенными чтениями, неторопливо, ясно, отчетливо. Благодаря этому, содержание церковных песнопений, псалмов и поучений со всем их разнообразным, глубоким смыслом и со всею их красотою, без затруднений воспринималось и сердцем, и умом молящихся, становилось неотъемлемым достоянием их душ, и, таким образом, воспитывало их духовно, налагало на них свою духовную печать, которую они и уносили по своим домам, чтобы и там поделиться полученными ими в монастыре духовными впечатлениями. Богослужение Оптиной Пустыни было, таким образом, духовной школой, в которой незаметно, но постоянно, день за днем и год за годом, получали духовное, православное воспитание в течение многих лет тысячи и десятки тысяч слушателей из самых различных слоев русского общества. Это был своеобразный духовный университет русского народа, учивший не внешним познаниям, но воспитывавший чувства в разуме истины. Впрочем, нужно сказать, что в этом отношении Оптина Пустынь не является чем-либо исключительным в ряду других наших благоустроенных монастырей, оказывавших своим богослужением, его содержанием и напевами такое же благотворное воспитательное влияние на богомольцев. Дивная Киево-Печерская Лавра, своеобразная Глинская Пустынь,

величавая в своей простоте Троице-Сергиева Лавра, Пустынный Валаам — все они делали одно общее всенародное, духовно-просветительное дело.

Своеобразною особенностью внутренней жизни Оптиной Пустыни является ее "старчество", появившееся в ней в конце 20-х годов прошлого столетия и составлявшее ее славу в течение всего XIX века. Историю оптинского старчества мы изложим ниже, а пока лишь отметим то обстоятельство, что именно благодаря своему старчеству Оптина Пустынь стала некоторой духовной лечебницей для душ, исковерканных грехом, потерявших или не нашедших смысла жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения и духовного руководства. Можно безошибочно сказать, что значительная часть оптинского братства пришла под кров этой обители, привлекаемая жаждою старческого "окормления", и нашла здесь, при помощи старцев, душевный покой и спасение. Да и большинство богомольцев ищет в Оптиной Пустыни не только молитвенного утешения, но и разрешения своих сомнений и недоумений, а нередко и тяжелых жизненных драм, из уст ее мудрых старцев и через их молитвы и наставления.

Старчество придало Оптиной Пустыни особый духовно-светлый облик, пронизало ее духом благожелательной и снисходительной любви, сделало ее привлекательной и бес-

конечно дорогой для грешных душ, ищущих спасения. В старчестве раскрылось истинное значение и истинное назначение Оптиной Пустыни. И неудивительно, что у стен этой обители возник целый поселок мирян, мужчин и женщин, семейных и одиноких, для которых стало жизненною потребностью ежедневно слушать оптинское богослужение и ежедневно получать благословение и наставление оптинских старцев.

III

ПРОШЛОЕ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ, ЕЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРИ МОСКОВСКОМ МИТРОПОЛИТЕ ПЛАТОНЕ И УСТРОЙСТВО ПРИ НЕЙ СКИТА

Оптина Пустынь приобрела славу в XIX веке, но возникла она в очень давние времена. Имеются указания, что еще царь Михаил Федорович жаловал этому монастырю земли и разные угодья. Старинные монастырские синодики свидетельствуют о том, что Оптина Пустынь, как и некоторые другие монастыри старого времени была смешанным монастырем — в ней жили и схимники, и схимницы. А так как совместные монастыри были отменены постановлением Стоглавого Собора, бывшего в половине XVI века, то отсюда видно, что Оптина Пустынь уже существовала в первой половине XVI столетия. Не отсюда ли произошло и ее наименование — Оптина, т.е. общая, каковое наименование имеют и некоторые другие монастыри, например, Болховский

Оптин монастырь. Впрочем, по мнению других, идущему от прежних времен, Оптина Пустынь обязана своим наименованием разбойнику Опте, который, покаявшись в своих душегубствах, пожелал молитвами, слезами и подвигами искупить свои грехи и положил начало монастырю. В XVIII веке Оптина Пустынь, как и многие другие монастыри того неблагоприятного для монашества времени, пришла в запустение. В конце столетия в ней оставалось всего только три монаха, из которых один был слепой. И вот, как раз в это время, знаменитый московский митрополит Платон, объезжая свою епархию, в состав которой тогда входила и Калужская губерния, пленился прекрасным местоположением Оптиной Пустыни, и у него явилась мысль вывести ее из запустения. Возвратившись в Москву, он вызвал к себе известного в то время своею высокою духовною жизнью настоятеля Пешношской обители Московской епархии, архимандрита Макария, состоявшего заочно в духовном общении с молдавским старцем архимандритом Паисием Величковским. Старец Паисий высоко ценил архимандрита Макария и в знак своего расположения прислал ему архимандричий посох. Вызвав к себе о. Макария, митрополит сообщил ему о своем намерении возобновить Оптину Пустынь и просил его дать из своего монастыря настоятеля, который мог бы устроить эту обитель. После долгого раздумья о. Макарий

сказал: "Из нашей обители я не могу предложить более необходимого человека, как огородника Авраамия, но боюсь, что он, по своему смирению, не пойдет".

Было решено, что о. Макарий пришлет Авраамия к митрополиту с каким-либо поручением, и митрополит посмотрит его. Присланный к митрополиту, Авраамий понравился ему и против собственного желания был послан устраивать Оптину Пустынь. Взяв с собою несколько человек из Пешношской братии, Авраамий прибыл в Оптину и стал приводить ее в порядок. Много горя пришлось ему натерпеться здесь: обитель была запущенная. Бедность была крайняя. Не было полотенца вытереть руки за литургией. Промучавшись некоторое время, Авраамий вернулся в Пешношу и со слезами просил о. Макария освободить его от его должности. Макарий успокоил его, объехал вместе с ним знакомых соседних помещиков, и они снабдили Авраамия необходимыми для первоначального обзаведения обители предметами. Обрадованный и утешенный, Авраамий вернулся в Оптину и бодро принялся за труды настоятельства.

Историю возобновленной Оптиной Пустыни можно разделить на четыре тридцатилетних периода. Со вступлением в настоятельство о. Авраамия начался первый из этих периодов, закончившийся к началу 30-х годов XIX столетия. Второй период совпадает со временем настоятельства о. архимандрита Мои-

сея и старчества о. Льва и о. Макария; третий период совпадает со временем настоятельства о. архимандрита Исаакия и старчества о. Амвросия, и четвертый обнимает собою время после 1894 года. Память о. Авраамия глубоко чтится в Оптиной Пустыни, как ее восстановителя и опытного руководителя в духовной жизни, восприявшего от своего духовного отца, архимандрита Макария, заветы старца Паисия Величковского. Следующим выдающимся событием в истории Оптиной Пустыни было устроение при ней скита во имя Усекновения главы св. Иоанна Крестителя. Начало Оптинскому скиту было положено в 1821 году. В то время уже была образована самостоятельная Калужская Епархия, и ее первым епархиальным архиереем был бывший ректор Московской Духовной академии епископ Филарет (Амфитеатров), впоследствии знаменитый митрополит Киевский. Епископ Филарет, по замечанию оптинского летописца, был очень монахолюбив и очень заботился о процветании монашеской жизни в Оптиной Пустыни. Для большего преуспеяния в ней монашеского подвижничества он задумал основать при обители скит, где иноки, ищущие более уединенной, строгой и молитвенной жизни, находили бы удовлетворение этой своей потребности. Задуманное епископом Филаретом дело было огромной трудности: для успешной постановки оно требовало людей не только высокой и строгой монашеской

жизни, но и понимающих науку православного подвижничества, способных быть руководителями иноков на пути духовного их усовершенствования и знакомых с порядками скитского жительства. После долгих размышлений, совещаний и поисков преосв. Филарет остановил свой выбор на двух братьях Путиловых — Моисее и Антонии, подвизавшихся в то время уже около 10 лет в пустынных Рославльских скитах Смоленской губернии под руководством учеников старца Паисия Величковского, вышедших из Молдавии старцев — Досифея, Афанасия, Анастасия и других. По приглашению преосвященного Филарета братья Путиловы прибыли в Калугу и получили поручение приступить к устройству скита при Оптиной Пустыни. Они испросили разрешение взять с собою из Рославльских скитов нескольких братий и вместе с ними прибыли в Оптину Пустынь. В расстоянии четверти версты от монастыря, в густом лесу, выбрали они место, стали рубить деревья и выкорчевывать пни, поставили церковь, кельи и ограду и, таким образом, положили начало скиту и установили порядок скитского жительства. Первым начальником скита был о. Моисей, а когда он был перемещен в настоятеля Оптиной Пустыни, начальником скита сделался о. Антоний. Управление Оптиной Пустынью о. Моисея было временем ее наибольшего расцвета, как в духовном, так и в хозяйственном отношениях. Все, что делалось в Оптиной

Пустыни до него, имело характер лишь подготовительной работы, и все, что делалось после него, было лишь поддержанием и продолжением его дела.

О. Моисей происходил из зажиточной и благочестивой московской купеческой семьи и до монашества носил имя Тимофея. Как и два его младших брата, Александр и Иона, он с детства отличался религиозною настроенностью, и эта настроенность была в них трех поддержана и осмыслена духовным влиянием старцев Новоспасского монастыря в Москве, Филарета и Александра, состоявших в духовном общении и в переписке со старцем Паисием Величковским. Большое влияние имела на юношей также и старица московского Ивановского монастыря, монахиня Досифея. Увлекаемые своим настроением, братья Путиловы в молодых годах покинули мир и ушли в монашество. Иона ушел в Саровскую Пустынь, где впоследствии был настоятелем, а Тимофей и Александр поселились в Рославльских лесах у старцев Дорофея, Досифея и Арсения. Много лет провели братья в своем безмолвном уединении, занимались молитвою, чтением Слова Божия и святоотеческих книг, и различными телесными трудами. Под руководством своих старцев, вышедших из обители Паисия Величковского, они опытным путем учились "умному деланию", т.е. внутреннему вниманию, искусству разбираться в своих помыслах, бороться со своими


ОПТИНА ПУСТЫНЬ. Переѣздъ черезъ р. Жиздру


ОПТИНА ПУСТЫНЬ. Владимірская церковь и соборъ

страстями и преодолевать их непрестанною внутреннею Иисусовою молитвою. Здесь, в лесном своем уединении, братья Путиловы приняли монашеский постриг — Тимофей с именем Моисея, а Александр с именем Антония. После десятилетнего пребывания в пустыне, они переселились в 1821 году в Оптину Пустынь и занялись здесь устроением скита.

IV

НАЧАЛО ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА: ИЕРОСХИМОНАХ ЛЕВ

В 1829 году, почти одновременно с тем, как о. Моисей был назначен настоятелем Оптиной Пустыни, а о. Антоний начальником скита, произошло в жизни Оптиной Пустыни еще одно очень важное событие — прибыл в скит на жительство иеромонах о. Леонид (Наголкин), в схиме о. Лев, положивший начало оптинскому старчеству. О. Леонид был родом из купцов г. Карачева Орловской губернии. В молодости он занимался торговлею и ездил по ярмаркам. Почувствовав пустоту этого занятия, он оставил мир и ушел в Оптину Пустынь. Это было его первое пребывание в Оптиной Пустыни, еще до прибытия в нее о. Авраамия. Прожив недолго в Оптиной Пустыни, о. Леонид перешел в Белые Берега, Орловской епархии, где сблизился и подружился со своим земляком, схимонахом Феодором, проживавшим некоторое время в Нямце, в Мол-

давии, у старца Паисия Величковского. Молодость о. Феодора прошла довольно бурно, но он, преодолев все соблазны, нашел своей душе глубокое удовлетворение в обители старца Паисия и, будучи им хорошо направлен к духовной жизни, возвратился в Россию. О. Леонид прожил в Белых Берегах несколько лет, проходя обычные монашеские послушания, пек хлебы, чистил картофель на кухне, варил квас. Однажды, когда братия обители собралась для избрания нового настоятеля, о. Леонид, полагая, что ему нечего делать на этом собрании, занялся приготовлением кваса. Через некоторое время к нему в квасоварню приходят братья и объявляют, что он выбран настоятелем и что ему нужно сейчас же ехать в Орел к Преосвященному. О. Леонид смиренно подчинился воле братии, но настоятелем пробыл недолго. Отказавшись от этого звания, он поселился в соседнем лесу, в уединенной келье, вместе с единодушными братьями — Феодором и Клеопой, который также был учеником старца Паисия. В своем уединении они проводили время в "духовном трезвении". Когда в их келью стали приходить посетители за советами, ради душевной пользы, старцы увидели, что здесь им оставаться уже нельзя, и решили искать более уединенного места. Сперва Клеопа, а за ним и Феодор с Леонидом переселились на Валаам. На Валааме Клеопа скончался, а Феодор и Леонид, претерпев немало неприят-

ностей от завистливых людей, ушли в Александро-Свирский монастырь. В Александро-Свирском монастыре на них обратил внимание император Александр I, посетивший проездом этот монастырь, и пожелал принять благословение от старца Феодора. Но тот разъяснил, что он простой схимонах, не имеющий священного сана, и благословлять не может. Тогда император откланялся и уехал. В 1822 году схимонах Феодор скончался на Пасхальной неделе, а о. Леонид, потеряв своего друга, решил удалиться в свои родные места, и перешел в Чолнский монастырь Орловской епархии, а оттуда в Оптину Пустынь, где и оставался до самой своей кончины в 1841 году. Из сказанного видно, как мало-помалу сосредоточивались в Оптиной Пустыни предания и заветы старца Паисия Величковского, приносимые туда со всех сторон разными лицами: настоятелем обители Авраамием от Макария Пешношского, Моисеем и Антонием от рославльских пустынножителей, о. Леонидом от старцев Клеопы и Феодора. Словно ручьи живой воды, стекаются отовсюду влияния великого старца, чтобы соединиться в один глубокий и светлый поток оптинского старчества.

Поселившись в 1829 году в скиту Оптиной Пустыни, о. Леонид сделался средоточием духовной жизни в обители. Он отличался необычайною живостью и яркостью внутренней жизни, но старался прикрывать свои дарования некоторым видом юродства.

Самый наружный вид его был поразителен. Он был высокого роста, довольно полный, но легкий и быстрый, с небольшими, проницательными и живыми глазами, с длинными, густыми и волнистыми волосами, напоминающими львиную гриву, с живою, резкою, прямою, простонародною речью. В нем не было ничего напускного, заученного, формального. Народ любил его и теснился к нему. Келья его всегда была переполнена посетителями. Старец в белом балахоне сидел на своей кровати и плел пояски (это было его обычное рукоделье), беседуя с окружающими. Известный странник по святым местам, инок Парфений, посетивший Оптину Пустынь, очень живо и интересно описывает прием у старца Леонида.

Старец сидит на кровати. Вокруг него на коленях стоят посетители, слушая его беседу. Вместе с другими стоит какой-то купец. Когда очередь дошла до него, старец спросил его, что ему нужно? Купец сказал: "Прошу вашего наставления, отче, как жить?" Старец сказал: "А выполнил ли ты то, что я тебе назначил в последний раз?" "Простите, отче, не могу выполнить". Тогда старец обратился к своим келейникам и сказал: "Ну, так вытолкайте его вон!" И купца вывели из кельи. Уходя, он уронил золотую монету. Старец сказал: "А монету отдайте прохожему иноку. Он человек дорожный — ему пригодится!" Все со

страхом смотрели на эту сцену. Тогда инок Парфений спросил старца: ”Отче, за что это вы так строго поступили с купцом?” О. Леонид ответил: ”Да как же было поступить иначе? Он уже не один раз приходит ко мне и просит наставлений. Я ему сказал последний раз, чтобы он оставил курение табаку, и он обещал, а теперь говорит — не могу оставить. Пусть сначала исполнит одну заповедь, а потом приходит за новыми наставлениями”. При иноке Парфении приходили к о. Леониду многие больные и бесноватые, и он, читая молитвы над ними и помазывая святым маслом от чудотворной Владимирской иконы Богоматери, исцелял их. Инок удивлялся силе его молитвы и спрашивал: ”Отче, как вы дерзаете исцелять бесноватых?” Старец ответил: ”Это не от меня. Каждому, по силе веры его, Бог подает исцеление по молитвам Богородицы”. В течение всего дня старец был занят с посетителями. А когда вечером освобождался от них, келейники вычитывали ему положенное иноческое правило. Евангелие читал обыкновенно сам старец особым молдавским способом. Спал старец в сутки не более трех-четырех часов. Своею святою жизнию, мудростью, прозорливостью, даром исцелений, милосердием к страждущим, прямотою и смелыми обличениями людей порочных старец Леонид приобрел общую любовь и глубокое почитание. К нему стали приходить люди всех классов и состояний

— купцы, помещики, крестьяне, мещане, священники, не говоря уже о монахах и монахинях, и все получали от него полезный совет и утешение в постигшем их горе. С каждым годом возрастало стечение к нему народа. Однажды приехал к старцу из соседнего Козельска уездный протоиерей и, увидев старца, окруженного толпою крестьян, сказал: "И охота вам, батюшка, так утруждать себя и возиться целые дни с народом". Старец ответил: "Конечно, по-настоящему это — дело ваше, мирских иереев, но так как у вас для этого мало времени, то поневоле приходится возиться с народом нам — инокам". Недалеко от Оптиной проживал богатый помещик, человек гордый, крутой и своенравный. Семнадцать лет не был он у исповеди и, имея взрослых сыновей и дочерей, завел незаконную связь со своею крепостною женщиною. Слухи о прозорливом старце Леониде дошли до него, и он пожелал посмотреть старца. Старца предупредили об этом. И вот, когда помещик вошел в его келью, старец, сидя, по обыкновению, на кровати среди своих учеников, прикрыл глаза свои сверху рукою, в виде козырька, как бы всматриваясь попристальнее в лицо входящего, и сказал грозно: "Вот идет остолопина смотреть грешного Леонида! А сам, шельма, семнадцать лет не был у исповеди!" Пораженный непривычным для гордого барина обращением старца, помещик пожелал исповедаться у него и просил

настоятеля Оптиной Пустыни переговорить об этом со старцем. Старец согласился исповедывать помещика, но наложил на него епитимью и не допустил до причащения Святых Тайн, пока он не разорвет свою незаконную связь. Возвратившись домой, помещик через некоторое время отослал от себя свою сожительницу, к большой радости своих детей, приезжавших в Оптину Пустынь благодарить старца за его строгость. Деятельность о. Леонида, всегда окруженного множеством посетителей, не нравилась епархиальному начальству: оно полагало, что инок, принявший на себя обеты схимничества, великий ангельский образ, должен был проводить свою жизнь в совершенном уединении и молитве, а никак не в беседах с народом. Непрерывным стечением народа нарушалось безмолвие скита, и скит уже переставал чем-либо отличаться от монастыря. Поэтому старцу Леониду было предложено прекратить прием посетителей. Старец исполнил распоряжение духовной власти. Но народ продолжал идти к нему. Собравшись у дверей его кельи или у ворот скита, люди часами и днями ожидали его выхода, окружали его, просили его благословения и молитвы, спрашивали советов, просили помочь больным. Тогда было предписано перевести старца в монастырь, но по-прежнему не допускать к нему посетителей. Устраивали разного рода заграждения из досок, запирали воро-

та, чтобы народ не мог проникать к о. Леониду, но все оказывалось напрасным. Однажды настоятель монастыря, о. Моисей, пришел посмотреть, что делается у старца, и увидел, что его келья полна народа — здесь были и здоровые, и больные. Старец читал над больными молитвы и помазывал их святым елеем из лампадки, висевшей перед его келейной Владимирской иконой Божьей Матери. Настоятель ужаснулся и сказал: ”Батюшка! Что же это вы делаете? Ведь вам же запрещено принимать народ! Вас могут под начал упрятать, сослать в Соловки!” Старец ответил: ”Что хотите, то и делайте со мною! Хоть в Сибирь меня пошлите, я останусь тем же Леонидом! Посмотрите на этих больных, — могу ли я отказать им в молитве, на которую они только и надеются, которой ждут, и которая, по их вере и усердию к Божьей Матери подает им исцеление?!” О. Моисей махнул рукою и ушел из кельи старца, промолвив: ”Делайте, как знаете!” Несколько раз старца переводили из одной кельи в другую. Получив распоряжение о переходе в новую келью, старец брал на руки свою Владимирскую икону Божией Матери и с пением ”Достойно есть...” отправлялся в указанное ему помещение. Ученики несли за ним остальные его вещи. Наконец, старцу запретили носить схимническое одеяние, вероятно, полагая, что он ведет слишком рассеянную жизнь, не подобающую его схимническому

положению. В это время приехал в Оптину Пустынь проездом в Петербург высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский. В Оптиной Пустыни он был встречен калужским епархиальным преосвященным и всем монастырским братством. Митрополиту Филарету, любившему и почитавшему о. Леонида, хорошо было известно положение старца в обители и отношение к нему епархиального владыки. Заметив, что старец был без схимнического одеяния, митрополит спросил, почему он не в схиме. Старец молчал. Митрополит понял причину его молчания и сказал: "Ты — схимник, а потому и должен носить схиму". После этого случая запрещение о. Леониду носить схиму было отменено. Гонение, постигшее о. Леонида со стороны противников старчества, распространилось и на его учеников. Их называли "фармазонами" и подвергали всяческим стеснениям и запрещениям. Много неприятностей претерпели из-за старца, между прочим, его вернейшие ученицы из Белевского монастыря — игуменья Павлина и монахиня Анфия. Старец Лев скончался в 1841 году, 11-го октября, 72 лет от рождения. До самой своей кончины он сохранил ясное сознание, много раз причащался во время болезни Святых Христовых Тайн, был особорован и до последнего вздоха призывал имя Божие, часто осеняя себя крестным знамением. Благословив в последний раз братию, он тихо предал дух свой в руки Божии. Перед кон-

чиною посетил его известный в той местности своею святою жизнью юродивый Брагузин, и старец просил его помолиться о нем, чтобы Бог помиловал его. Юродивый ответил: "Авось, помилует!"*

---

* Более подробные сведения о старце Леониде можно найти в его жизнеописаниях, составленных о. Климентом (Зедергольмом) и о. архимандритом Агапитом.

V

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ О. ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ И ЕГО ТРУДЫ ПО ИЗДАНИЮ ПИСАНИЙ СТАРЦА ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

За семь лет до кончины о. Леонида прибыл в скит Оптиной Пустыни иеросхимонах Макарий. О. Макарий происходил из дворянской помещичьей семьи Ивановых, Орловской губернии. В молодости он думал жениться, но, побывав однажды в Площанской Пустыни Орловской епархии, он так пленился красотою монашества (все монахи показались ему, по его словам, ”земными ангелами”), что уже не захотел вернуться домой из этой обители. В Площанской Пустыни он нашел себе руководителя в лице ученика старца Паисия Величковского, схимонаха Афанасия (Захарова, бывшего гусарского ротмистра), того самого, под влиянием которого находились в Москве старцы Новоспасского монастыря Филарет и Александр, и через них оптинский архиман-

дрит Моисей и духовный сын о. Филарета Иван Васильевич Киреевский, которому потом пришлось вместе со старцем Макарием работать над изданием рукописей старца Паисия Величковского. Так удивительно переплетались духовные нити, связывавшие старца Паисия с Оптиной Пустынью. О. Макарий жил в Площанской Пустыни от 1810 по 1834 год. В 1823 году скончался его духовный отец, старец Афанасий, после чего началось его сближение и переписка со старцем Леонидом, результатом которых было переселение о. Макария в скит Оптиной Пустыни. По прибытии в скит о. Макарий сделался ближайшим помощником о. Леонида по старчеству, а после его кончины сам вступил в подвиг старчества, будучи вместе с тем и начальником скита вместо о. Антония, назначенного настоятелем Николаевского монастыря в Малоярославце, Калужской епархии. Семь лет продолжалась совместная жизнь и деятельность старцев Леонида и Макария. Тесная духовная дружба связывала их. Нередко они даже писали общие письма своим духовным детям за своею общею подписью.

Между тем, они были совершенно не похожи друг на друга ни по внешности, ни по характеру. О. Лев, из купцов, крупный и представительный, был прям, грубоват и резок и отличался не столько начитанностью в духовных писаниях, сколько духовно-практическою мудростью. О. Макарий, из

дворян, был слабого сложения, некрасив, с неправильностью в устройстве глаз и в речи, обладал мягким и кротким характером, эстетическими наклонностями, в молодости даже играл на скрипке, знал и любил церковное пение, любил цветы, был очень начитан в церковной литературе, имел склонность к ученым, кабинетным занятиям. Оба старца как бы дополняли друг друга. Со смертью о. Леонида бремя старчества легло всецело на одного о. Макария, и он нес это бремя в течение девятнадцати лет, до самой своей кончины, последовавшей 7-го сентября 1860 года. При нем деятельность оптинского старчества получила новое направление. О. Леонид являлся по преимуществу практическим руководителем душ, прибегавших к нему за помощью, и целителем их немощей и болезней. Он имел дело большею частью, с иноками и крестьянами. При о. Макарии впервые началось сближение с Оптиной Пустынью представителей русской науки и литературы. Произошло это, главным образом, на почве издательства Оптиной Пустынью рукописей старца Паисия Величковского, хранившихся в скитской библиотеке и занесенных туда в разное время разными лицами. Мы уже говорили, что влияние старца Паисия различными путями сосредоточилось в Оптиной Пустыни. Ученики великого старца и его преемники передавали друг другу заветы и предания своего учителя, распространя-

ли вместе с тем в рукописях и его переводы святоотеческих подвижнических книг. Существовавшие до старца Паисия славянские переводы аскетической святоотеческой литературы не были свободны от неясностей и неправильностей и нуждались в исправлении по греческим подлинникам. Иные же из отеческих писаний, очень ценные в аскетическом отношении, и совсем не были переведены с греческого языка. Старец Паисий восполнил этот пробел в русской духовной литературе и трудами всей своей жизни, при содействии подготовленных им учеников, исправил по греческим подлинникам многие неточные древние славянские переводы отеческих книг, а иные книги перевел заново с греческого языка. Все эти писания старца Паисия, очень высоко ценимые в монашеском мире, в рукописях распространялись по русским обителям, а некоторые, например, "Добротолюбие", были и напечатаны в Петербурге в начале XIX столетия. Большинство же писаний сохранилось в рукописях по библиотекам монастырей и по кельям иноков. Немало таких рукописей имелось и в Оптиной Пустыни, откуда они и были извлечены на свет Божий заботами и трудами старца Макария, при содействии его просвещенных духовных детей и почитателей.

В 40-х годах XIX столетия недалеко от Оптиной Пустыни, в своем имении Долбине, Бельского уезда, проживали супруги

Иван Васильевич и Наталья Петровна Киреевские. Оба они были люди глубоко религиозные. Проживая перед тем в Москве, они находились в духовном общении со старцем Новоспасского монастыря Филаретом, были его духовными детьми. В особенности близка была к о. Филарету Наталья Петровна, которая сблизила с ним и своего мужа, известного публициста и философа, редактора-издателя журнала "Телескоп". Оба они от о. Филарета слышали о старце Паисии и о его писаниях, и были почитателями памяти великого старца. Поселившись в Долбине, они часто бывали в Оптиной Пустыни, познакомились с ее старцами — о. Моисеем и о. Макарием, и особенно сблизились с последним, который стал их духовным отцом. Старец Макарий нередко посещал Киреевских в их имении, гостил у них по нескольку дней и пользовался их безграничною любовью и уважением. Между ними часто шли беседы о старце Паисии, о его литературных занятиях и о его рукописях, хранившихся в библиотеке Оптинского скита, причем все они единодушно высказывали свое сожаление, что эти драгоценные в духовно-подвижническом отношении писания остаются никому не известными, ни инокам, ни мирянам, интересующимся духовною жизнью. Мало-помалу у них созрела мысль явить эти рукописные сокровища миру и приступить к их печатанию. Задумав это большое дело, они решили испросить

на него благословения московского митрополита Филарета, перед мудростью и святостью которого все они благоговели и который был лично известен Киреевским. Митрополит отнесся очень сочувственно к задуманному предприятию, дал свое благословение и обещал поддержку. В одно из посещений старцем Макарием Долбина было решено начать издательство с жизнеописания старца Паисия, составленного его учениками вскоре после его смерти, присоединив к нему некоторые из писаний и писем старца, а также из писаний его друга и единомышленника, старца Василия Поляномерульского. В тот же день, когда состоялось это решение, старец Макарий написал первые страницы предисловия к изданию. Так было положено начало делу. В деле издательства принимали близкое участие профессор Московского университета Ст.П. Шевырев и профессор Московской Духовной академии протоиерей Ф.А. Голубинский, который был и цензором издания. Во всех затруднительных случаях при редактировании текста обращались за советом и указанием к митрополиту Филарету, который внимательно следил за изданием и даже вызывал к себе старца Макария для личного знакомства с ним и беседы. Впрочем, это было уже в последующем периоде издательства, в 50-х годах. Сами Киреевские, проживая по временам в Москве, непосредственно наблюдали за изданием. Печатание жизнеописания

старца Паисия началось в 1846 году, а в январе 1847 года книга уже вышла из печати. Все любители духовного чтения были очень заинтересованы этою книгою, и она расходилась в большом количестве и очень быстро, так что вслед за первым изданием сейчас же было приступлено и ко второму. За жизнеописанием старца Паисия последовало издание его переводов святоотеческих книг. В течение ряда лет были изданы: преподобного Исаака Сирина слова подвижнические, писания преподобных Иоанна и Варсануфия, Марка Подвижника, Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника, Феодора Студита, аввы Фалассия, житие Григория Синаита и другие. Издательская деятельность старца Макария совместно с Киреевскими продолжалась до самой кончины Ивана Васильевича, последовавшей в 1856 году, но не прекратилась и после его смерти, поддерживаемая другими лицами. Из сохранившихся писем Ивана Васильевича и Натальи Петровны к о. Макарию видно, с каким горячим сочувствием, с каким вниманием и заботливостью они относились к делу издательства, на участие свое в котором смотрели как на особое служение, возложенное на них Богом.

В пятидесятых годах близкое участие в издательской деятельности о. Макария принял Тертий Иванович Филиппов, о котором сохранился следующий благожелательный отзыв старца: "Тертий Иванович очень понра-

вился нам по своей христианской, приятной простоте и неизысканному деликатно-свободному общению". В эти же годы посетил Оптину Пустынь и старца Макария Н.В. Гоголь. Сложное дело издательства, пересмотра и проверки рукописей, корректура и так далее не могли быть выполнены трудами одного о. Макария, и около него, как некогда и около старца Паисия, составилась группа помощников, обладавших богословским и высшим образованием, в которую входили: о. Амвросий Гренков (впоследствии знаменитый старец и преемник о. Макария), о. Леонид Кавелин (впоследствии наместник Троице-Сергиевой лавры), о. Климент Зедергольм (магистр классической филологии Московского университета), о. Ювеналий Половцев (впоследствии архиепископ Литовский) и другие лица. Уже после кончины о. Макария эти ученики его, вспоминая свои занятия с покойным старцем, с отрадою и благодарным чувством передавали, как им приходилось по ходу работ слышать от старца толкования таких мест из святоотеческих книг, на объяснение которых при других обстоятельствах они не могли бы и рассчитывать, так как, если бы стали спрашивать его, то он, по своему глубокому смирению, ответил бы им: "Не моей меры углубляться в толкование подобных мест".

В 1852 году старец Макарий по вызову митрополита Филарета посетил Москву и

виделся с митрополитом. В эту же поездку он посетил Троице-Сергиеву лавру и виделся с профессором протоиереем Ф.А. Голубинским. Так укреплялась связь Оптиной Пустыни с ученым, литературным и богословским миром Москвы. Вместе с тем все более и более возрастало духовное влияние и значение о. Макария среди монашествующих разных монастырей. Под его руководством находились женские обители в Великих Луках, Вязьме, Курске, Серпухове, Севске, Калуге, Ельце, Брянске, Казани, Осташкове, Смоленске и других местах. Отовсюду к нему обращались и миряне, лично и письменно, и приезжали к нему исповедываться. После кончины о. Макария заботами Н.П. Киреевской были напечатаны его письма к монашествующим в четырех томах и к мирским особам в одном томе, заключающие в себе драгоценные уроки христианской жизни, основанные на писаниях отцов-подвижников и собственном огромном духовном опыте, чуткости и проницательности смиренного и любящего сердца, изложенные с удивительною простотою, напоминающею писания святителя Тихона Задонского. Жизнь старца Макария, как и его предшественника, о. Льва, не обошлась без скорбей и огорчений, во исполнение слов Спасителя: "В мире скорбни будете". Вскоре после выхода в свет жизнеописания старца Паисия Величковского с приложением его писаний и между ними статьи об умной Иисусовой

молитве и о приемах обучения этой молитве, получено было на имя Натальи Петровны Киреевской анонимное письмо с резкими нападками на эту молитву, на старца о. Макария и на Наталью Петровну, выпустившую в свет такое сочинение. Нашлись и другие лица, также осуждавшие опубликование статьи старца Паисия и полагавшие, что подобные вещи должны храниться в глубине монастырских келий и не выноситься на улицу, к соблазну непосвященных. Упреки, высказываемые Н.П. Киреевской, были, в сущности, обращены к о. Макарию и доставили ему немалую скорбь. В начале пятидесятых годов новая неприятность постигла старца. Киреевские любили иногда приглашать его к себе, в село Долбино, и для его успокоения выстроили ему небольшой особый домик в саду, где он и проживал день, два и три во время своего пребывания в Долбине, отдыхая от непрерывного приема народа в монастыре. Слухи о том, что старец покидает по временам свой скит и живет вдали от него у светских лиц, были доведены до сведения митрополита Филарета, причем митрополиту жаловались, что посетители Оптиной Пустыни лишены возможности видеть старца и пользоваться его советами вследствие его отсутствия из монастыря. Митрополит написал по этому поводу письмо Н.П. Киреевской,* в

* Письмо митрополита и ответ Н.П.Киреевской мы помещаем в приложении.

котором мягко, но решительно указал недопустимость проживания старца в Долбине. Наконец, в тех же пятидесятых годах еще одна неприятность постигла о. Макария. По чьему-то ходатайству митрополит Филарет возбудил в Синоде вопрос о назначении о. Макария настоятелем Болховского монастыря Орловской епархии. Это предположение вызвало крайнюю тревогу как среди братии Оптиной Пустыни, так и среди светских почитателей старца, которым пришлось употребить немало усилий, чтобы убедить высшие духовные власти в том, что о. Макарий и по своему возрасту, и по своему здоровью, и по своему положению в Оптиной Пустыни не может быть взят оттуда. Так, среди всевозможных огорчений и тревог подходила к концу жизнь о. Макария, и, наконец, 7 сентября 1860 года последовала его мирная кончина. День кончины старца Макария — единственный день в году, когда разрешается доступ в Оптинский скит женщинам, желающим помолиться в скитской церкви об упокоении души его. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, какою исключительною и благоговейною любовью была окружена память кроткого и учительного старца.

VI

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ О. ИЕРОСХИМОНАХ АМВРОСИЙ

Общепризнанного, бесспорного преемника себе старец Макарий не оставил. Одни из его духовных детей перешли к его бывшему келейнику, о. Илариону, пользовавшемуся общим уважением и назначенному вместо о. Макария начальником скита. Другие выбрали своим старцем бывшего главного помощника о. Макария по просмотру и изданию писаний старца Паисия о. Амвросия (Гренкова), который после смерти о. Илариона в 1873 году сделался единственным общепризнанным оптинским старцем, носителем духа и заветов старцев Леонида и Макария.

Вскоре после кончины о. Макария произошли большие перемены в составе лиц, возглавлявших Оптину Пустынь. В 1862 году скончался о. архимандрит Моисей, управлявший обителью более тридцати лет, уст-

роитель скита при Оптиной Пустыни, учредитель ее старчества, создатель всего ее духовного и хозяйственного распорядка и благосостояния. Через три года после него умер его брат и ближайший его сотрудник о. игумен Антоний, проживавший последние годы своей жизни на покое в Оптиной Пустыни. Оба брата были крепко связаны не только кровным родством, но и духовною дружбою. С юных лет они пошли одним и тем же путем монашеского подвига, вместе подвизались в Рославльских лесах, вместе трудились над устроением Оптинского скита. До самой кончины о. Моисея о. Антоний оставался неизменно его духовным сыном. Если о. Моисею преимущественно был присущ дар мудрости, то о. Антонию было более свойственно нежное, любящее сердце, о чем свидетельствуют и его записки, и его письма, напечатанные после его смерти.

Н. П. Киреевская после первого знакомства с ним отозвалась о нем, что в этом старце "особенно отличаются его возвышенное простодушие и всеобъемлющая любовь".

Со смертью трех вышеупомянутых лиц закончился второй тридцатилетний период в жизни Оптиной Пустыни. Во все продолжение этого периода старцы Макарий, Моисей и Антоний являлись вдохновителями и руководителями духовной и материальной жизни оптинского братства. Но и после их смерти начатое и совершаемое ими дело воспитания духа и строительства жизни монашеской

общины не прекратилось и не заглохло, а нашло себе новых исполнителей в лице их преемников и продолжателей — настоятеля Оптиной Пустыни — о. Исаакия, старца о. Амвросия и скитоначальников о. Пафнутия, о. Илариона и заступившего его место с 1874 года о. Анатолия (Зерцалова), явившихся верными хранителями и исполнителями заветов оптинских старцев первого — старшего — поколения.

К более близкому знакомству с этими новыми деятелями Оптиной Пустыни мы теперь и обратимся.

О. Исаакий, заместивший о. архимандрита Моисея, происходил из богатой купеческой семьи города Курска — Антимоновых. Его отец торговал скотом, и сам о. Исаакий в молодости своей ездил по ярмаркам. Эта жизнь не удовлетворила его. В душе его жило и тянуло его в иной мир глубокое религиозное чувство. И вот в один прекрасный день произошла обычная в жизни наших подвижников история. Выехав из дому на одну из украинских ярмарок, молодой купец, губернский франтик, как он сам о себе потом отзывался, Иван Антимонов приказал своему кучеру повернуть лошадей на север, и через несколько дней вместо украинской ярмарки оказался в Оптиной Пустыни, слухи о которой, вероятно, уже доходили до него. В то время еще был жив старец о. Лев. По примеру других, Иван Антимонов явился к нему в келью за благословением и скром-

но поместился позади всех посетителей на стуле. Вдруг он слышит оклик старца: "Ванюшка, поди сюда". Он никак не мог предположить, чтобы этот оклик относился к нему, так как, во-первых, в Оптиной Пустыни никто в то время не знал его, тем более по имени, и, во-вторых, он не привык к тому, чтобы его, богатого купеческого сынка, кто-нибудь чужой называл так запросто "Ванюшка". Этим именем его называл только его покойный дед. Поэтому он, не обращая никакого внимания на оклик, продолжал спокойно сидеть на своем месте.* Однако стоявшие около него засуетились и стали толкать его, говоря: "Иди, это тебя старец требует!" Тогда Антимонов, пораженный тем, что старцу известно его имя, поспешил к нему, и происшедший между ними разговор определил его судьбу: Антимонов навсегда остался в Оптиной Пустыни. При постриге в монашество он получил имя Исаакия. Это был удивительный человек, олицетворение простоты, естественности, скромности и глубокой молитвенной собранности. Он не мог без слез совершать литургию. Его преданность и послушание старцу были всецелы. Более тридцати лет (знаменательное число в истории Оптиной Пустыни) он оставался настоятелем монастыря, и говорил, что по молитвам старца он за все это время не знал никакой скорби. О его необыкновенной молчаливости ходило немало

---

* Весь этот рассказ мы лично слышали от о. Исаакия, и передаем его с его слов.

рассказов. Однажды, по случаю какого-то праздника в одном из монастырей, там было архиерейское служение. В числе сослужащих был и о. Исаакий. После службы все собрались в покоях настоятеля пить чай. Шел оживленный разговор. Один только о. Исаакий молчал. Наконец, владыка, желая и его втянуть в разговор, обратился к нему и сказал: "А что же вы, о. архимандрит, ничего нам не скажете? Я вижу, что вы только слушаете..." "Владыко святый! — ответил о. Исаакий, — Если все будут говорить, то кто же будет слушать?" О простоте, скромности и незлобии о. Исаакия можно судить по следующему случаю. Какой-то проходимец-странник, каких немало шатается по монастырям, проживая по странноприимным, питаясь по трапезным и получая милостыню от настоятелей и казначеев, пришел за милостыней и к о. Исаакию, и оставшись им почему-то недоволен, грубо сказал: "Вот ты и игумен, а не умен!" О. Исаакий добродушно ему ответил:"А ты, брат, хотя и умен, да не игумен!" Мне пришлось видеть о. архимандрита Исаакия в июне 1894 года, за два месяца до его кончины, когда он уже был глубоким старцем. Он был среднего роста, довольно полный, сутуловатый старец, с длинными, густыми седыми волосами, со спокойным, серьезным, прямым взглядом больших серых красивых глаз. Меня, студента духовной академии, мальчишку, он принял внимательно, ласково, сердечно, и много рассказывал о себе. На прощанье он

вынес мне жизнеописание оптинского старца Леонида, и, подавая его, сказал: "Возьмите, читайте: он тоже был из купцов". Меня очень тронули тогда и эти слова его, и его богослужение, совершаемое им со слезами на глазах, и благодаря ему навсегда установилась сердечная связь между мною и Оптиной Пустынью с ее старчеством.

О скитоначальнике иеромонахе Иларионе говорят как о верном и опытном в духовной жизни ученике старца Макария. По смерти последнего он был духовным отцом Н.П. Киреевской и был ею очень почитаем. Ходили слухи, что между его духовными детьми и духовными детьми о. Амвросия происходили споры из-за того, кто из этих двух старцев "выше", но нужно сказать, что Н.П. Киреевская не принимала участия в этих спорах и считала, что "оба старца лучше". Когда о. Иларион скончался в 1874 году, его место начальника скита заступил молодой еще иеромонах Анатолий (Зерцалов), студент Калужской Духовной семинарии и ученик старцев Макария и Амвросия. Он говорил о себе, что он двадцать лет молил Бога дать ему простоту, и, наконец, вымолил ее. Его считают опытным делателем Иисусовой молитвы. Когда впоследствии старцем Амвросием была устроена Казанская Шамординская женская община, о. Анатолий стал ближайшим помощником старца в деле устроения этой обители и в духовном руководительстве сестер. Имеются в

печати его письма к монахиням, проникнутые особенным, восторженным, каким-то "пасхальным" одушевлением, и в этих письмах он постоянно напоминает о необходимости неустанной внутренней Иисусовой молитвы и указывает, как можно научиться и преуспеть в этой молитве. Будучи весьма скромным, он обладал чувством высокого личного достоинства, и во всяком обществе умел быть одинаково общительным, занимательным и учительным. Шамординские сестры сохранили о нем самое светлое и благодарное воспоминание, как о своем мудром и любвеобильном старце.

Со старцем Амвросием у него всегда были самые искренние и близкие сыновние духовные отношения. О. Анатолий скончался в январе 1894 года, за семь месяцев до кончины о. архимандрита Исаакия, и два с половиною года спустя по смерти о. Амвросия. Центральное место среди главных деятелей Оптиной Пустыни в третье тридцатиление ее восстановленного бытия занимал старец иеросхимонах Амвросий, приобретший, можно сказать, наибольшую славу из всех оптинских старцев, хотя сам о себе он выражался так: "Славны бубны за горами, а посмотришь близко — простое лукошко", и еще: "Я всю жизнь свою крыл чужие крыши, а своя осталась непокрытою". Старец иеросхимонах Амвросий, в миру Александр Михайлович Гренков, родился в духовной семье села Большие Липовицы Там-

бовской епархии 21-го или 23-го ноября 1812 года. Сам старец не знал точно дня своего рождения. Он прошел обычную для духовного мальчика школу — сперва духовное училище, потом духовную семинарию. Учился он успешно, но не пошел ни в духовную академию, ни в священники. Он как будто чувствовал в душе своей особое призвание, и не спешил пристроить себя к определенному положению, как бы ожидая зова Божия. Некоторое время он был домашним учителем в одной помещичьей семье, а затем преподавателем Липецкого духовного училища. Обладая живым и веселым характером, добротою и остроумием, Александр Михайлович был очень любим своими товарищами и сослуживцами. В последнем классе семинарии ему пришлось перенести опасную болезнь, и он дал обет постричься в монахи, если выздоровеет. По выздоровлении он не забыл своего обета, но несколько лет откладывал его исполнение, "жался", по его выражению. Однако совесть не давала ему покоя. И чем больше проходило времени, тем мучительнее становились укоры совести. Периоды беззаботного юношеского веселья и беспечности сменялись периодами острой тоски и грусти, усиленной молитвы и слез. Однажды, будучи уже в Липецке и гуляя в соседнем лесу, он, стоя на берегу ручья, явственно расслышал в его журчании слова: "Хвалите Бога, любите Бога"... Дома, уединяясь от любопытных взоров, он пламенно

молился Божией Матери просветить его ум и направить его волю. Вообще, он не обладал настойчивою волею, и уже в старости говорил своим духовным детям: ”Вы должны слушаться меня с первого слова. Я — человек уступчивый. Если будете спорить со мною, я могу уступить вам, но это не будет вам на пользу”. В той же Тамбовской епархии, в селе Троекурове, проживал известный в то время в той местности подвижник Иларион. Александр Михайлович пришел к нему за советом, и старец сказал ему: ”Иди в Оптину Пустынь — и будешь опытен. Можно бы пойти и в Саров, но там уже нет теперь таких опытных старцев, как прежде”. (Старец преподобный Серафим незадолго перед этим скончался.) Вероятно, прежде чем окончательно принять решение, Александру Михайловичу захотелось посмотреть Оптину Пустынь. И вот он, когда наступили летние каникулы 1839 года, вместе с товарищем своим по семинарии и сослуживцем по Липецкому училищу Покровским, снарядив кибитку, отправились на богомолье в Троице-Сергиеву лавру и по пути останавливались в Оптиной Пустыни. Когда после этого начался учебный год и наступила осень, Александр Михайлович, после одного особенно весело проведенного в гостях вечера, сказал по секрету Покровскому: ”Я не могу дальше оставаться здесь. Уйду в Оптину”. И действительно, спустя немного дней преподаватель Липецкого училища Гренков ис-

чез из Липецка и оказался в Оптиной Пустыни. Старец Лев с любовью принял Гренкова под свое ближайшее руководство и назначил ему послушание — читать старцу молитвенное правило. Александр Михайлович поселился в скиту.

Неизвестно почему, старец Лев, шутя, называл Гренкова "химерою". Умирая, он передал Гренкова о. Макарию, сказав при этом: "Передаю его тебе из полы в полу. Уж больно он ютится к нам, старцам". Для характеристики о. Амвросия и оптинских старцев интересен сообщаемый о. Амвросием небольшой разговор его с о. игуменом Антонием в алтаре Введенского храма. Скоро после того, как о. Амвросий был посвящен в дьяконы и должен был однажды служить литургию в Введенском храме, подходит он перед службою к стоявшему в алтаре игумену Антонию, чтобы принять от него благословение. О. Антоний спрашивает его: "Ну что, привыкаете?" О. Амвросий развязно отвечает ему: "Вашими молитвами, батюшка!" Тогда о. Антоний продолжает: "К страху-то Божьему?.." О. Амвросий понял неуместность своего тона в алтаре и смутился. "Так что, — заключал свой рассказ о. Амвросий, — умели приучать нас к благоговению прежние старцы".

В годы старчества о. Макария о. Амвросий, как окончивший семинарию и знакомый с древними языками, был одним из его ближайших помощников по подготовке к


ОПТИНА ПУСТЫНЬ.
Дорога въ скитъ


ОПТИНА ПУСТЫНЬ.
Внутренный видъ Св
воротъ Предтеченска
скита

печати писаний старца Паисия Величковского, и это занятие послужило ему хорошей подготовкой к его будущему старчеству. В сороковых годах он, простудившись, перенес продолжительную и тяжелую болезнь, навсегда подорвавшую его здоровье и почти приковавшую его к постели. Вследствие своего болезненного состояния, он до самой своей кончины не мог совершать литургии.

Постигшая о. Амвросия тяжелая болезнь имела для него несомненное провиденциальное значение. Она умерила живость его характера, предохранила его, быть может, от развития в нем самомнения и заставила его глубже войти в себя, лучше понять и себя самого, и человеческую природу. Недаром же впоследствии о. Амвросий говорил: "Монаху полезно болеть. И в болезни не надо лечиться, а только подлечиваться!" Помогая старцу Макарию в издательской деятельности, о. Амвросий и после его кончины продолжал заниматься этой деятельностью. Под его руководством были изданы "Лествица" преподобного Иоанна Лествичника, письма и жизнеописание о. Макария, жизнеописание о. Моисея, жизнеописание и переписка о. Антония, "Царский путь Креста Господня" и "Илиотропион" преосвященного Иоанна Максимовича и другие книги. Помощниками старца Амвросия в издательской работе были о. Климент (Зедергольм), о Леонид (Кавелин), о. Ювеналий

(Половцев) и впоследствии о. Агапит, о. Эраст (Вытропский) и другие лица.

Но не издательская деятельность была средоточием старческих трудов о. Амвросия. У старца Амвросия не было особенной склонности к книжным и кабинетным занятиям. Его душа искала живого, личного общения с людьми, и он скоро стал приобретать славу опытного наставника и руководителя в делах не только духовной, но и практической жизни. Он обладал необыкновенно живым, острым, наблюдательным и проницательным умом, просветленным и углубленным, постоянною сосредоточенною молитвою, вниманием к себе и знанием подвижнической литературы. По благодати Божией его проницательность переходила в прозорливость. Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях. Легким, никому незаметным намеком он указывал людям их слабости и заставлял их серьезно подумать о них. Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросия, сильно пристрастилась к игре в карты и стеснялась сознаться ему в этом. Однажды, на общем приеме, она стала просить у старца карточку. Старец, внимательно своим особенным, пристальным взглядом посмотрев на нее, сказал: "Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?" Она поняла намек и покаялась старцу в своей слабости. Своею прозорливостью старец сильно удивлял мно-

гих и располагал их сразу всецело отдаваться его руководству, в уверенности, что "батюшка" лучше их знает, в чем они нуждаются, и что им полезно, а что вредно. Одна молодая девушка, окончившая высшие курсы в Москве, мать которой давно уже была духовной дочерью о. Амвросия, никогда не видя старца, не любила его и называла его "лицемером". Мать уговорила ее побывать у о. Амвросия. Придя к старцу на общий прием, девушка стала позади всех, у самой двери. Вошел старец и, отворив дверь, закрыл ею молодую девушку. Помолившись и оглядев всех, он вдруг заглянул за дверь и говорит: "А это что за великан стоит? Это — Вера пришла смотреть лицемера?" После этого он побеседовал с нею наедине, и отношения к нему молодой девушки совершенно переменились: она горячо полюбила его, и судьба ее решилась — она поступила в Шамординский монастырь. Кто с полным доверием предавались руководству старца, никогда в этом не раскаивались, хотя и слышали они от него иногда такие советы, которые с первого раза казались им странными и совершенно неисполнимыми. Мы уже приводили слова настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Исаакия, что он тридцать лет жил по указаниям старца Амвросия и не испытал за это время ни одной скорби.

Острота ума и прозорливость совмещались в старце Амвросии с удивительною,

чисто материнскою нежностью сердца, благорая которой он умел облегчить самое тяжелое горе и утешить самую скорбную душу. С этими качествами своей богато одаренной души о. Амвросий, несмотря на свою постоянную болезненность и хилость, соединял неиссякаемую жизнерадостность и умел давать свои наставления в такой простой, ясной, наглядной и шутливой форме, что они легко и навсегда запоминались каждым слушающим.

Подтвердим все сказанное немногими примерами. В Оптиной Пустыни устанавливал иконостас иконостасный мастер из Калуги. Окончив работу и получив большие деньги, он собирался в тот же день уехать домой, в Калугу. Мастер торопился со своим отъездом, потому что на следующий день к нему должен был по условию приехать заказчик на новую большую работу. Ехать нужно было лошадьми верст шестьдесят. По обычаю, мастер отправился в скит проститься со старцем и поблагословиться у него. Старец принял его очень радушно, усадил, долго беседовал с ним, хвалил его работу и, прежде чем мастер успел попросить благословения на отъезд, старец, перебивая его, сказал: "А завтра после ранней обедни приходи опять ко мне: попьем чайку и побеседуем". После такого приглашения со стороны почитаемого старца мастер не счел удобным заикаться об отъезде и решил, скрепя сердце, отложить поездку до утра, думая:

”Если я после ранней обедни, отпивши чаю со старцем, выеду из монастыря, то часам к трем-четырем дня буду в Калуге и застану еще там своего заказчика”. Каково же было его удивление, когда на следующий день утром старец, напоив его чаем и не дав ему сказать слова, снова пригласил его приходить к нему в тот же день перед вечерней пить чай. Мастер и на этот раз не посмел отказаться, чувствуя себя очень польщенным вниманием старца. Утешая себя, он думал: ”Ну, может быть, мой заказчик подождет меня один денек!”

Однако после вечернего чая старец опять пригласил мастера приходить к нему на следующий день после ранней обедни пить чай. ”Что за чудеса! — думал мастер, — уж не смеется ли старец надо мною!” Но не видно было, чтобы старец смеялся. Мастеру уже и досадно стало — из-за старца он мог потерять выгодного заказчика. Однако делать было нечего: перечить старцу было неудобно, и мастер снова явился к старцу после ранней обедни пить чай. Уже и чай этот стал ему не в сладость. Старец принял его еще ласковее. Посидели, поговорили, попили чайку. ”Ну, друг, — говорит старец, — приходи и сегодня вечером перед вечерней, посидим!”. Рассердился мастер: ”Горе мне, — думает, — пропал мой заработок! Третий день не выпускает меня старец из обители! Какой же он после этого прозорливец!”. Но уже теперь ему было все равно, и он перед ве-

черней снова пришел к старцу. Старец опять напоил его чаем. А на прощанье сказал: "Завтра после ранней обедни приходи ко мне еще раз попить чайку, и после того — поезжай с Богом!" Чуть не заплакал мастер, но и на этот раз послушался старца. Провожая на другой день мастера, старец сказал ему: "Спасибо тебе, друг, что послушал меня! Бог сохранит тебя!" Впоследствии оказалось, что в течение этих трех дней и ночей, пока старец удерживал мастера в Оптиной Пустыни, два бывших его подмастерья, зная, что он будет возвращаться домой из монастыря с большими деньгами, стерегли его в лесу на Калужской дороге с целью убить и ограбить, но, не дождавшись, вынуждены были отказаться от своего намерения. Заказчик же, которого мастер считал уже потерянным, не мог по своим обстоятельствам приехать к нему в условенное время и приехал после.

В.В. Розанов в своей статье о старце Амвросии рассказывает трогательный случай, в котором ярко обнаружилась заботливая любовь старца к несчастным. Я не могу передать этот рассказ с присущей В.В. Розанову выразительностью, и передам его, как сумею. В одном городе одной из центральных губерний молодая девушка, дочь богатого старозаветного купца, по неопытности, доверчивости и увлечению совершила тяжкий грех. Когда последствия греха стали ясны, рассвирепевший отец не вынес се-

мейного срама, проклял дочь и выгнал ее из дому. Как и все несчастные в тех местах, потерявшие дорогу люди, молодая девушка кинулась к старцу Амвросию искать у него утешения и совета. Старец обласкал ее, успокоил и поместил у своих знакомых, не то в Вязьме, не то в Смоленске, где она благополучно и родила сына. Старец не оставлял ее и аккуратно посылал ей свое ежемесячное пособие. Молодая женщина знала живопись и стала писать иконы, чем и зарабатывала хлеб себе и своему сыну. Несколько раз в год она приезжала с мальчиком к отцу Амвросию, и тот их всегда принимал с неизменною ласкою. Поездки к старцу для мальчика всегда были праздником, и он чувствовал себя у старца, как дома: бегал по кельям и прыгал по стульям и диванам. С течением времени и суровый отец примирился с дочерью, помогал ей и полюбил своего внука.

У того же В.В. Розанова есть рассказ о том, как одна бедная вдова священника привезла к старцу своего беспутного сына — пьяницу, которого никакими увещаниями, никаким лечением не могли отучить от его порока. Старец предсказал ей, что этот горький пьяница не только исправится, но женится, будет священником, и его мать будет жить при нем и на своих руках будет нянчить его детей, своих внучат.

Такое невероятное, счастливое предсказание даже смутило мать пьяницы, и она усом-

нилась в прозорливости старца, но в конце концов слова старца исполнились с буквальною точностью.

В 1894 году, спустя три года после смерти о. Амвросия, я был в Оптиной Пустыни. Вся окрестность еще полна была воспоминаний и разговоров о нем. Мне лично пришлось идти из Козельска в Оптину Пустынь с одной старухой, городской мещанкой. И она мне рассказала: "У меня был сын, служил на телеграфе, разносил телеграммы. Батюшка знал и его, и меня. Сын часто носил ему телеграммы, а я ходила за благословением. Но вот сын мой заболел чахоткой и умер. Пришла я к батюшке — мы все к нему шли со своим горем. Он погладил меня по голове и говорит: "Оборвалась твоя телеграмма!" "Оборвалась, — говорю, — батюшка!" — и заплакала. И так мне легко на душе стало от его ласки, как будто камень свалился. Мы жили при нем, как при отце родном. Всех он любил и обо всех заботился. Теперь уж нет таких старцев. А может быть, Бог и еще пошлет!"

Одна молодая француженка, католичка, по смерти любимого ею человека испытывала сильную тоску и обратилась к старцу с письмом, ища у него нравственной поддержки и совета. Старец ответил ей задушевным письмом, убеждая иметь веру в Бога и полагаться на волю Божию.

Жизнеописание старца Амвросия полно рассказов о многочисленных случаях его со-

страдательной любви к людям и его прозорливости, но мы не имеем возвожности по памяти воспроизвести их здесь.* Кажется, в 1875 году приехал в Оптину Пустынь бывший русский консул в Турции, К.Н. Леонтьев, известный писатель и философ. Не застав о. Амвросия в скиту, он отправился на его лесную дачу, в глубину соснового бора, куда старец любил уединяться с целью отдохнуть от своей ежедневной суеты. Там он увидел старца, окруженного народною толпою. Он рассказал старцу о своих внутренних переживаниях, о своем обращении к вере, о чуде, бывшем с ним на Афоне, об афонских старцах. Это свидание определило дальнейший жизненный путь Леонтьева. Он поселился в Оптиной Пустыни, вблизи старца, в доме, который получил наименование консульского, и прожил там более пятнадцати лет. Незадолго до кончины о. Амвросия Леонтьев по его указанию переехал в Троице-Сергиеву лавру, в Черниговский скит Божьей Матери, принял там монашество и скончался, кажется, в 1892 году. В 1878 году приезжали к о. Амвросию Достоевский с Вл. Соловьевым. Несколько раз бывал у о. Амвросия и гр. Л.Н. Толстой.

---

* Интересующиеся пусть смотрят мою книгу ''Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Амвросия''. Изд. Козельской Введенской Пустыни. 1912 г. 420 стр.

В последние годы жизни о. Амвросия, когда его имя было уже известно всей России, день его распределялся так: он просыпался очень рано, часа в четыре или пять утра, но по своей болезненности, немощи и постоянной усталости от множества посетителей, поднимался иногда с большим трудом и неохотою, со стонами и охами, умывался теплою водою, не сходя с кровати и стоя на ней на коленях. Затем келейники вычитывали ему утреннее правило. Во время чая келейники, по просьбе и поручению разных лиц, задавали ему вопросы о тех и других предметах.

Напившись чаю, о. Амвросий принимался за корреспонденцию. Корреспонденция его была огромная. Иногда он получал до шестидесяти писем в день. На некоторые письма, в делах важных и интимных, он отвечал собственноручно; на другие письма диктовал ответы своим секретарям, сам же только подписывал их; на третьи письма поручал отвечать, давая только указания для ответа. Так проходило утро часов до восьми, до девяти.

В это время уже собирались понемногу посетители, желавшие лично видеть старца. Мужчины приходили изнутри скита и собирались в сенях перед дверью, которая еще была заперта. То и дело раздавались звонки, и к выходившему келейнику обращались с просьбами доложить старцу о желании видеть его. Келейник отвечал, что

старец сейчас занят письмами и просил обождать немного. В это время с наружной стороны скита хибарка наполнялась посетительницами. Мало-помалу нетерпение посетителей и на мужской, и на женской половине все более возрастало, звонки становились чаще и сильнее, келейника начинали упрекать в том, что он не докладывает старцу. Келейник передавал все эти речи старцу, а старец, поглощенный письмами, рассеянно отвечал: "Попроси подождать". Желая протянуть время, келейник иногда спрашивал посетителей: "Да как о вас доложить?" Каждый говорил ему свою фамилию и откуда он приехал, но келейник, конечно, не мог всего этого запомнить и, войдя к старцу, говорил: "Там, батюшка, собрались разные народы — московские, смоленские, вяземские, тульские, калужские, орловские — хотят вас видеть". Наконец, старец оканчивал свою переписку. Входные двери открывались, и посетители наполняли назначенные им помещения, коридорчик, зальцу, хибарочные помещения и т.д. Через некоторое время выходил старец. Он был довольно высокого роста, немного сгорбленный, худощавый, бледный, с довольно длинной редкой бородой, с живыми, добрыми и проницательными небольшими глазами, в ватном подряснике и в ватной камилавке на голове, с четками в руках. Когда он снимал камилавку, открывался большой, умный лоб, увеличиваемый лысиною. Выйдя

из своей кельи, старец сперва направлялся на женскую половину, в хибарку. Входя в хибарку, старец благоговейно молился перед большою иконою Богоматери "Достойно есть", присланною с Афона, и начинал благословлять кинувшихся к нему женщин. В летнее время, когда бывало особенно много посетителей, старец через хибарку выходил в лес, под открытое небо, и там обходил и благословлял собравшихся, останавливаясь с тем или другим, чтобы выслушать вопрос и дать ответ. И с какими только просьбами и жалобами, с какими только своими горестями и нуждами ни приходили к старцу люди! Одна крестьянка со слезами просила его научить ее, чем кормить порученных ей господских индюшек, чтобы они не дохли, и старец, расспросив, как она их кормит, давал ей соответствующее наставление. Когда ему указывали, что он напрасно теряет с нею время, он отвечал: "Да ведь в этих индюшках вся ее жизнь".

Для старца не существовало неважного человеческого горя. Каждого он выслушивал с одинаковым вниманием. Ни к кому он не относился безразлично. Это и было дорого всем, это и привлекало всех к нему.

И сенатор, и простая, бедная крестьянка, и студент университета — все в его глазах были равно нуждающимися духовными пациентами, требующими внимания, ласки и духовной помощи. Иные приходили к старцу за благословением, выдавать ли

дочь замуж, женить ли сына, принимать ту или другую должность, ехать ли в то или другое место на заработки, оставаться ли в миру или уходить в монастырь, как жить вообще и т.д. И для каждого у старца находилось соответствующее полезное слово, приноровленное и к его обстоятельствам, и к его характеру, указывавшее ему наилучший и разумнейший выход из того или другого трудного положения.

Слова старца не были просто прописною, общеизвестною моралью, они всегда носили индивидуальный характер, всегда сообразовались с особенностями данного лица. Приходит к старцу молодой священник, год тому назад назначенный по собственному желанию на самый последний приход в епархии. Не выдержал он скудости своего приходского существования и пришел к старцу просить благословения на перемену места. Увидев его издали, старец закричал ему: "Иди, иди назад, отец! Он один, а вас двое!" Священник, недоумевая, спросил старца, что значат его слова. Старец ответил: "Да ведь дьявол, который тебя искушает, один, а у тебя помощник — Бог! Иди назад и не бойся ничего: грешно уходить с прихода! Служи каждый день литургию, и все будет хорошо!"

Обрадованный священник воспрянул духом и, вернувшись в свой приход, терпеливо повел там свою пастырскую работу, и через много лет прославился как второй старец

Амвросий.* Обойдя всех в хибарке и около хибарки, старец шел на мужскую половину, если чувствовал себя в силах. Если же был слаб, то принимал посетителей, лежа в своей келье. Прием посетителей продолжался до двенадцати часов и далее. Иногда келейники, видя усталость старца, напоминали ему, что уже начался первый час. Тогда старец говорил: "А ты переведи часы назад, и будет двенадцать". Окончив прием, старец обедал и до половины второго отдыхал. Затем снова выходил в хибарку для беседы и благословения или же принимал у себя в келье, лежа на койке, если чувствовал слабость. Приемы и беседы с монастырскою братией и с посторонними продолжались непрерывно до девяти и десяти часов вечера и позже. Совсем усталый и слабый, старец выслушивал вечернее молитвенное правило и отпускал своих келейников, за день также совершенно измаявшихся. Иногда в это время начнут бить часы. Старец спросит: "Сколько?" "Двенадцать", — отвечают келейники. "Запоздали..." — скажет старец.

В таком порядке изо дня в день шла жизнь о. Амвросия в течение многих лет, прерываясь иногда поездками на лесную дачу или путешествиями в Шамордино, и оживляясь праздничными богослужениями в келье старца и посещениями чудотворных икон. О. Ам-

---

* О.Георгий Косов, священник погоста Спас-Чокряко, Орловской епархии.

вросий всегда с особенною радостью и умилением встречал приносимые к нему чудотворные иконы Богоматери — Калужскую и Ахтырскую. Лицо его преображалось, сияло особенным внутренним светом, из глаз лились слезы... По временам он подпевал певчим своим старческим, слабым, но приятным тенором.

VII

СТАРЕЦ О. АМВРОСИЙ — УСТРОИТЕЛЬ ЖЕНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ШАМОРДИНСКОЙ ПУСТЫНИ

С конца семидесятых годов о. Амвросий отдается новому большому делу, глубоко захватившему его, и до конца жизни составлявшему главную его заботу.

Мы говорим об устроении им Казанской женской пустыни близ деревни Шамордино, в двенадцати верстах от Оптиной Пустыни. На высоком, покрытом лесом берегу тихой, спокойной Серены, в уединенной и живописной местности, стояла давнишняя усадьба мелких помещиков, мужа и жены, бездетных стариков. Будучи очень религиозными, старички часто посещали Оптину Пустынь, бывали у старца Амвросия, жаловались ему на свою бесприютную старость, выражали готовность продать свою усадьбу, если бы нашелся подходящий покупатель, а самим поселиться в гостинице при Оптиной Пустыни и доживать там свой век.

Как раз в это время богатая помещица Ключарева, давнишняя духовная дочь о. Амвросия, желая жить поближе к Оптиной, искала для себя небольшую усадьбу, где бы она могла поселиться с двумя своими внучками, крестницами о. Амвросия, Верою и Любовью, принятыми ею на воспитание. О. Амвросий посоветовал ей купить усадьбу вышеупомянутых старичков. Усадьба была куплена, старички переселились в Оптину, а их дом стали приспособлять для жительства Ключаревой и ее внучек. Когда намечали в доме предполагаемые перестройки и советовались с о. Амвросием, который по этому случаю приезжал в усадьбу, то все удивлялись его указаниям, которые, по-видимому, имели в виду не удобства барской квартиры, а будущее монашеское общежитие.

На это обратила внимание и сама Ключарева, и была недовольна распоряжениями старца. Последующие события разъяснили загадку. Обе девочки, горячо любившие друг друга и старца, и всеми любимые, одновременно заболели дифтеритом и через несколько дней к общему горю и особенному горю бабушки скончались. После смерти девочек приспособление усадьбы для барской жизни потеряло смысл, настроение Ключаревой переменилось, и усадьба получила новое назначение — стала приспособляться под женскую иноческую обитель.

При Ключаревой состоял большой штат женской прислуги, частью еще из ее быв-

ших крепостных. Эти женщины, богомольные и расположенные к монашеской жизни, положили начало монашеской общине. Зал дома, устроенный по указаниям о. Амвросия в восточной части дома, сделался домашнею церковью, где и отправлялись положенные службы. Постепенно обитель стала расти. Начальницей обители о. Амвросий избрал другую свою духовную дочь, также богатую и родовитую помещицу, Софью Михайловну Астафьеву, урожденную Болотову, брат которой, иеромонах Даниил, получивший специальное образование в петербургской Академии художеств, талантливый художник-портретист, жил в скиту Оптиной Пустыни. Софья Михайловна, будучи еще в миру, отличалась высоким духовным настроением, соединяя молитвенный подвиг с делами самоотверженного служения ближним. Овдовев после первого брака, она хотела поступить в монастырь, но по благословению старца Амвросия вышла вторично замуж за больного и старого Астафьева и несколько лет жила при нем как бы сиделкой и сестрой милосердия. Овдовев вторично, умудренная скорбным жизненным подвигом, она была, наконец, поставлена во главе возникшей Шамординской общины.

1-го октября 1881 года состоялось открытие общины. О. Амвросий не присутствовал на открытии. Затворившись у себя в келье, он целый день провел в усиленной молит-

ве. Вновь открытая община росла с такою быстротою, что не успевали строить новые корпуса для вновь принимаемых сестер. Дело требовало огромных забот и огромных средств, и всею своею тяжестью легло на престарелого и болезненного старца. Старец всею душою отдался этому делу. Он послал в Шамордино несколько ближайших к нему и опытнейших братий для помощи матушке Софии в устроении обители, и сам ежедневно выслушивал их отчеты и давал им руководящие указания. Имя старца Амвросия привлекло в обитель сестер со всех концов России, из всех классов общества. Пришли сюда и молодые курсистки, искавшие и находившие у старца указание смысла жизни; пришли богатые и знатные помещицы, вкладывавшие свои материальные средства на созидание обители. Были здесь и любительницы благочестия из купеческого звания, принимавшие иногда тайный постриг еще до поступления своего в монастырь. И особенно много было здесь простых крестьянок. Все они составили одну тесную семью, объединенную безграничною любовью к собравшему их старцу, который со своей стороны любил их также искреннею отеческою любовью. С особенною любовью принимал он в свою обитель всех обездоленных, несчастных, бесприютных: ”Таких-то, — говорил он, — нам и нужно!” Пришла к нему одна молодая крестьянка, оставшаяся по смерти мужа бездетной вдовой в мужни-

ной семье, больная, не способная к работе, всем чужая и никому не нужная. Свекровь ей говорила: ”Ты бы, милая, хоть удавилась — тебе не грех!” Пришла она к старцу вся в слезах и поведала ему свое горе. Старец внимательно выслушал ее и сказал: ”Этот хлам и у нас сойдет”. И велел принять ее в Шамордино. И вот из таких-то несчастных и им подобных набралось в Шамордине еще при жизни старца до тысячи сестер. Нашлись благочестивые и щедрые благотворители, известная московская купеческая семья Перловых, и выстроили в Шамордине величественный храм, трапезную и другие здания. Главною святынею храма была чудотворная Казанская икона Божьей Матери, по имени которой и сама обитель стала именоваться Казанскою. Когда о. Амвросий в первый раз приехал в Шамординскую усадьбу, после того, как она была куплена Ключаревой, и вошел в залу, он обратил внимание на эту икону Богоматери, висевшую в углу, долго рассматривал ее и сказал: ”Эта икона чудотворная — почитайте ее!” Слова старца подтвердились многими последующими случаями.

Алтарь нового, большого храма был устроен так, что отделялся на некоторое расстояние от его восточной стены, и это давало возможность отчетливо слышать возгласы священнослужителей во всех концах храма. Особенно внимательно старец следил за благоговейным и уставным выполнением цер-

ковных служб. На одном из клиросов он сделал собственноручную надпись: "Не ревнуй лукавнующим, зане лукавнующие потребятся" (Псал. 36.1.). Тихое и стройное пение двух клиросов под управлением опытных регентш, обученных московскими специалистами, неспешное, ясное уставное чтение и весь благоговейный, неспешный и стройный чин богослужения производил сильное впечатление на присутствующих в храме и располагал к молитве.

По благословению старца шамординские сестры во всех своих монастырских нуждах старались сами себя обслуживать: сами вели все свое хозяйство, занимались полевыми работами, работали в мастерских — швейной и сапожной, пекли хлебы, вели молочное дело, занимались в иконописной мастерской, сами золотили и чеканили иконостас в своем храме, производили эмалевые украшения на иконах, делали тонкую художественную работу — вышивали золотом и шелками, писали красками на атласе, вышили, например, и написали красками великолепное художественное золототканное изображение Тайной Вечери на передней стороне малинового бархатного напрестольного одеяния, и даже устроили собственную типографию. Не чуждались они и самой тяжелой, черной работы: например, сами копали канавы для укладки фундамента при постройке церкви. О. Амвросий заботился о том, чтобы в его обители процветали не толь-

ко молитва и труд, но и дела милосердия и помощи нуждающимся. Поэтому по его благословению в Шамордине был открыт детский приют, была устроена богадельня для не способных к труду и беспомощных старух, не только монахинь, но и мирских, и открыта школа для приходящих крестьянских девочек.

Каждое лето о. Амвросий приезжал в Шамордино, чтобы лично руководить жизнью сестер обители, как духовною, так и хозяйственною. Эти приезды старца были величайшим праздником и радостью для обители. Всех сестер охватывало особенное одушевление и усердие к своему делу. Каждой хотелось быть замеченной старцем, услышать от него похвалу, или хотя бы простое ласковое слово. Старец обходил все помещения обители, наблюдал за ходом работ, вникал во все подробности, указывал, направлял в надлежащую сторону. Его неутомимыми и постоянными помощниками, с любовью заботившимися о юной обители, были скитоначальник о. Анатолий, о. иеромонах Иосиф, будущий преемник старца, о. Венедикт, будущий заместитель о. Анатолия, о. Иоиль, наблюдавший за постройками, о. Пиор, будущий духовник обители и другие братья из Оптиной Пустыни. В самой же обители первою и незаменимою исполнительницей воли старца и руководительницею сестер была начальница обители, схимонахиня София, память которой глубоко чтится в обители,

считающей ее праведницею. Сам старец, когда получил известие о кончине матушки Софии, умершей еще не в преклонных летах, сказал: "Ах, мать! Обрела благодать у Бога!" Преемницей матушки Софии была слепая игуменья Евфросинья, после которой управляла обителью игуменья Екатерина, а затем игуменья Валентина, при которой и произошел большевистский разгром монастыря. Игуменью Валентину мне пришлось видеть и знать лично. Она происходила из купеческого звания, Калужской губернии, и говорила чистейшим калужским наречием. Еще до поступления в монастырь она приняла тайный постриг, так как по семейным обстоятельствам не могла открыто поступить в монастырь. Она была для всех примером смирения, кротости и усердной молитвы. Высокая, бледная, с благообразным лицом и добрым взглядом темных глаз, тихая и скромная, вся окутанная черным покрывалом монашеских одежд, она невольно располагала к себе сердца всех узнававших ее. Немало было в Шамордине и других монахинь высокой духовной жизни, истинных подвижниц и тружениц Христа ради, имена которых я считаю преждевременным называть, но не могу не отметить того особенного, светлого, радостного и благожелательного настроения, которым были проникнуты все шамординские сестры: мне никогда не приходилось наблюдать в них напускного, внешнего, неискреннего благоче-

стия. В этой обители удивительным образом успели сочетаться культурность и просвещенность русской образованной женщины с благоговейною настроенностью верующей народной души.

Удивительное впечатление оставляло в душе время пребывания в Шамордине чудотворной Калужской иконы Богоматери. Эта икона, обычно пребывавшая в селе Калуженке, неподалеку от Калуги, летом странствовала по городам и селам Калужской епархии и в июле достигала Шамордина.

Отношение русского народа к святым иконам иногда приравнивают к идолопоклонству, но такая оценка русского народного благочестия основана лишь на поверхностном с ним знакомстве. Я родился и вырос среди простого народа. Я с детства принимал участие в многочисленных крестных ходах в различных местностях России, на юге и на севере, — близко видел народное религиозное настроение и сам разделял его, и потому с полным убеждением могу утверждать, что отношение русского народа к иконам имеет характер истинно духовный и православный. Сквозь икону народ видит живое лицо Спасителя, Богоматери, Святителя Николая или кого-либо другого из святых угодников. Он падает пред иконою на колени и лобзает ее, но лобзает не дерево и краски, а это живое существо, которое он видит сквозь это дерево и краски. Когда он видит величественно шествующий



Старец о. Леонид (Наголкин)
(1768-1841)



Арх. Моисей (Путилин)
(1772-1868)

на носилках над толпою образ Богоматери, он не говорит: ”икону несут”, он говорит: ”Пречистая идет”; он забывает в эту минуту о материальном составе иконы и видит лишь соприкасающуюся с ним живую, невидимую Царицу Небесную.

Такое отношение нельзя назвать идолопоклонством, так как здесь нет обожествления материи. Здесь имеется налицо нечто совершенно иное — ощущение близости и везде присутствия Божества, ”соприкосновения миру иному”, по выражению Достоевского. Икона есть в данном случае только тот материальный повод, который дает возможность верующей душе легче и очевиднее войти в общение с миром невидимым.

И вот когда в Шамордино приносили чудотворную Калужскую икону Богоматери, то для всех это было посещением самой Пресвятой Богородицы. Можно представить, с каким чувством, с какими радостными слезами, с какою любовью повергались все ниц перед грядущею в обитель Царицею Небесною! С необычайным подъемом духа, торжественно, всею обителью встречали святую икону у святых ворот монастыря, и с крестным ходом, при торжественном трезвоне колоколов вносили в храм, где и начиналось праздничное всенощное бдение. По окончании богослужения начиналось пение молебнов. Святая икона поднималась с места и торжественно шествовала из кельи в

келью, из корпуса в корпус по всей обители в продолжение всей ночи. Это была как бы вторая пасхальная ночь. Во мраке ночи ярко горели свечи в руках монахинь, сопровождающих икону и отчетливо раздавались умилительные напевы стихир и ирмосов в честь Богоматери. Из монастыря крестный ход направлялся полем в соседнюю монастырскую дачу, так называемую Лапеху, и это шествие по открытому месту под необъятным ночным небесным куполом, сияющим звездами, было еще красивее и величественнее. Так проходила ночь, и к утру икона возвращалась в храм, где молебное пение продолжалось до начала литургии.

В различном расстоянии от Шамордина находились несколько принадлежавших ему дач. Кроме упомянутой Лапехи, была еще дача в великолепном сосновом лесу, так называемом царском, пожертвованном обители покойным Государем Императором Николаем Александровичем. Другая дача, Акатово, где велось полевое хозяйство, находилась довольно далеко от монастыря, и мне в ней не пришлось побывать. Третья дача — Рудново, где еще при старце Амвросии был найден источник воды, считавшийся чудотворным. В Руднове существовала небольшая деревянная, очень красивая церковь во имя Успения Богоматери. Там же существовали пещеры, ископанные какими-то прежними подвижниками, предсказывав-

шими, что придет время, когда на этом месте устроится женская обитель, и сестрам обители придется спасаться от врагов в вырытых подвижниками пещерах. Это сказание нам передавали еще в 1913 году, т.е. до войны и революции, и оно совпадает с предсказанием преп. Серафима о том, что после его прославления настанет такая скорбь и такое лютое время, когда ангелы не будут успевать носить на небо души убитых и замученных. Вообще Руднево в сознании шамординских монахинь представлялось местом таинственным, окутанным какою-то особенною чудесностью. Оно считалось местом, имеющим какое-то особенное предназначение. Кстати скажу: на половине пути между Шамординым и Рудновым, там, где дорога, поднимаясь в гору, достигает высшего подъема, становится виден сияющий крест оптинской колокольни. В самом Шамордине в тихий летний вечер накануне воскресных и праздничных дней ясно бывает слышен звон большого "семисотенного" оптинского колокола. Обитель молитвенную весть подает.

Последние годы жизни старца Амвросия были ознаменованы немалыми горестями. Частые отлучки старца из Оптинского скита в Шамордино и особенно последнее, предсмертное, самое продолжительное его там пребывание в 1891 году — вызывали ропот оптинской братии, лишавшейся возможности ежедневного посещения старца. Чтобы ска-

зать старцу свои духовные нужды, братья должны были идти — и в одиночку, и группами — за двенадцать верст, в Шамордино. Огорчался, но молчал и смиренный настоятель Оптиной Пустыни о. архимандрит Исаакий. Не нравились эти отлучки и епархиальной власти, рассуждавшей с формальной точки зрения, что монаху-схимнику не подобает оставлять свой скит и проживать в женской обители. С о. Амвросием повторялась та же история, которая уже бывала раньше со старцами Львом и Макарием. И тех упрекали в нарушении схимнических обетов за их общение с народом, за посещение светских домов. Пришлось понести этот крест и о. Амвросию, и он иногда говорил по этому поводу: "Немало я принял незаслуженной славы на своем веку. А кто пользовался славой на земле, тот должен пострадать за это или в здешней временной жизни, или в будущей вечной. Лучше же пострадать временно в здешней жизни, нежели вечно в будущей".

1891-й год был последним годом в земной жизни старца. Все лето этого года он провел в своей любимой обители, как бы спеша закончить и устроить там все незаконченное. Он ясно сознавал приближение своей кончины, и это видно было из всех его слов, из всех распоряжений. Многое объяснилось уже только после его кончины. Приехав в Шамордино в начале лета, старец задержался там по разным обстоятельствам. Шли спеш-

ные работы, по которым требовались указания. Новая настоятельница, игуменья Евфросинья, нуждалась в руководстве. Старец, повинуясь распоряжениям консистории, неоднократно назначал дни своего отъезда, но ухудшение здоровья, наступавшая слабость заставляли его откладывать свой отъезд. Так протянулось дело до осени, и всем стало ясно, что старец останется и на зиму в Шамордине. Стали приготовлять для него зимнее помещение. Сестры радовались, что старец не покинет их. Между тем из Калуги шли все более и более настойчивые требования о возвращении старца в скит. Наконец было получено известие, что сам преосвященный, недовольный медлительностью старца, собирается приехать в Шамордино и увезти о. Амвросия в Оптину Пустынь. Обиженные за старца сестры сильно волновались. Один старец оставался спокоен и благодушен. Осеннее время неблагоприятно отразилось на здоровье старца. Он простудился и, наконец, перестал вставать с постели. Это была его последняя, предсмертная болезнь. Не сознававшие опасности положения старца, сестры, встревоженные вестями о приезде архиерея, спрашивали старца: ”Как мы будем встречать владыку, если он приедет к нам?” Старец отвечал: ”Мы пропоем ему — со святыми упокой!”

Наконец в Шамордине получено было известие, что владыка выехал из Калуги. А старец слабел все более и более. И вот —

едва преосвященный успел проехать половину пути до Шамордина и остановился ночевать в Перемышльском монастыре, и сидел вечером за чаем с настоятелем монастыря, как ему подали телеграмму, извещающую его о кончине старца. Преосвященный изменился в лице и, подавая телеграмму настоятелю, смущенно сказал: "Что же это значит?" Был вечер десятого октября.

Преосвященному советовали на другой день вернуться в Калугу, но он ответил: "Нет, вероятно, такова уж воля Божия! Простых иеромонахов архиереи не отпевают, но это особенный иеромонах — я хочу сам совершить отпевание старца!" Прибыв в Шамордино, владыка направился прямо в церковь, где уже находилось тело старца. Шла панихида. Когда владыка вступил в храм, певчие пели: "Со святыми упокой"... Сестры вспомнили пророчество старца, и громкие рыдания огласили церковь.

Шамординские сестры очень хотели, чтобы тело старца было предано земле в том месте, где застигла его смерть, т.е. в Шамордине. Они усматривали в этом волю Божию. Оптинцы же находили, что старец должен быть погребен в той обители, в которой он числился, в которой он полагал начало монашеству, в которой протекла вся его жизнь, и в которой почивали его наставники — старцы Лев и Макарий. Там, около этих старцев, следовало почивать и телу о. Амвросия. За разрешением возникшего затруднения обратились в Св.

Синод, и Синод предписал предать земле останки старца Амвросия в Оптиной Пустыни.

Была дождливая осенняя погода. Но это не помешало огромному стечению народа, отовсюду собравшегося на погребение чтимого старца. После продолжительного отпевания, совершенного в Шамордине, во время которого было произнесено много глубоко прочувствованных речей, отметивших великое значение русского старчества вообще и старца о. Амвросия в частности, гроб старца, при громком плаче осиротевших шамординских сестер, был вынесен из церкви, и похоронная процессия двинулась в Оптину Пустынь. Сопровождаемая хоругвями и иконами, встречаемая в попутных селениях крестными ходами и духовенством в облачении, процессия была более похожа на перенесение мощей, нежели на обычное погребение умершего. Всю дорогу до Оптиной Пустыни гроб несли на руках. Несмотря на моросивший дождь и грязную дорогу, не уменьшалось число людей, сопровождавших процессию, не умолкали погребальные песнопения и ярко горели свечи в руках молящихся. Уже в сумерки процессия достигла Оптиной Пустыни, откуда навстречу ей уныло неслись звуки большого колокола. Тело старца Амвросия предано было земле на общем кладбище по правую сторону от алтаря Введенского храма рядом с могилою старца Макария. Так закончилось многотрудное старче-

ское служение о. Амвросия, в течение тридцати лет облегчавшего и несшего на себе скорби и тяготы бесчисленного числа людей, искавших у него помощи и утешения. Впоследствии над могилой старца была воздвигнута часовня, в которой пред иконами Казанской Божьей Матери и святителя Амвросия Медиоланского теплились неугасимые лампады.

На светлом, беломраморном надгробьи золотыми буквами были начертаны слова апостола Павла, точно выражающие смысл жизненного подвига старца: ”Бых немощным, яко немощен, да немощныя приобрящу. Всем бых вся, да всяко некия спасу”. (1 Кор. IX. 22.).



Старец о. Макарий (Иванов)
(1788-1860)



И. В. Киреевский
(1806-1856)

VIII

ПОСЛЕДНИЕ ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

Через два года после о. Амвросия, в январе 1894 года, скончался его ближайший помощник по духовничеству в Шамордине — начальник Оптинского скита иеросхимонах Анатолий, и в том же 1894 году, в августе, скончался и настоятель Оптиной Пустыни о. архимандрит Исаакий. С кончиною этих трех духовных руководителей оптинского братства закончился период высшего духовного расцвета и высшей славы Оптиной Пустыни. В дальнейшем своем существовании Оптина Пустынь жила уже только воспоминаниями своего славного прошлого и посильным хранением своих славных традиций. И хотя старчество в Оптиной Пустыни не угасло, но уже не имело прежней силы и славы. После кончины о. Амвросия старчество сперва распределилось между двумя его ближайшими учениками и помощниками — скитоначальником о. Анатолием и иеромонахом о. Иосифом. По смерти же о. Анато-

лия главным старцем сделался о. Иосиф. Он жил в келье о. Амвросия, и своею кротостью, смирением и преданностью памяти своего наставника приобрел общую любовь и уважение.

Все любившие о. Амвросия, не могли не любить и о. Иосифа, которого высоко ценил и сам покойный старец, говоривший о нем своим духовным детям: "Я поил вас вином с водою, а Иосиф будет поить вас цельным вином". Сам престарелый настоятель Оптиной Пустыни, о. Исаакий, видел в о. Иосифе преемника о. Амвросия по старчеству. Впрочем, не прекратилась и та линия старчества, во главе которой стоял о. скитоначальник Анатолий. Его преемник по должности скитоначальника, о. Венедикт, заменил для многих о. Анатолия. О. Венедикт был воспитанником Смоленской духовной семинарии и некоторое время был мирским священником в своей Смоленской епархии. Он отличался благоговейною жизнью и, овдовев, по совету о. Амвросия поступил в Оптину Пустынь, где исполнял обязанности письмоводителя при старце. Под руководством о. Амвросия и о. Анатолия он сам приобрел духовную опытность и стал полезным руководителем для своих духовных детей. Еще при жизни старца Амвросия он исполнял обязанности духовника шамординских сестер и остался им и впоследствии. Окончил он свою жизнь в сане архимандрита, настоятелем Боровского Пафнутиева монастыря.

Другим учеником скитоначальника о. Анатолия был иеромонах Нектарий, о котором говорили как об опытном делателе умной Иисусовой молитвы. Он поступил в скит еще мальчиком и большую часть своей жизни провел в глубоком уединении, под руководством о. Анатолия. Лишь в последние годы, уже по кончине о. Иосифа, он, с благословения настоятеля Оптиной Пустыни, поселился в келье о. Амвросия и стал принимать посетителей. По примеру первого оптинского старца Льва, и о. Нектарий не чужд был некоторого юродства. О. Иосиф скончался в мае 1911 года и был похоронен на общем кладбище у ног старца Амвросия как его верный и преданный ученик. После его кончины из всех бывших учеников о. Амвросия особенно выделился иеромонах о. Анатолий (младший), который и сделался вскоре главным и общепризнанным старцем Оптиной Пустыни. Когда-то он был келейником у о. Амвросия и жил в скиту. Будучи еще в сане иеродьякона, в 1905 году, он уже привлекал к себе внимание и сердца богомольцев своим внимательным, любовным выслушиванием их печалей и жалоб. Особенно льнули к нему старухи-крестьянки. Мне пришлось быть у него в 1905 году в его маленькой, тесной келье в глубине скита. Рядом с ним, в другой келье, помещался о. Нектарий. Мы сидели втроем за самоваром у о. Анатолия. Небольшого роста, немного сгорбленный, с чрезвычайно быстрою ре-

чью, увлекающийся, любовный — о. Анатолий уже тогда оставил во мне неизгладимое впечатление.

Шесть лет спустя я снова увидел о. Анатолия, уже в сане иеромонаха. Он жил уже не в скиту, а в монастыре, при церкви Владимирской иконы Божьей Матери, и пользовался уже большою известностью, как общепризнанный старец. Около него уже создалась та особенная духовная атмосфера любви и почитания, которая окружает истинных старцев, и в которой нет ни ханжества, ни истеричности. О. Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращению с людьми напоминал преп. Серафима Саровского. Обращала на себя внимание его особенная, благоговейная манера благословлять — с удерживанием некоторое время благословляющей руки около чела благословляемого. В нем ясно чувствовались дух и сила первых великих оптинских старцев. С каждым годом возрастала его слава и умножалось число его посетителей.

О. Анатолию пришлось пережить все бедствия военного времени, революции и большевизма. Несмотря на все эти испытания и на собственную тяжелую болезнь, о. Анатолий оставался неизменно живым, отзывчивым и любвеобильным. Он скончался, по-видимому, в 1922 году, и с его смертью

закончилось четвертое тридцатилетие в истории Оптиной Пустыни. Из настоятелей Оптиной Пустыни, управляющих ею после о. архимандрита Исаакия, более других был нам известен о. архимандрит Ксенофонт, управлявший обителью около двадцати лет. На вид суровый, строгий, молчаливый, с бледным болезненным лицом, он был верным хранителем оптинских преданий и заботливым хозяином. Происходил он из крестьян.

IX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы перечислили далеко не всех тех иноков Оптиной Пустыни, которые обращали на себя внимание своею выдающеюся жизнью и своими высокими качествами. Может быть, иных, не менее замечательных, мы даже и не упомянули. Составляя настоящий очерк исключительно по памяти, мы, естественно, могли упустить многое, даже существенное. В заключение нашей книги мы не можем воздержаться от невольно напрашивающегося сравнения жизни Оптиной Пустыни с переменами, происходящими в жизни видимой, окружающей нас природы.

После долгой, холодной и беспросветной зимы XVIII века оживает и возрождается Оптина Пустынь в начале XIX века. Под воздействием лучей согревающей теплой любви внимательного и заботливого сердца московского митрополита Платона начинается в Оптиной Пустыни ранняя весна — деятельность

игумена Авраамия, переселяются в Оптину Пустынь юные подвижники — Моисей и Антоний, возникает скит.

Весна все более и более входит в свои права. Природа все более и более расцветает. В Оптиной Пустыни начинается деятельность о. Моисея как настоятеля обители, о. Антония как начальника скита и о. Леонида как монастырского старца.

Приходит лето. Прибывает в Оптину Пустынь о. Макарий. Старчество все более крепнет и развивается. При содействии Киреевских развивается издательская деятельность: извлекаются из-под спуда писания великого старца Паисия Величковского, опубликовываются в печати и широко распространяются по России.

Возрастает слава и известность Оптиной Пустыни.

Лето становится все жарче и роскошнее. Поспевают травы. Созревают хлеба. Фруктовые деревья дают плоды свои. Так и оптинское старчество в лице старца Амвросия приносит свой наиболее зрелый, наиболее обильный плод. Деятельность старца переходит далеко за пределы обители, становится известной всей России, возникает трудами и заботами старца новая пустынь — Казанская Амвросиевская Шамординская обитель, основываются по его благословению и другие обители — в Воронежской, Саратовской и Полтавской епархиях.

Но вот лето кончается. Природа еще пре-

красна, еще хранит в себе остатки прошлого богатства и красоты, но уже новых созреваний нет. Наступила ранняя осень. Это жизнь Оптиной Пустыни по смерти о. Амвросия и о. Исаакия. Еще не забыты предания старцев, еще память о них жива и в сердцах, и на устах всех, еще растут прекрасные осенние цветы духа — старцы Антоний, Иосиф, Венедикт, Анатолий (младший), но уже нет в них летней силы, летнего аромата. Наконец, наступает слякоть поздней осени, развертывается русская революция, а за нею начинается суровая, жестокая, холодная, беспросветная зима — царство большевиков. Оптина Пустынь замирает, погружается в глубокий зимний сон. Круг ее жизни, цветения и плодоношения закончился.

Придет ли опять весна? Повеет ли опять теплом и любовью? Проснется ли снова к жизни Оптина Пустынь? — Это ведомо единому Богу!

Протоиерей Сергий Четвериков
1925.6/19.XII

ПРИЛОЖЕНИЯ *

ПЕРЕПИСКА РАЗНЫХ ЛИЦ С ОПТИНСКИМИ СТАРЦАМИ ПО ПОВОДУ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ, ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

*** Все приложения печатаются с сохранением авторских особенностей правописания.**

Как в первом издании книги, так и в журнальной публикации, письма поданы в сбивчивой хронологии. Мы постарались по смыслу восстановить их последовательность, однако вероятно некоторые даты в скобках поставлены произвольно.

I

ПИСЬМА И. В. КИРЕЕВСКОГО МАКАРИЮ ОПТИНСКОМУ*

1.

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший и многоуважаемый отец Макарий!

Наталья Петровна уже писала к Вам с нашими подводами, отправившимися вчера в обратный путь. Теперь я хочу сообщить Вам несколько слов о Вашем издании. Я видел Шевырева еще на короткое время и узнал от него, что теперь печатается тринадцатый лист. Десять листов уже совершенно отпечатано; из них восемь уже находятся у Вас, а два будут к Вам отправлены с завтрашнею почтою. Листик опечаток, Вами замеченных, я посылаю к Вам с отметками Шевырева, который просит возвратить его ему обратно с Вашим решением. Дело в том, что между замеченными Вами опечатками мелкие — не опечатки, а изменения против рукописного текста, другие же поправлены самим цензором, третьи — действительно опечатки и обозначены им знаком "Х". Эти последние будут вставлены в погрешностях. Изменения, сделанные цензором, надобно оставить так, как он сделал, а перемены против рукописи, сде-

* Двадцать шесть писем И.В. Киреевского (двадцать одно из них – впервые) были напечатаны в первом издании этой книги (Париж, 1926). Полная публикация была осуществлена в журнале "Символ", № 17, июль 1987 г.

ланные вами, надобно опять представить в цензуру. Поэтому Шевырев просит Вас пересмотреть их, и если что найдете действительно нужным, то изволите обозначить на листке, а без каких перемен можно обойтись, то те извольте вычеркнуть, для скорейшего хода дела в цензуре. Впрочем, Федор Александрович не задерживает и принимает доброжелательное участие в издании Вашем. Митрополит, к которому Шевырев относился еще при начале дела, не только принял это известие доброжелательно, но и обещал сам покровительствовать ему, и действительно сам писал о том к Голубинскому, который тогда же уведомил об этом Шевырева.

Прошу Ваших святых молитв и благословения. Спешу на почту.

Преданный Вам с любовью Ваш недостойный сын

И/ван/ Киреевский

19 сентября 1846 года

2.

Высокопочтенный и многоуважаемый о. Макарий!

Вчера я получил письмо от Шевырева вместе с одним местом корректуры "Жития старца Паисия": и то, и другое препровождаю к Вам для рассмотрения. Хорошо бы было, если бы Вы успели отправить корректуру обратно к Шевыреву в понедельник с экстрапочтой. На полях корректуры Вы найдете заметки Шевырева карандашом: он спрашивает, какого правописания угодно Вам держаться в словах: "славянский", "словянский" или "словенский" и в словах: "отнудъ" или "отнюдь"? По моему мнению, в последнем слове должно несомненно быть на конце "ъ", то есть "отнюдъ"; первое же слово каждый пишет своим образом. Я обыкновенно пишу "словенский", производя "словени" от "слова", в проти-

воположность немцам. Впрочем, извольте выбрать, какое Вам кажется правильнее, и по нем исправить другие, выставляя поправки на полях так, как на последней странице исправлено слово "разум". Адрес Ваш Шевырев уже имел и по нем один раз уже и писал к вам, но, вероятно, потерял. Не скорее ли будет дело, если, вместо того, чтобы посылать корректурные листы из напечатанного уже текста по почте, исправить предварительно по напечатанной книжке те ошибки, которые найдутся там сверх замеченных опечаток, и послать книжку Шевыреву. В случаях сомнения о правописаниях, кажется, можно положиться на него. А что будет печататься вновь с рукописи, то пусть он присылает в корректуре. Впрочем, извольте сделать, как найдете лучшим. Я говорю это предположение только для сокращения времени. Видно, что они оценили там Ваше дело надлежащим образом и приняли его к сердцу. Очень бы желательно было, чтобы исполнилось предположение Голубинского и Москов/ский/ митрополит со своей стороны прибавил что-нибудь к предисловию. Кроме достоинства его пера, он может более всех других иметь драгоценные сведения о многом и о многих упомянутых в предисловии.

Нат/алья/ Петр/овна/ не пишет к Вам потому, что чувствует себя не совсем здоровою. Она поручила мне сказать Вам ее почтение и передать Вам, что о г-же Галантиоповой она действительно еще не справлялась; но что по желанию Вашему она непременно с нею познакомится. Что же касается до ее денег, то на такую вещь, без сомнения, найдутся много охотников, а из многих легко можно будет по Вашему совету избрать вернейшего. Мы же теперь в деньгах, слава Богу, не нуждаемся. Если же никого верного не найдется и Вы непременно этого пожелаете, то, разумеется, мы исполним Вашу волю. Мы оба про-

сим передать наше почтение о. игумену — и, полагаясь на Ваши святые молитвы, душевно вам преданный

И/ван/ Киреевский

3.

Посылая Вам этот первый экземпляр книги Вашей, почтеннейший и многоуважаемый Батюшка, спешу сказать Вам о ней два слова: печатание окончено; завтра на почте пошлется шесть экземпляров в цензуру при письме к Фед/ору/ Александровичу /Голубинскому/, который, вероятно, возвратит их с первою почтою; тогда только можно будет получить книгу всю из типографии. В прилагаемом экземпляре обертка будет другая, и сзади виньетка переменится. Удивительно, что в русской университетской типографии кресты все латинские. Снимок с почерка с/тарца/ Паисия литографируется. В этом экземпляре ошибочно переплетчиком пропущено окончание предисловия. Оно пришьется потом, после; теперь же время почти не позволяет откладывать. Прошу Вас принять мое искреннее поздравление с Новым годом и передать его также почтеннейшему о. игумену, о. Иоанну и о. Виталию. Прошу Ваших святых молитв за душевно Вам преданного

И/вана/ Киреевского

4.

Достопочтеннейший и многоуважаемый Батюшка!

Вам угодно приступить ко второму изданию книги Вашей, ''Житие старца Паисия'', с прибавлением тех книг, которые были исправлены или вновь переведены старцем Паисием. Само собой разумеется, что покуда мы в Москве, то для нас будет большое счастье содействовать сколько мы можем этому полезному де-

лу. Степану Петровичу я уже говорил об этом, и он со своей стороны тоже рад, и если успеем, то завтра пошлем прошение в Цен/зурный/ ком/итет/ от имени Шевырева. Но, кажется, что если печатать: Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника (по вопросу и ответу), Феодора Студита, "Житие Григория Синаита" и восемь или даже пять "Слов" Марка Подвижника, то этот том будет более первого. А между тем все еще не все труды с/тарца/ Паисия будут напечатаны, то есть останутся еще Максима Исповедника "Толкование на Отче наш", Иустина Философа "О Святой Троице", аввы Фалласия четыре сотницы и Симеона Еоханского "Слово о безмолвии". Не лучше ли уже будет напечатать все в трех частях? А что эти последние книги точно переверены старцем Паисием, то на это доказательством может служить находящийся у нас экземпляр этих книг, данный нам покойным о. Филаретом, где по сторонам выставлены листы греческой "Филокалии" и где соблюдается правописание старца Паисия и выставлены над словами точки, как в Исааке Сирине. Я уже говорил об этом с Федором Александровичем. Он обещался пропустить скоро, только опасался за некоторые темноты в толковании на "Отче наш". Во избежание затруднений от этой темноты, я думал сделать одно из двух: или напечатать против словенского текста русский перефразчик, как сделано с книгою Лоре "О Любви", или в выписках приложить перевод только одних темных мест, соображаясь с переводом латинским, прислав и то, и другое на Ваше предварительное рассмотрение и исправление. Это казалось мне нужным для того, чтобы не исправлять самого текста, писанного Паисием, и сохранить его как вещь священную. Поэтому прошу Вас уведомить меня, угодно ли Вам будет мое предложение, и поспешить присылкою рукописей, если не всех вдруг, то хотя бы частями, потому

что и Голубинский говорил мне, что он скорее и лучше может просматривать рукопись частями, то есть по нескольку листов, а не все вдруг. Что касается до предисловия, то, я думаю, не лучше ли будет его опять печатать последнее, для того что между этим временем, вероятно, Вы получите многие сведения о лицах, там упоминаемых, от разных читателей Вашей книги, и потому многое можно будет прибавить. Кстати, прилагаю Вам письмо Ф.А. Голубинского к Шевыреву, писанное в марте месяце прошлого года. Но Шевырев вспомнил об нем при самом окончании печатания, потому я и не успел послать его к Вам тогда, а вставил сам в предисловие ту перемычку об Афанасии, какую предлагал Голубинский. Но мне кажется по некоторым соображениям, что Голубинский напрасно приписывает такое полезное участие Якову Дмитриевичу в исправлении "Добротолюбия". Вероятнее, кажется, предположить, что он принадлежал к тем ученым исправителям, о которых говорил митроп/олит/ Гавриил и которые больше мешали, чем помогали. Впрочем, Вам это должно быть известно. Что же касается до Филарета Глинского, то я говорил об нем замечание Ваше Ф/едору/ Александровичу; но он ответил мне, что Филарет точно был очень долго игуменом, но при конце жизни был сделан архимандритом. Если при втором издании Вам угодно будет приложить портрет старца Паисия, то прошу Вас написать об этом поскорее, покуда он еще не стерт с камня. Это будет дешевле, чем снова рисовать его. Также и о снимке с почерка. Окончив о книге, позвольте мне предложить Вам просьбу о себе самом: я желал бы говеть в этот пост и приобщиться св/ятых/ Таин, но не смею этого сделать без Вашего разрешения. Благословите ли Вы мне, Батюшка, или прикажете отсрочить! С нетерпением буду ожидать Вашего ответа, и с покорностью.

Душевно преданный Вам духовный сын и почитатель.

И/ван/ Киреевский

/P.S./ О. игумену и о. Иоанну прошу Вас передать мое глубочайшее почтение. Письмо Федора Александровича прошу возвратить.

5.

1847*

Теперь немного беспокоит нас состояние здоровья Н/атальи/ П/етровны/, которая чувствует себя не совсем хорошо. Она с самого приезда в Москву все как-то не поправляется, но, напротив, худеет и расстраивается. Молитвы Ваши Господь услышит. Прошу Вам передать мои поздравления о. игумену и просить его св. молитвы о нас, много его уважающих. Прошу Вас также взять на себя труд поздравить от меня почтенного старца и/еромонаха/ А/нтония/.

С искренним почтением и беспредельною преданостью имею счастие быть Вашим духовным сыном и покорным слугою

И/ван/ К/иреевски/й

28 марта**

6.

1848***

Благодарю Вас, почтеннейший и многоуважаемый Батюшка, за Вашу благосклонную память обо мне и за книгу, присланную мне в день моего рождения.

---

* Написано карандашом не переписчиком, а кем-то другим. (Здесь и далее примечания С.Четверикова.)

** Рукою переписчикаа написано "1847 г.", но зачеркнуто карандашом.

*** Очевидно, приписка.

Благословение Ваше при начале моего Нового года принял я за счастливое ручательство будущего. Но известие о Вашем нездоровье много огорчило нас, и мы просим Вас сделать нам одолжение поручить окружающим Вас извещать нас на первой почте о ходе Вашей болезни и выздоровления.

С уважением и преданностью
Ваш духовный сын И/ван/ К/иреевский/
23 марта

7.

Достопочтеннейший Батюшка!

По милости Божией и за Ваши святые молитвы Н/аталья/ П/етровна/ сегодня, 29 ноября, в восемь часов поутру благополучно разрешилась от бремени сыном Николаем, которому быть восприемным отцом она просит Вас. К ее просьбе я усерднейше присоединяю свою. Крестины будут, как мы думаем, в восьмой день, т.е. в день Николая Чудотворца. Прошу Вас известить об нашей радости и вместе передать глубочайшее почтение о. игумену и старцу Иоанну и усерднейший поклон всем святым отцам Вашей обители, которые помнят об нас.

С уважением и преданностью Ваш духовный сын
И/ван/ К/иреевский/

8.

Достопочтеннейший Батюшка!

Отец Макарий!

Спешу написать Вам несколько слов для того, чтобы просить Ваших святых молитв о Н/аталье/ П/етровне/. Она родила благополучно, как я вам писал, и первые дни чувствовала себя очень хорошо; но со вчерашнего дня ей сделалось хуже, и мы боимся, чтобы

с нею не повторилась та болезнь, которая была у нее после последних родов.

Впрочем, сегодня она чувствует себя опять несколько легче. Крестить нашего Николая думаем мы в декабре часов в шесть или семь вечера. С вашего позволения будет поминаться Ваше имя как восприемника, и мы все просим Ваших святых молитв.

И/ван/ К/иреевский/
3 декабря

9.

Почтеннейший Батюшка!

Н/аталья/ П/етровна/ не может сегодня писать к Вам сама, потому что простудилась и получила довольно сильную боль в горле, от которой должна лежать. Третьего дня она брала молитву, вчера поутру почувствовала маленькую боль в горле, которая, однако же, не остановила ее ехать к обедне. Ввечеру боль сделалась гораздо сильнее, а сегодня поутру еще увеличилась. Она просит Ваших святых молитв.

Голубинский был у нас седьмого числа. Он обещал много, но не знаю, найдет ли силы и время исполнить. Второе: "Слово" Марка Подвижника, "о крещении", хотел прислать в следующую пятницу. Феодора Студита хотел тоже просмотреть и, если там найдется не много ошибок в орфографии и знаках препинания (потому что других поправок он, не имея подлинника, делать не думает), обещал прислать к нам для того, чтобы печатать без цензуры, а ему в цензуру посылать корректурные листы. Это было бы гораздо скорее. Печатание "Устава" Нила Сорского он очень одобряет, но говорит, что надобно спросить предварительное позволение у митрополита. Сверх того, он хотел справиться, находится ли эта книга в числе тех, которые Синод объявил своею собственностью. Если не нахо-

дится, то печатать можно без затруднений. Если находится, то надобно будет просить Синод. От ответа Патриархов Папе он сказывал нам слух очень огорчительный и почти невероятный. Но как он сам этого ответа не читал, а только слышал, то мы думаем, что тут есть какая-нибудь ошибка. Он говорит, будто там сказано о происхождении Св/ятого/ Духа, что Православная Церковь хотя и принимает это происхождение от Отца и Сына по существу, но не принимает его по Ипостаси. Такое отступление от одного из первых догматов Православия кажется невозможным. Но если это правда, тогда Русской Церкви следует протестовать громко и поддержать истину, к которой, вероятно, пристает и весь Восток.

Испрашивая Вашего святого благословения на весь наш дом, остаюсь с почтением и преданностью Ваш покорный слуга

И/ван/ К/иреевский/
10 января 1849 г.

10.

Благодарю Вас, почтеннейший и сердечно уважаемый Батюшка, за благодушное Ваше воспоминание о дне моего рождения, за добрые желания Ваши и святые молитвы, в которых я вижу не заслуженный мною дар Божий на подкрепление шатких и слабых к добру движений моего сердца. Позвольте мне поздравить Вас с наступающим святым праздником и просить принять и мои желания вместе со всеми любящими и уважающими Вас. Прошу Вас также передать мои поздравления о. игумену и о. Иоанну и тем святым отцам Вашей обители, которые удостоят вспомнить обо мне. С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашим духовным сыном и покорнейшим слугою

И/ван/ К/иреевский/
31 марта

11.

Почтеннейший и многоуважаемый Батюшка!

Пишу к Вам столько же по собственной сердечной потребности, сколько и по поручению Н/атальи/ П/етровны/. Она больна, и мы просим Ваших святых молитв за нее и надеемся, что Бог услышит их. От беспокойства, от огорчений и вместе от сильного движения по петербургской мостовой у нее сделалось кровотечение, сначала весьма малое, но понемногу увеличилось, так что она теперь лежит уже четвертый день и очень ослабела. Доктор ездит всякий день; нынче хочет быть два раза и предлагает сам посоветоваться еще с другим. Вообще лекарства до сих пор пользы не делают, напротив, болезнь все увеличивается. Помолитесь, Батюшка, а мы будем опирать свои грешные молитвы на Ваших.

Душевно преданный Вам

И/ван/ К/иреевский/
10 июня

12.

Прошу Вас, много и сердечно уважаемый Батюшка, принять и мое поздравление с наступающим Новым годом вместе с выражением искреннего желания Вам доброго здоровия и всего лучшего.

Немалым утешением для меня в этот день будет мысль, что, по христианской любви Вашей, я могу свои рассеянные и смешанные чувства к Богу укрепить Вашими святыми молитвами, испрашивая Его благословений на наступающий новый отдел времени. Прошу Вас также передать поздравления о. игумену вместе со всеми помнящими о нас братьями, из которых особенно прошу напомнить обо мне достойнейшему и/еромонаху/ А/нтонию/.

С глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть Вашим покорным слугою — духовный сын Ваш

И/ван/ К/иреевский/
31 декабря

13.
1850*

Достопочтеннейший и многоуважаемый Батюшка о. Макарий!

Надеюсь в конце этого месяца иметь удовольствие видеть Вас в Оптине; я пишу теперь несколько слов для того, чтобы принести Вам мое усердное поздравление в день Вашего ангела вместе с выражением искреннего желания вам всех благ и особенно доброго здоровья Вам и нам на пользу. Прошу Вас передать мое глубокое уважение достойнейшему о. игумену и не забывать в Ваших святых молитвах душевно Вам преданного И/вана/ К/иреевского/.

18 января

14.

Приношу Вам, многоуважаемый Батюшка, мое искреннее поздравление с наступающим великим днем светлого Хр/истова/ Воскресения и прошу Бога, чтобы Он за Ваши святые молитвы принял и мои недостойные, исполненные сердечных желаний Вам всякого блага. Прошу Вас также передать мои поздравления почтеннейшему о. игумену и тем из святой братии Вашей, которые соблаговолят обо мне вспомнить. Прекрасная икона, присланная мне Вами, почти не сходит

---

* Приписано переписчиком.

с глаз моих и доставляет мне много сердечного утешения. На днях получил я письмо от того приятеля моего (великого математика и астронома), о котором говорил с Вами третьего февраля в Оптине и который имел странные мысли о воплощении Сына Божия на звездах. Я сообщил ему наш разговор и Ваши слова, сколько мог припомнить и как умел, и теперь, сверх всякого ожидания моего, он пишет ко мне, что это сообщение произвело на него такое действие, что ''в невольном излиянии чувств во время чтения он мысленно повергался к стопам Вашим и что впечатление от этих слов до самой смерти не изгладится из его памяти''.

Испрашиваю Ваших святых молитв и святого благословения Вашего и остаюсь с уважением и преданностью

И/ван/ К/иреевский/
18 апреля /1850/

15.
1852

Милостивый Государь, сердечно уважаемый Батюшка!

Это письмо, вероятно, придет к Вам в светлейший праздник: потому прошу Вас принять мои искренние поздравления вместе с радостным приветствием: Хр/истос/ Воскресе! Я вчера отправил к Вам по почте мою статью с перерывом в средине (ибо эти листы были в типографии) и не успел притом написать к Вам ни слова. Я прошу Вас, милостивый Батюшка, когда Вы будете по благосклонности Вашей ко мне читать статью мою, то возьмите на себя еще и тот труд, чтобы исправить в ней то, что Вы найдете требующим исправления. Каждое замечание Ваше будет для меня драгоценно. В том пропуске, который я не мог при-

слать к Вам, находятся мои рассуждения о просвещении западном. Я показываю, что оно вышло из трех источников: из Рима языческого, из Римской Церкви и из насилий завоевания и что все три источника эти направляли ум западного человека к наружности и к предпочтению рассудка (который разбирает внешнюю сторону мысли и формальное сцепление понятий) перед разумом, который стремится к цельной истине. Потому, я думаю, для Вас понятна будет моя мысль и несмотря на пропуск. Для меня же особенно важные будут Ваши замечания о том, что я говорю о святых Отцах Восточной Церкви и о России, как она была в древние времена. Хотя я думаю, что говорю истину, однако же чувствую в то же время, что судить об этом могут только такие люди, как Вы. А мне не хотелось бы сказать ничего неистинного или неверного, особливо об учении святых Отцов. В последнем письме моем к Вам я писал к Вам о некоторых пустых тревогах, которые были у нас от пустых мыслей. После письма моего Вам, как то обыкновенно бывает, это беспокойство, благодаря Бога, утихло, по крайней мере по наружности.

16.

Много и сердечно уважаемый Батюшка!

Я давно уже не слежу за нашею литературою и поэтому не знаю, что делается с нашим языком и какие законы он принимает. Поэтому я в этом случае имею счастье иметь сходство с Вами, Милостивый Батюшка, что так же, как и Вы, не понимаю, почему по-русски нельзя сказать: вопрос того же к тому же. Но если о. Лавр, авва Иоанн и Лев Алекс/андрович/ держатся этого мнения, то, конечно, оно имеет какое-нибудь основание. Впрочем, С.П. Шевырев, который был у Вас, вероятно, разрешил Ваши сомнения своим

профессорским авторитетом. Очень любопытно мне будет видеть перевод Ваш первой главы с/вятого/ Исаака, также и замечания Ваши на перевод лаврский. В присланной Вами рукописи с/вятого/ Григория Паламы есть некоторые места очень темные. Я сличал некоторые из них с греческим подлинником в "Филокалии", и нашлось, что эта темнота иногда происходит от пропусков, а иногда — от неправильных знаков препинания. В одном месте я осмелился вставить пропущенное слово "ум", без чего смысл совсем терялся, в других же местах я не решился этого сделать. Впрочем, я сличал не все. Лексикон греческий нынче отправился к Вам (С м/атерью/ Афанасиею и Магдалиною) тот, какой мне показался лучшим. Но Ферапонтов говорит, что в Саратове издан еще греческо-русский лексикон одним ученым, Смарагдом, из духовного звания, и если Вам будет угодно, то предлагает его выписать. Потому если Вы не будете довольны лексиконом Касовича, то извольте прислать его ко мне, а лексикон Смарагда приказать выписать. Он стоит три рубля, а Касовича — четыре рубля. Один мой знакомый дал мне просмотреть находящийся у него перевод некоторых книг "Добротолюбия" на русский язык. Я просил сестру мою списать их и сообщу Вам. Видно, что переводчик владеет хорошо русским языком и переводит с перевода Паисия, однако же имел и греческий подлинник перед глазами. Потому читать эту книгу и легко и приятно. Однако же притом видно и то, что ученый переводчик не обращал большого внимания на те оттенки выражений, которые в нравственном и в духовном смысле имеют большую важность. Потому иногда безделица ощущения или безделица прибавления изменяет всю силу речи. Потому этот перевод нужно бы было просмотреть Вам и поправить, тогда он вышел бы прекрасный. Слово греческое "гнозис", которое Паисий пере-

водит: "разум", в русском "Добротолюбии", так же как и в лаврском Исааке Сирине, переводится: "познание".

Испрашиваю Ваших молитв и благословения и с сердечною преданностию остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
5 августа*

17.

От всего сердца уважаемый Батюшка!

Вчера ввечеру получили мы письмо Ваше и рукопись перевода Исаака Сирина с болховским купцом В.Н. Курк., а сегодня еще письмо по почте от восьмого августа. Но сегодня с самого утра я должен был ждать по делу нашего процесса и потому не мог просмотреть замечаний Ваших на перевод Троицкой Академии, и только половину Вашего перевода 1-й главы Ис/аака/ С/ирина/ успел прочесть и сличить с переводом лаврским и паисиевским. До сих пор, мне кажется, во всех тех местах, где Вы отступаете от перевода лаврского, Вы совершенно правы и смысл у Вас вернее. Но, несмотря на это, мне кажется, что перевод Паисия все еще остается превосходнее, и хотя смысл в нем иногда не совсем ясен с первого взгляда, но эта неясность поощряет к внимательному изысканию; а в других местах в словенском переводе смысл полнее не только от выражения, но и от самого оттенка слова. Например, у вас сказано: "сердце", вместо "Божественного утверждения, увлечения в служении чувствам". В словенском переводе: "Рассыпается бо сердце от сладости Божия в служение чувств". Слова:

---

* Приписано синим карандашом "1847".

”Рассыпается от сладости”, может, и неправильны по законам наружной логики, но влагают в ум понятия истинные, а, между прочим, это дает разуметь, что сладость Божественная доступна только цельности сердечной, а при несохранении этой цельности сердце служит внешним чувствам. Также выражение: ”Иже истинного сердца своего уцеломудряет видение ума своего” дает не только понятие о исправлении сердечном, но еще и о том, что пожелание нечистое есть л о ж ь с е р д ц а , которым человек сам себя о б м а н ы в а е т , думая желать того, чего в самом деле не желает. Впрочем, может быть, я вижу в этих выражениях и излишнее; главное было в прямом смысле, а оттенки — вещь посторонняя. Прочтя все слова и все замечания, я сообщу Вам мое мнение, потому что Вы приказываете мне это сделать. Митрополиту думаем мы отвезти Ваши рукописи завтра, если Богу будет угодно. О вопросе Вашем, можно ли писать по-русски: ”от того же к тому же” Н/аталья/ П/етровна/ уже сообщила мнение митрополита. Я же думал, что написал Вам в последнем письме, что никак не вижу, почему бы нельзя сказать этого. По моему мнению — это столько же возможно по-русски, сколько и по-словенски. Сомнение Ваше о том, не повредит ли некоторым то мнение, которое Ис/аак/ Сирин имел о положении Земли, если это мнение оставить без примечания, я представлю на рассуждение митрополита, так же как и то, что Вы изволите писать о переводе слова ”разум”. Я со своей стороны в этом последнем случае совершенно согласен с Вами. Что же касается до того, что Вы изволите писать мне, чтобы я ”вник ” и ”уразумел” и ”сказал Вам свое мнение” (!) о той не совсем понятной материи, которая заключается между шестнадцатой и двадцатой строками двадцать восьмого листа на обороте, то это приказание Ваше не потому удивило меня,

что требовало о т м е н я объяснения д л я В а с , но потому показалось мне поразительным, что в самом деле Бог устроил так, что я могу Вам сообщить на это ответ. Ибо тому шестнадцать лет, когда я в первый раз читал Исаака Сирина, Богу угодно было, чтобы я именно об этом месте просил объяснения у покойного о. Филарета Новоспасского, который сказал мне, что это место толкуется так, что под словами "глава и основание всея твари" понимается Михаил Архангел. Видно, надобно было о. Филарету передать это Вам; но как Вы не были тогда при нем, то Бог вложил мне в мысль спросить его именно об этом. Спешу, чтобы письмо мое попало на почту, хотя со штрафом.

Испрашиваю Ваших святых молитв и святого благословения и с глубочайшим почтением и преданностью остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
12 августа

18.

Многоуважаемый Батюшка!

Я прочел и сличил Ваш перевод первой главы Исаака Сирина и просмотрел также Ваши замечания на перевод лаврский, и большую часть из них сличил с Паисием: мне кажется, что почти везде Вы совершенно правы. Местах в двух, и то незначительных, казалось мне, что еще возможны сомнения между лаврским переводом и Вашим исправлением. Но, вообще, я думаю, что Вы были слишком снисходительны к этому переводу, и в нем осталось, сверх Ваших поправок, еще очень многое, требующее исправления. Очень любопытно мне будет слышать мнение митрополита. Ваши рукописи и письмо я доставил ему только сегодня, и то через Александра Петровича. Прежде митро-

полит или не принимал по нездоровью, или уезжал в Лавру. Теперь же он готовится к завтрашнему служению и, также по причине нездоровья, не принимает. Если возможно мне будет видеть его завтра, то я постараюсь представить ему Ваше мнение о слове "разум" и о переводе вообще. Разумеется, слова его тотчас же сообщу Вам. Между тем позвольте мне сказать мое мнение в двух словах о Вашем переводе: "созерцание" и "доброе". Для чего Вы предпочитаете "созерцание" слову "видение" или "зрение"? Первое — новое, любимое западными мыслителями имеет смысл более "рассматривания", чем "видения". Поэтому нельзя, например, сказать, что ум от состояния молитвы возвышается к "степени созерцания", так же как нельзя сказать, что он возвышается к "степени рассматривания". Если же один раз необходимо греческое θεωρία перевести "видение", то не худо бы, кажется, и всегда одному слову усвоить один смысл. Таким образом может у нас составиться верный философский язык, согласный с духовным языком словенских и греческих духовных писателей. Второе слово — "доброе", которое на словенском языке, кажется, значит то же, что на русском "прекрасное". Вы везде изволите и на русском языке переводить словом "доброе". От этого, мне кажется, в некоторых местах выходит неполный смысл. Например, в конце двадцать седьмого "Слова" Исаак Сирин, кажется, приписывает второму чину разума совершение и "доброго" (по естеству), и "изящного". По-словенскому первое названо "благое", а второе — "доброе". Поэтому всю деятельность изящных искусств можно отнести к области разума этой степени. Если же слово "изящное" или "прекрасное" заменить словом "доброе", то весь этот смысл пропадает. Прошу Вас, милостивый Батюшка, сказать мне, ошибаюсь ли я, и в этом случае простить со свой-

ственным Вам благодушием. Осмеливаюсь же говорить свои замечания вследствие Вашего приказания. Посланную к Вам тетрадь русского перевода Феолипта прошу Вас прочесть и исправить. Язык, кажется, хорош, но везде ли верно переведено, не знаю. После Вашего исправления мне бы хотелось ее послать Комаровскому и еще кой-кому, не могущему читать пословенски, чтобы они получили какое-нибудь понятие о том учении нашей Церкви, которое незнакомо Западу.

Письмо это, начатое двадцать первого, окончено двадцать второго августа. Думаю нынче около пяти часов поехать к м/итрополит/у.

Испрашиваю Ваших святых молитв и святого благословения, с искренним уважением и сердечной преданностью остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
26 августа 1852 г.

19.

Многоуважаемый Батюшка!

В субботу, 23 августа, отправилась Н/аталья/ П/етровна/ в Ростов вместе с Сережей и А/лександрой/ П/етровной/. Письмо Ваше от двадцать третьего августа я получил сейчас и распечатал, видя на то позволение на конверте. От всей души благодарю Вас за поздравление с нынешним днем, добрый Батюшка! И надеюсь на святые молитвы Ваши, и особенно во время нынешней литургии, когда Вы особенно молитвенно вспоминаете о Н/аталье/ П/етровне/. Меня же очень беспокоит ее теперешнее положение, и жаль ее, ибо она едет с А/лександрой/ П/етровной/, которая в таком расположении духа, что иногда кажется: какбудто она полупомешенная. С Н/атальей/ П/етровной/

сердится почти беспрестанно, говорит ей грубости и себя считает самой несчастнейшею и находится в постоянном отчаянии. А главное, кажется, все оттого, что ей думается, что Н/аталья/ П/етровна/ обращает более внимания на гувернантку, чем на нее. Иногда мне кажется даже, что это игрушки какого-нибудь мурина: если последнее справедливо, то прошу Вас, Батюшка, помолиться Господу, чтобы Он запретил ему. Вчера получил я письмо от Попова. Он обещается употребить все силы, чтобы хлопотать для Оптина и удивляется, что его первые хлопоты были так неудачны. "Меня уверили, — пишет он, — что все будет сделано как нельзя лучше; а на поверку вышло — почти ничего. Это может случиться и теперь, хотя я не отчаиваюсь и Вас тотчас уведомлю, как скоро узнаю что-нибудь положительное". Я обещал ему, Батюшка, взятку: от Оптина книгу Варсануфия, и он теперь просит ее. Потому я пришлю, если позволите, от имени отца игумена и Вашего. У митрополита я был на другой день после того, как доставил ему Ваши рукописи. Он в этот день служил, несмотря на зубную боль, и рукописи просмотреть еще не успел, а только взглянул на них и из того, что видел, заметил многое такое, в чем неправильность перевода лаврского бросается в глаза. "Очень бы жаль было, — сказал он, — если бы с этими ошибками рукопись пошла в печать. Но о других замечаниях оптинских я еще ничего не могу сказать, покуда не сличу с подлинником". О слове "разум" он только сказал, что ничего не может сказать не сличивши с греческою книгою. Когда же я сказал ему, что, по всей вероятности, это по-гречески "гнозис", то он отвечал, что в таком случае мудрено переводить иначе, как "ведение". Впрочем, надобно справиться с текстом. О семнадцатом "Слове", в котором выражается понятие того времени об устройстве солнечной системы, Владыка сказал, что, кажется,

примечания к тому месту не нужно, но более об этом не распространялся. Когда же я сказал ему, что в той же главе есть место темное, которое даже и Вас затрудняет, то он пошел за книгой, принес тот самый экземпляр, который он, еще бывши архимандритом, нашел в библиотеке Амвросия и испросил себе, и прочел то место, о котором шла речь, и задумался. "Как, Ваше В/ысокопреосвящен/ство, изволите понимать это?", — спросил я. "А вот, — отвечал он, показывая на поле книги. — Когда я еще в первый раз читал это, то поставил вопросительный знак, который стоит еще и теперь". Тогда я сказал ему, как покойный о. Филарет объяснил это место, как относящееся к Михаилу Архангелу. "Я только хотел сказать это сам", — прервал он меня. "Если таково было мнение о. Филарета и такое же Вашего Пр/еосвященст/ва, — сказал я, — то для меня, кажется, уже нет ни малейшего сомнения в значении этого места".

Сейчас прерывают меня.

Прошу Ваших святых молитв и святого благословения.

С уважением и преданностью остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
26 августа /1852/

20.

Сердечно уважаемый Батюшка!

В пятницу, 20 августа, я получил несколько слов от Васи, писанные не из лицея, а из лицейской больницы, и не его рукой, а им только диктованные. Он уведомляет меня, что с двадцать седьмого числа /находится/ в больнице и не может держать пера, потому что у него на указательном пальце нарыв, и вся рука распухла, и от сильной боли он почти не может спать

ночи. Доктор Пфель, которому я сообщил это известие, говорит, что теперь подобные болезни в воздухе и даже бывают очень опасны. Прошу Вас, милостивый Батюшка, помолиться за нашего Васю. Я писал в Петербург к Комаровскому, к Рихтеру и к Рейнгарду, прося их навестить его и известить меня, как найдут его; но ответа еще не получал. Думал съездить туда сам по железной дороге, но не решился оставить детей без Н/атальи/ П/етровны/; к тому же и она, приехав без меня, подумала бы больше, чем то есть, и испугалась бы и, может, сама туда же поехала бы. Притом и дело наше, о котором я здесь хлопочу, еще не окончилось. От Н/атальи/ П/етровны/ получил еще письмо из Ростова. Она, кажется, не совсем здорова, испугавшись того, что Сережа ночью упал со стульев, на которых лежал, и ушибся, однако не опасно. К тому же в услуге у нее, кажется, горе — все расстройство. Лексиконы, присланные Вами с Получарским, ко мне доставлены. Но я жалею, что возвратил их, ибо тот лексикон, о котором я Вам писал со слов Ферапонтова, Синайского (я ошибочно написал "Смарагдова"), не с греческого на русский, а с русского на греческий. Потому я думаю послать Вам лексикон Ивашковского; он старый, но, говорят, полнее Касовича и состоит из четырех толстых томов. Стоит он пять руб/лей/ сереб/ром/. Но л у ч ш е ли Касовича, — я не знаю. Извольте просмотреть его, и если окажется хуже, то извольте прислать назад. Я думаю послать Вам оба с подводою нашею, которая должна быть на днях. Извольте оставить тот, который найдете лучше.

Испрашивая Вашего святого благословения и поручая себя Вашим святым молитвам, с уважением и преданностью остаюсь Вашим покорным слугою и духовным сыном.

И/ван/ К/иреевский/
2 сентября

21.

Искренно любимый и уважаемый Батюшка!

Честь имею поздравить Вас с наступающим днем Вашего ангела. От всей души присоединяю мои желания и молитвы к общему хору желаний и молитв всех любящих Вас: да ниспошлет Вам Господь много и много лет на радость всем преданным Вам вместе с добрым здравием и безмятежным спокойствием. Мы начали говеть вчера. Думаем исповедываться в четверг и желаем удостоиться сообщения св/ятых/ Тайн в пятницу, то есть в Введение. Потому низко кланяюсь Вам, прошу Вашего благословения и Ваших святых молитв, чтобы Господь простил мои согрешения вольные и невольные и изменил бы милосердно мою внутреннюю и внешнюю жизнь на лучшую, твердо и до конца.

Сердечно преданный Вам, Ваш духовный сын и покорный слуга

И/ван/ К/иреевский/
18 ноября 1852 г.

22.

Милостивый Государь!

Многоуважаемый Батюшка!

Прошу Вас принять мое искреннее поздравление со днем Вашего рождения. От всего сердца прошу у Господа Вам многих и многих лет на пользу и утешение преданных Вам детей Ваших. Многое желал бы сказать Вам от души, но боюсь отнимать Ваше драгоценное время, особенно теперь, когда, вероятно, со всех сторон письма обременяют Вас. Н/аталья/ П/етровна/ пишет к Вам о том, что происходит у нас. Я же особенно прошу Ваших святых молитв и святого благословения Николаше, Васе и всем нам.

С неограниченным уважением и любовью преданный Вам Ваш духовный сын и покорный слуга

И/ван/ К/иреевский/

20 ноября

23.

Многолюбимый и уважаемый Батюшка!

Прошу Вас принять мое искреннее поздравление с наступающим Новым годом. Вы знаете мое сердце: потому излишним считаю выражать словами все те благожелания Вам, которыми оно исполнено. Но усердно прошу Вашего святого благословения мне на начинающийся новый отдел времени. Прошу Вас взять на себя труд передать мое поздравление достопочтеннейшему о. игумену и окружающей Вас святой братии, особенно о. Иоанну, о. Амвросию и Льву Александровичу.

С беспредельной преданностью — Ваш духовный сын и покорный слуга

И/ван/ К/иреевский/

24.

Беспредельно уважаемый и сердечно любимый Батюшка!

Пишу к Вам с боязнию в сердце за нашего Васю. У него была опять неприятность в лицее, в которой, кажется, частью виноват я, ибо удержал его в Москве лишних три дня против отпуска и потом не велел ему говорить, что он был болен, а велел только сказать, что он был не совсем здоров (забывши, что требуется не истинная правда, а формальная, хотя бы и ложная). За это он получил выговор. Потом не отвечал на уроке, был оставлен в воскресенье и посажен в карцер (по крайней мере, так ему угрожали). От

этого он пришел в такое отчаяние, что пишет письмо, до крайности встревоженное, и умоляет нас взять его из лицея, хотя бы в корпус или даже в семинарию, и в этом отчаянии решается даже просить самого инспектора, чтобы он помог ему выйти из лицея. Я очень боюсь, чтобы эта история не имела для него худых последствий, и потому по совету Владыки (с которым говорила Н/аталья/ П/етровна/) думаю завтра ехать в Петербург, и заочно мысленно кланяюсь Вам в колени, и прошу Ваших святых молитв за Васю, за Н/аталью/ П/етровну/, для которой я боюсь неприятностей домашних, и за маленьких детей, которых оставляю нездоровых, и за меня грешного. Об Васином деле Н/аталья/ П/етровна/ напишет Вам подробно. Я пишу только для того, чтобы, беседуя с Вами, привязать мою мысль к Вашим святым молитвам.

Испрашивая святого благословения Вашего, и остаюсь с уважением и любовью преданный Вам Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

/P.S./ Между тем как я пишу к Вам эти строки, может быть, Вася сидит в карцере, и неизвестно с какими чувствами. Ваши святые молитвы уже однажды избавили его от беды тому два года. Прошу усердно и теперь не оставить его и нас, милостивый Батюшка.

22 января 1853 г.

25.

Милостивый Батюшка!

Примите мою глубокую сердечную благодарность за новое благодеяние, Вами нам оказанное. Ибо я не знаю, чему приписать такое мгновенное обращение обстоятельств из страшных и тяжелых в бла-

гополучные, как не особою милостию Божией, призванной Вашими святыми молитвами и, может быть, еще святыми молитвами нашего московского Владыки. С мучительным чувством ехал я в Петербург; но, к удивлению моему, нашел там, что все уладилось довольно легко, и люди, которых я опасался, показались мне, напротив, людьми хорошими и добрыми, то есть я говорю об инспекторе, от которого зависит судьба Васи. Он показался мне человеком умным и благонамеренным, и если и строг, то, по крайней мере, несправедливого предубеждения против Васи я в нем заметить не мог. Васино отчаянное письмо произошло, кажется, оттого, что он испугался наказания, которого, однако же, не было, ибо за незнание урока его хотели наказать, но простили. Начальники его жалуются на него за то, что он до крайности вспыльчив и потому беспрестанно ссорится со своими товарищами, а иногда даже отвечал грубо и учителю, за что один раз был наказан. Впрочем, теперь, как говорят они, этот порок много уменьшился. Второй порок, который они замечают в нем, — это то, что он при всякой ошибке старается оправдаться. Я говорил Васе, стараясь вразумить его. Он обещал мне работать над собою и молиться Богу о помощи в этом деле. А потому мы просим Ваших святых молитв об этом же. Кроме того, Вася немного ленится и притом очень рассеян в мыслях, забывая нужное или не в надлежащее время вспоминая то, что надобно. Не знаю, как помочь этому недостатку, если не особенная милость Божия. Я старался объяснить Васе несообразность его желания перейти в университет и думаю, что он в этом отношении установился мыслями. Друзей моих петербургских я просил участвовать в нем, и они обещали мне. Начальники его также. Но твердо ли это будет — не знаю. Внутри себя я чувствую все еще беспокойство о нем. Может быть, потому, что в его классе

надзиратель, то есть, воспитатель, англичанин, — довольно бестолковый человек, который его не любит и всякую малейшую ошибку замечает в журнале и обещается ему непременно сделать так, чтобы он не получил хорошего аттестата. Говорить об этом инспектору или директору я не решился, боясь сделать хуже, ибо мои слова были бы приняты только как повторение Васиных. Как этому помочь, я еще не понимаю.

Испрашиваю святых молитв Ваших для всех нас и святого благословения Вашего, с безграничною преданностию остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

/P.S./ С С.А. Бурачком я имел удовольствие познакомиться в Петербурге.

26.

Сердечно любимый и беспредельно уважаемый Батюшка!

На этой первой неделе поста мы начали говеть. Потому особенно испрашиваю Ваших святых молитв и святого благословения, преклоняясь к стопам Вашим и прося у Господа Вашими молитвами мне прощения грехов моих, и чтобы Господь даровал мне разум сердечно познать всю глубину моей греховности и всю Божественность той благодати, которой я желаю и готовлюсь сообщиться. При этом неизбежным считаю просить Вас еще и о том, чтобы Вы Вашими святыми молитвами и советами устроили и земное неустройство наше, которое теперь особенно заключается в том неразумном настроении Александры Петровны, которое доходит почти до крайности и не только ее делает совершенно несчастною, но и Н/а-

талью/ П/етровну/ огорчает почти до болезни. Подробности об этом Вам, вероятно, пишет теперь Н/аталья/ П/етровна/; я же говорю только для того, что думаю, судя по некоторым опытам, что когда горе нашлется к вам, то Господь тотчас же облегчит его.

С беспредельным почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугой и духовным сыном

И/ван/ К/иреевский/
Марта 9, 1853 г.

27.

Искренно любимый и уважаемый Батюшка!

Благодарю Вас от всего сердца за поздравление меня в день моего рождения, и за добрые желания, и за святое благословение на наступающий год жизни. Благодарю Вас также и за то, что Вы не особым письмом писали мне это и, следовательно, доставили мне сердечное утешение Вашего милостивого приветствия без смешения с мыслию, что оно было причиною еще лишнего беспокойства и труда для Вас. Если я не пишу к Вам письма так часто, как бы хотел, то причина этому — именно этот страх доставить Вам излишний труд и утомление. И без того я доставляю Вам, может быть, больше других беспокойства моими письмами, потому что они почти всегда пишутся по какой-нибудь сердечно-болезненной причине и, следовательно, доставляют болезнь и Вашему сочувствующему сердцу. Так, даже и теперь вместе с выражением благодарности к Вам я пишу и для того, чтобы просить помощи Ваших святых молитв от крайне мучительного душевного состояния, в котором я нахожусь. Причина этого, может быть, и не важная; другой назвал бы ее совсем ничтожною; но для меня она невыразимо, почти

непреодолимо тяжелая. Дело заключается в домашних неустройствах, которые я обязан устроить и не могу, и должен поступить так, что самые меры, принимаемые мною к устроению порядка, должны, как кажется, произвести еще больший беспорядок. Наш кучер, довольно нерадивый, ленивый и грубый, сломавши вчера карету, отвечал Н/аталье/ П/етровне/ грубо, когда она делала ему выговор, и она обещала послать наказать его. Нынче этого делать было нельзя, но завтра должно будет. Между тем это наказание — не довольно сильно, чтобы устрашить его, но довольно унизительно, чтобы еще больше раздражить его. Следовательно, вместо водворения порядка я боюсь, чтобы оно не произвело еще большего беспорядка. А между тем обойтись без наказания и как бы позволить тем грубить Н/аталье/ П/етровне/ невозможно. Потому я чувствую себя как бы совершенно раздавленным этим положением и рад бы был сам лучше вытерпеть самое страшное наказание, только бы не быть в таком мучительном и фальшивом состоянии. Помогите мне Вашими святыми молитвами.

С беспредельным уважением и любовью преданный Вам Ваш духовный сын и покорный слуга

И/ван/ К/иреевский/

26 марта 1853 г.

28.

Сердечно любимый и уважаемый Батюшка!

Прошу Вас принять мое усердное поздравление с великим днем светлого Хр/истова/ воскресения. Нынешний год, кажется, день этот должен быть особенно радостен для всякого православного, ибо, если верить слухам, которые ходят в Москве, то, кажется, давнишнее пророчество Востока исполняется в год и почти в число, назначенное за тысячу лет.



Св. Амвросий (Гренков)
(1812-1891)


ОПТИНА ПУСТЫНЬ.
Могилы старцевъ о.
Макарія, о. Амвросія и о. Іосифа

Здесь говорят, будто в Петербурге получено известие, что турки подняли бунт в Царьграде, что султан искал покровительства у Меньшикова и что наш флот стоит под стенами Константинополя. Если это справедливо, то, вероятно, в храме Святой Софии нынешний год заблаговестят в большой колокол к светлому Хр/истову/ Воскресению и христиане, угнетенные столько веков, воскреснут к новой жизни. Это был бы двойной праздник для нашей Церкви.

Испрашивая Ваших святых молитв и святого благословения, с глубочайшим почтением и беспредельной преданностью имею честь быть Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

P.S. Прошу Вас покорнейше взять на себя труд передать мое искреннее поздравление о. игумену, окружающим Вас о. Иоанну, о. Амвросию и Льву Александровичу.

29.

Беспредельно уважаемый Батюшка!

Наталья Петровна сообщила мне из письма Вашего то, что Вы пишете об Ал/ександре/ Петр/овне/. Я со своей стороны не лишним считаю сообщить Вам об этом мое мнение, то есть, что сколько я могу судить и видеть, то А/лександра/ П/етровна/ не имеет никакой причины оставлять наш дом, кроме собственного странного расположения духа. Н/аталья/ П/етровна/ обходится с ней так добро и снисходительно, как только может внушить одно христианское сожаление к ее беспомощности, ибо сама Н/аталья/ П/етровна/ терпит от нее ежедневно такие неприятности, от которых ее здоровье видно расстраивается. А/лександра/ же П/етровна/ только плачет и мучается беспрестан-

но, но все только жалея о самой себе, что будто с ней не довольно хорошо обходятся, что не довольно уважают ее, что предпочитают ей мадам и т/ому/ под/обное/. Она беспрестанно грозится уехать. Но уехать ей некуда. Она хочет взять место куда-нибудь в услуги; но это было бы для нее несчастье, а для Н/атальи/ П/етровны/, кроме огорчения, еще и дурная слава, ибо при многих недоброжелателях ее это будет перетолковано Бог знает каким образом. Из всего этого я вижу только один благополучный исход: просить Вас помолиться Господу о том, чтобы он неизвестными и непонятными способами смягчил и вразумил душу А/лександры/ П/етровны/ и это разногласие устроил бы в гармонии.

Вася наш теперь держит экзамен. Мы в наших молитвах о нем укрепляемся мыслию о Ваших святых молитвах, которых испрашиваю и для всех нас.

С искренним почтением и сердечною преданностию Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
6 мая 1853 г.

30.

Достопочтеннейший и беспредельно уважаемый Батюшка!

Я имел счастье получить два письма Ваши, одно — писанное рукой о. Иоанна, а другое — приписанное Вами в его письме, и приношу Вам за оба мою искреннюю благодарность. Очень приятно было узнать, что путешественники Ваши, о. Иоанн и о. Иаков благополучно возвратились в свою обитель. Пребывание их, особенно о. Иоанна, было для нас большим утешением, и мы много благодарны Вам за то, что Вы благословили ему у нас остановиться. Перед отъездом его, за несколько часов, как Вам известно, Н/аталья/ П/етров-

на/ отправилась в Тихвин: и хотя там почувствовала маленькое расстройство здоровья, которое заставило ее возвратиться несколько скорее, чем она предполагала, однако теперь, слава Богу, это расстройство не повторяется. Но Сереженька накануне ее возвращения сделался болен, боль в сердце и левой стороне груди. Пфель полагает — прилив крови к сердцу и "тупое" воспаление в легких. При этом у него постоянно жар, и хотя он на ногах, но очень слаб. Очень боимся за него и усердно просим Ваших святых молитв. Вчера он приобщился Святых Таин, мы боялись запоздать этим святым делом и полагали, что лучше начать лечение таким образом. Мысль о Васе тоже очень смущает меня. Мне тяжело думать, что ему придется еще три года провести в этом полузаключении, в монастыре без святыни. Лучшие годы жизни пройдут в скуке и пустоте душевной; а неизвестно еще, будет ли от того какая выгода для следующей жизни, не говоря уже о будущей. Прошу Вашего святого благословения и святых молитв Ваших, особенно для Сережи, с почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугой и духовным сыном.

И/ван/ К/иреевский/

/P.S./ Позвольте мне, отец родной, поздравить Вас с праздником святого скита Вашего. Прошу Бога, чтобы Вы провели оный в здоровье и утешении. Всех святых братий и отцов поздравляю с праздником. Простите!

23 июня /1853/

31.

Искренно любимый и уважаемый Батюшка!

Еще нынешнею весною зашел ко мне один раз старинный мой знакомый, немецкий пастор Зедер-

гольм, и привел ко мне познакомить своего сына Карла, который тому года два вышел из университета одним из первых кандидатов и о котором его отец говорит, что он был бы дельнее других его детей, если бы только не был слабого здоровья. Этот молодой человек вскоре после первого знакомства открылся мне, что чувствует превосходство нашего вероисповедания перед лютеранским и даже не прочь от того, чтобы принять нашу веру. Однако это он надеется сделать со временем, а прежде отправляется в Смоленскую губернию на несколько месяцев, а потом думает ехать путешествовать в Грецию и, может быть, там совершит это дело. Я советовал ему это дело не откладывать, если он уже убежден, а лучше поехать в Грецию уже православным. Но, чтобы более узнать нашу Церковь и окончательно укрепить свое убеждение, я советовал ему ехать к Вам в Оптин. Он принял мой совет и хотел поехать к Вам после пребывания в Смоленской губернии, а между тем будет подготовлять свое семейство к этому поступку, который тем тяжелее должен быть для его отца, что он сам пастор, и, кроме того, еще страдал за свою веру, ибо отставлен от своих должностей именно за то, что в проповедях своих не советовал немцам переменять свою веру на нашу. Теперь, тому дней десять, он возвратился из Смоленской губернии и сообщил мне, что отец его наконец если не благословляет его на это дело, то и не противится ему, но представляет полную свободу поступить по своему убеждению, требуя только, чтобы он прежде повидался с ним в деревне близ Серпухова, где он проводит лето. Потому молодой Зедергольм хотел поехать к отцу, а потом к Вам. Но между тем оставаясь еще несколько дней в Москве, просил меня познакомить его с каким-нибудь русским священником, который бы мог приготовить его еще прежде Оптина и по знакомству с которым он мог бы сколь-

ко-нибудь узнать хорошую сторону нашего белого духовенства. Я назвал ему Сергея Григорьевича Терновского как человека, которого я хотя мало знаю лично, но о котором я слышал много хорошего и который, верно, не откажется заняться с ним. В этом смысле я написал Сергею Григорьевичу письмо, которое он доставил сам. Сергей Григорьевич, точно, занялся с ним несколько раз и произвел на него хорошее действие; однако же мне поручил сказать с Облеуховым, что почитает лучшим кончить это дело здесь, а не ездить к отцу, ни в Оптин. Однако же молодой человек не мог и не хотел изменять своего обещания, данного им отцу, видеться с ним прежде, чем совершить этот великий и невозвратный шаг, а и потому отправился в Серпухов вчера. Оттуда же он поедет через неделю к Вам, если найдет, что не затруднительно проехать из Серпухова в Калугу. В противном же случае он воротится в Москву и окончит уже это дело здесь, а к Вам поедет после поговеть и познакомиться с Вами, многоуважаемый Батюшка, и видеть вашу обитель и, между прочим, познакомиться с о. Иоанном, о котором я ему говорил, как о человеке, который находится несколько в подобных ему обстоятельствах. Я не боялся затруднять Вас этим, Батюшка, ибо дело идет о спасении души. Может быть, то, каким образом, с какой полнотой убеждения совершит он этот шаг решительный, решит судьбу всей остальной его жизни. Может быть, от этого и для других его поступок будет или камнем назидания или претыкания. Если же я в этом случае поступил не так, как должно, то прошу простить мне.

С истинным почтением и беспредельною преданностью испрашивая Ваших святых молитв и благословения, имею честь быть Вашим покорным слугой и духовным сыном.

И/ван/ К/иреевский/
28 июля 1853 г.

32.

Многоуважаемый и сердечно любимый Батюшка!

Сейчас возвратился я из церкви, где удостоился сообщиться Св/ятых/ Таин вместе с детьми моими Васей и Сашенькой, теперь спешу писать к Вам, прося Вашего святого благословения и святых молитв Ваших, чтобы Господь и в остальную жизнь нашу не удалил милость свою от нас и соделал нас волей или неволей достойными Его любви. Н/аталья/ П/етровна/, по нездоровью, не могла говеть вместе с нами, но думает говеть по отъезде Васи, который должен отправиться седьмого этого месяца. Помолитесь за него, милостивый Батюшка. Вчера я получил письмо от Зедергольма, сына пастора, о котором писал к Вам в прошедшем письме. Посылаю теперь в оригинале письмо его, чтобы Вам удобнее можно было видеть из него о состоянии его духа и об отношении к семейству.

С безграничною преданностью и почтением имею честь быть Вашим духовным сыном и покорным слугою

И/ван/ К/иреевский/

33.

Искренно любимый и беспредельно уважаемый Батюшка!

Прежде всего прошу Вашего святого благословения. Если Ваша лихорадка еще продолжается, то из посылаемых Вам на этой почте лекарств извольте прежде принимать порошки, по четыре раза в день, поутру, перед обедом за полчаса, перед вечерним чаем и перед ужином за полчаса: в такой день, когда лихорадка не бывает. Если же придется так, что Вы успеете принимать два дня сряду перед лихорадкой, то еще

лучше. Можно принимать и в тот день, когда она приступит, но только прежде ее приступа. Но если эти порошки окажутся не довольно действительными к прогнанию Вашей лихорадки и после принятия порошков лихорадка все-таки будет, то тогда извольте принимать пилюли так, как написано на ярлыке, через два часа, по две пилюли в день перед приходом лихорадки, чтобы успеть их принять все прежде, чем лихорадка приступит. Но прежде, чем принимать пилюли, надобно совершенно удостовериться, что у вас точно лихорадка правильная, то есть что в определенное время приходит озноб, и потом жар, и потом пот. Если же Ваша болезнь этих правильных признаков не имеет, то, может быть, это и не лихорадка, а другая болезнь, и тогда пилюль принимать не надобно, а лучше извольте тогда списаться с доктором через Н/аталью/ Петровну.

В трех отпечатанных листах Максима Исповедника Вы изволите усмотреть многие перемены против рукописи. Из них те, которые сделаны в толковании на "Отче наш", кажутся мне совершенно согласными со смыслом перевода с/тарца/ Паисия и много объясняющими темноту некоторых речений. Также и примечания некоторые мне кажутся весьма драгоценными; например, примечание на странице восемнадцатой и на странице двадцать пятой. В рукописи были некоторые слова поправлены рукою самого м/итрополита/. Видно, что он занимался этим делом. Но после того как рукопись была у митрополита, Голубинский сделал некоторые прибавления и, кажется, напрасно. Например, он вставил в текст слова на шестнадцатой странице: "глаголя: да приидет Дух Твой Святый и да очистит нас". Что было драгоценное пояснение в примечании, то делается порчей книги, когда вставляются в текст и приписываются святому писателю такие слова, которых он не говорил. Но с этим было

делать нечего. Однако же другую вставку я взял на себя смелость вычеркнуть, потому что мне кажется, что она может навести на ложное понимание. Голубинский взял ее из рукописи латинской, изданной бернардинскими монахами. Для чего же из этих латинских изданий брать речения, которых нет в переводе Паисия, и приписывать их Паисию? Это речение, о котором я говорю, находится на странице двадцать девятой. У Паисия было сказано: "ниже яко иною ину; не бо по производству от Единицы Троица небытна (несозданна — И.К.) Суща и самоизъявлена". Голубинский поправил: "ниже видети яко ину через ину: не бо посредствуется коим либо соотношением тождественное и безотносительное, аки бы произведение к вине своей относящееся: ниже яко от иныя ину: не бо по производству от Единицы Троица, незаимствовано бытие имущи и самоизъявлена Суща". Здесь, как Вы изволите видеть, слова, подчеркнутые два раза, у Паисия не находятся и вставлены Голубинским из латинского издания. Но, державши корректуру, я думал, что мы не имеем права приписывать Паисию то, что он не писал, и что сомнительно даже, написал ли бы он и было ли в каком-нибудь тексте Максима, ибо латинские монахи в таких случаях не знают совести и легко присочинят речение, чтобы приводить его в подтверждение против учения о Единой Вине Святой Троицы. Основываясь на этом чувстве, я вычеркнул слова, прибавленные Голубинским. Он может их поставить в отпечатках, если захочет. Но Вас, Батюшка, прошу сказать мне, так ли я поступил или слишком самовольно?

В другом же писании св/ятого/ Максима, в "Слове постническом", Голубинский много переменил в рукописи, и, кажется, очень часто понапрасну, а иногда даже поставил и смысл, как мне кажется, неправильный; делать было нечего. Потому, кажется, что руко-

пись была написана дурным почерком и с ошибками грамматическими, он предубедился против всего сочинения и уверился, что это перевод не Паисия, а какого-то переводчика, неопытного ни в греческом, ни в русском языке. Мне же кажется, что он ошибается, и что перевод носит характер паисиевской системы д о с л о в а, а что поправки Голубинского не совсем удачны. Например, слово "смотрение" он напрасно заменяет словами "цель" или "намерение". Мысль, что "Господь терпел действия лукавого из любви к людям, которыми тот действовал", Голубинский неправильно заменил другою мыслию, говоря, что Господь "наказывал лукавого" любовью к людям. — Не это, кажется, есть то наказание, которое определено лукавому. Там многое Голубинский изменил по своему предубеждению. Все, однако же, эта брошюрка, с двумя писаниями св/ятого/ Максима есть, по моему мнению, одна из самых глубокомысленных, из самых важных, из самых полезных книг, которые когда-либо были у нас напечатаны. На пятнадцатой странице сделана одна непростительная опечатка греческого слова, и потому эта страничка будет перепечатываться. В Исааке Сирине, мне кажется, нужно сделать еще одно предисловие от Вас, в котором сказать, что с/тарец/ Паисий, желая придать возможную ясность своему переводу, не нарушая его буквальной верности, обозначил в своих рукописях различного рода точками различные отношения между словами, которые в греческом языке очевидны сами собою, в словенском сами собою не выражаются. Об значении этих точек с/тарец/ Паисий распространяется подробно в конце своего предисловия, что русские издатели не почли за нужное повторять, ибо в предлагаемом издании объяснение посредством надсловных точек заменено объяснениями внизу страницы. Такого рода предисловие, мне кажется, необхо-

димо сделать для того, чтобы, во-первых, оправдать Паисия, которого рассуждения о различии языков греческого и словенского иначе покажутся ни к чему не ведущими, и, во-вторых, для того, чтобы оправдать себя: ибо, печатая предисловие Паисия и выбросив из него что-либо, нельзя не оговориться в этом действии, чтобы избежать упреков в неверности и в неполноте издания. Это предисловие можно будет напечатать после паисиевского и перед его жизнию.

Теперь, окончив о книгах, прошу позволения сказать слово о наших обстоятельствах. У нас все еще продолжаются те неприятности Ал/ександры/ П/етровны/, о которых Вы знаете. Теперь уже доходит до того, что и гувернантка начинает колебаться и, кажется, думает о том, чтобы оставить нас. Между тем вряд ли мы найдем другую такую тихую, скромную, неприхотливую и совестливую. Она смущается теми неприятностями, которые за нее делает Ал/ександра/ П/етровна/. Что посоветуете нам делать? И помолитесь, Батюшка, за нас. Благословите нас также и в том, чтобы домашнее управление и порядок в людях устроился нашим новым дворецким. Ибо люди начинали уже против него действовать, а он, кажется, уже сомневается, оставаться ли ему против желания всех людей. Еще особенно тревожит меня Вася. Он недавно сидел в карцере за то, что бросил сапог, который попал в дядьку. Вася говорит — будто нечаянно. Вообще же, мне страшно за него и жаль его. Помолитесь, милостивый Батюшка!

С любовью преданный Вам Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
8 октября 1853 г.

34.
/1853/

Беспредельно уважаемый и сердечно любимый Батюшка!

Я нахожусь в затруднительном положении для сердца и для совести: я должен назначить, кому быть рекрутом из моего имения, и не вижу ясно, над кем должен произнести этот приговор. Поручить управителю, или старосте, или крестьянскому миру не могу, потому что знаю, что выйдет пристрастное решение. Между тем те, которые по дурному поведению заслуживали бы удаления из имения, по здоровью своему вряд ли годны. На других хотя есть подозрения в воровстве, но нет доказательств, и я боюсь погрешить, осудив их по одному подозрению. К тому же некоторые из них — одинокие в семействе, которое ими дорожится. Те же семейства, где по три брата, — хорошей нравственности и своим примером полезны имению. Потому и давно уже мучаюсь этой мыслью, и теперь, приступая к решению, прошу Ваших святых молитв о том, чтобы Господь благословил вразумить меня на справедливое и полезное и угодное и мне, и Его святой воле. Нам с Долбина приходится ставить четыре /человека/. У меня есть одна зачетная квитанция, но боюсь, что ее не зачтут. Пишу к Вам как к св/ятому/ молитвеннику о немощах наших. Помолитесь за меня и благословите на это тяжелое дело.

С любовью преданный Вам Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

35.

Сердечно любимый и многоуважаемый Батюшка!

Примите мое искреннее поздравление с нынешним днем Вашего рождения и с наступающим днем Вашего

ангела. От /всего/ сердца прошу у Господа, вместе со всеми любящими Вас, Вам всякого блага и долгой жизни, для нас, любящих Вас, необходимой. Все то добро, которое Господь разлил и продолжает разливать через Вас и за Вас на других, да будет всегда присуще Вашему сердцу и да сопровождает благополучием Ваше прекрасное путешествие по земле! Прошу святых молитв Ваших за нас и за Васю (который теперь находится в каком-то тяжелом положении, о котором Н/аталья/ П/етровна/ Вам пишет). Помолитесь также о справедливом и хорошем окончании того дела рекрутства, о котором я Вам писал и в котором видел уже явную помощь Божию отчасти.

Благодаря Вас и испрашивая святого благословения Вашего, с почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугой и духовным сыном

И/ван/ К/иреевский/

23 ноября 1853 г.

36.

Прилагаемое письмо было писано в день Вашего рождения, многоуважаемый и сердечно любимый Батюшка, но оно тогда опоздало на почту. Между тем с тех пор получили мы еще известие об Вас и письмо от него. И то, и другое возбуждает во мне сердечные беспокойства, которые спешу передать Вам на разрешение и вразумление меня. Вася был много воскресений сряду наказан арестом в лицее за какие-то, как он пишет, мелочные придирки его дежурных надзирателей, и вместе с тем его баллы (то есть заметки) по поведению записываются все хуже и хуже. Это одно меня еще бы немного тревожило, потому что там под поведением разумеют более ошибки против форм, чем нравственность; однако же, судя по некоторым признакам, я боюсь, чтобы от такого обращения

характер Васи не испортился. Прежде он был очень чувствителен ко всякому замечанию, теперь я замечаю в нем какую-то раздраженность и вместе с тем равнодушие. Боюсь, чтобы, оставаясь там еще два с половиной года, он не отдалился от нас совершенно и не испортился своими товарищами и бестолковым обращением начальства, которое само старается развить в них крайнее самолюбие и само беспрестанно оскорбляет это самолюбие по самым мелким причинам так, что воспитанник должен запутаться в своих чувствах и непременно сделаться недовольный вместо того, чтобы быть благодарным. Еще другое обстоятельство страшит меня за него: мне кажется, что мои друзья петербургские, которым он поручен, несколько охладели к нему. Конечно, этого не могло произойти без вины Васиной, но тем оно тяжелее. Впрочем, в последнем, может быть, еще я и ошибаюсь. Во всяком случае, прошу Вас помолиться за него. Господь силен за Ваши святые молитвы переменить зло на благо и наше недоразумение просветить.

Душевно преданный Вам Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
24 ноября 1853 г.

37.

Прошу Вас, многоуважаемый Батюшка, принять и от меня искреннее поздравление с наступающим Новым годом, и вместе испрашиваю для себя и для всего семейства нашего Вашего святого благословения на начинающийся год.

С беспредельным почтением и с совершенною преданностию Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
22 декабря 1853 г.

38.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Приготовляясь к святой исповеди и святому причащению, от всего сердца прошу у Вас прощения в грехах моих и святых молитв Ваших и Вашего благословения.

Всею душою преданный Вам Ваш покорный сын и слуга

И/ван/ К/иреевский/
19 марта 1854 г.

39.
/1855/

Милостивый государь, сердечно уважаемый Батюшка!

Почтеннейшее письмо Ваше я имел счастье получить в самый день моего рождения и усерднейше благодарю Вас за поздравление Ваше и за добрую память Вашу обо мне. Прошу Господа, чтобы Он за Ваши святые молитвы дал мне силы исполнять или хотя стремиться к исполнению его святых заповедей и тем сделаться не недостойным Ваших отеческих попечений. Благодарю Вас также, милостивый Батюшка, от всего сердца за участие, которое Вы изволите принимать в пишущейся мною статье для "Московского сборника". Я желал сообщить Вам ее прежде печати, Вам и митрополиту. В четверг надеюсь послать к Вам, если не всю, то почти всю. Благословите ее быть на пользу. Если что сказано мною противно истине, или неверно, или излишне, прошу Вас вычеркнуть или изменить. Попросите Господа, чтобы Он дал мне разум и силы окончить ее хорошо, чтобы она настраивала моих читателей к тому направлению, которое доводит до истины. Особенно прошу Вас, Батюшка,

припадая к стопам Вашим, помолитесь Милосердному Богу, чтобы в семействе нашем было все мирно, согласно, любовно и благополучно. У нас, благодаря Бога, нет того, что называют несчастьем или бедою, но есть какие-то паутины, которые неприметно напутывает какой-то мурин на незамеченные оттенки сердечных движений, из которых мало-помалу слагаются целые тенета, мешающие прямо смотреть и отделяющие людей. Стоит, кажется, дунуть святому дыханию, и все разлетится как не было. А между тем это н и ч т о действует существенно. С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью сердечной и/мею/ ч/есть/ быть Вашим духовным сыном и покорным слугою

И/ван/ К/иреевск/ий

40.

Искренно любимый и беспредельно уважаемый Батюшка!

Это письмо, вероятно, Вы получите в день светлого праздника: прошу Вас принять мое искреннее поздравление вместе с сердечным подтверждением радостной и всегда новой вести: Христос Воскресе!

Печатание Исаака Сирина, слава Богу, окончено; но по неисправности типографии не могли мы до сих пор получить готовых экземпляров для посылки к Вам. К тому же в последнем листе, который печатался (это был конец оглавления), сделаны некоторые очень неприятные ошибки, а именно счет страниц перепутан (вместо XXV, XXVI и пр. поставлены V, VI и пр.); и, кроме того, некоторые ошибки в словах: вместо "находящихся" — "находится" и т.п. Так как этот лист уже был отпечатан, но не разослан, то мы велели поправить и напечатать еще шестьсот экземпляров правильно. А для остальных, неправильных, поста-

вить исправления в опечатках, которые были только до половины завода отпечатаны, когда мы открыли эти неисправности. Если же бы все перепечатывать, то книга не вышла бы к празднику, кроме того, что стоила бы дорого. А требовать, чтобы это было сделано на счет наборщика и корректора, ибо они в этом случае виноваты и по законам должны отвечать, — этого сделать мы не решились. Впрочем, если Вы прикажете, то и после праздников можно будет перепечатать один лист. Вот уже вторая Пасха наступает с тех пор, как мы надеялись праздновать ее под звон большого колокола Софии. Видно, времена начинаются труднее, чем мы предполагали. Парижский архиерей открыто говорит в речи своей, что война не за турок, а против Восточной Церкви, и что прежние крестовые походы были не против магометан, а против раскольнической Церкви, — как они называют нашу святую Православную Церковь. В самом деле похоже что-то на последние времена, как они предсказаны в Апокалипсисе. Прошу Вас, многоуважаемый Батюшка, передать мое искреннее почтение о. архимандриту, о. Иоанну, который, вероятно, будет Вам читать это письмо, о. Льву, о. Амвросию и всем окружающим Вас отцам и не лишить Ваших молитв и Вашего святого благословения всей душой преданного Вам Вашего покорного слугу и духовного сына

И/вана/ К/иреевского/
9 апреля 1854 г.

41.

Многоуважаемый Батюшка!

Н/аталья/ П/етровна/ уже писала к Вам о той неприятности, которая случилась у нас в доме; как наши люди утащили у нашего соседа два мешка крупы, и потом эти мешки найдены у нас в колодце. Хотя

сосед наш и оставляет это дело без последствий, но я просил полицейского офицера сделать розыск между нашими людьми, чтобы узнать, кто из них сделал это воровство. Завтра будет он допрашивать их. Теперь я пишу к Вам об этом под влиянием той мысли сердечной, что если Ваши святые молитвы помогут моим грешным, то Господь защитит невинного, и нас спасет от несправедливого действия, и дом наш сохранит от расстройства и беспорядков. Особенно боюсь несправедливости и уже несколько дней страдаю душой от необходимости действовать так, ибо действовать темно и неудобно. Простите, что беспокою Вас этою просьбою посреди Ваших столь многих занятий. Но по слабости сердечной с трудом выношу такое состояние.

Искренно Вам преданный Ваш духовный сын и покорный слуга

И/ван/ К/иреевский/
20 апреля 1854 г.

42.

Вчерашние расспросы полицейского не повели ни к какому открытию. Сегодня он хотел прийти опять расспрашивать кучеров и стараться узнать из их слов виноватого. Не думаю, чтобы и из этого вышло что-нибудь. Не знаю, что делать. Оставить безнаказанно такое явное воровство нельзя: а наказать невинного — еще хуже.

Прошу у Бога, чтобы он вразумил меня за Ваши святые молитвы.

И/ван/ К/иреевский/
22 апреля 1854 г.

43.

Искренно любимый и уважаемый Батюшка!

В последний раз, как я имел счастие видеться с Вами в Калуге, я просил Вас благословить меня опять курить табак, ибо думаю, что после двухлетнего воздержания могу уже приступить к этому с умеренностью и без страстности, между тем как после тридцати слишком летней постоянной привычки я чувствую некоторое неудобство для моего здоровья от такого совершенного изменения диеты. Ибо прежде я курил беспрестанно, и так как дым табачный имеет некоторое сходство с действием вина, то я так приучил к нему нервы мои, что при теперешнем отсутствии курения чувствую почти постоянно связанность в голове и некоторую неловкость в горле и груди. Это несколько облегчается, когда я вхожу в комнату, наполненную дымом. Вы тогда приказали мне поговорить об этом с митрополитом и попросить у него благословения; но я до сих пор не имел случая беседовать с ним об этом, да и признаюсь, совещусь об этом говорить ему. Без Вашего же благословения приступать к этому мне не хотелось бы. Но если Вы разрешите мне курение, милостивый Батюшка, то прошу Вас не назначать мне никакой наружной определенной меры, ибо я чувствую наперед, что выдержать эту наружную определенность было бы для меня труднее, чем совсем не курить. Вообще же я буду стараться делать это с умеренностью. Надеюсь нынешним летом иметь счастие видеться с Вами.

Между тем испрашивая Ваших святых молитв и благословения, с безграничным почтением и совершенною преданностию остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
28 мая 1854 г.

44.

Искренно любимый и уважаемый Батюшка!

Я до сих пор не мог собраться с духом, что ответить Вам на письмо Ваше от первого июня, в котором Вы изволите отказывать мне в благословении, просимом мною на возобновление оставленного курения табаку, ибо, признаюсь Вам, отказ этот глубоко меня огорчил и поставил в очень затруднительное положение. С одной стороны, я чувствую необходимость возвратиться умеренно к старой неумеренной привычке, слишком закоренелой и слишком резко прерванной, с другой — я знаю, что и самая полезная вещь, сделанная против э Вашего благословения, должна мне обратиться во вред. Потому, прежде чем решусь на что-нибудь, прошу милостиво обратить еще раз внимание на этот предмет, который не так ничтожен для меня, как может казаться. Прежде всего прошу Вас припомнить, милостивый Батюшка, что при самом начальном решении моем оставить курение я *ясно и определенно оговаривался против всякого заклятия и обета* оставлять курение навсегда. Я даже решительно не принял Вашего благословения, когда Вы мне хотели дать его на совершенное оставление трубки навсегда. Потому в этом отношении я не могу почитать себя чем-либо связанным. Оставлял же я курение не по причине физического здоровья моего. Ибо, несмотря на всю неумеренность моей привычки, я не замечал от нее никакого вреда. К тому же эта привычка была так сильна, что, кажется, я не нашел бы сил в себе оставить ее для такой бедной причины, каково физическое здоровье. Я курил с тринадцатилетнего возраста до сорока трех лет беспрерывно и так много, как, может быть, никто, кроме меня, не курил. Я ни на минуту не дышал другим воздухом, кроме табачного

дыма. Ночью, когда просыпался на десять минут, то закуривал трубку и засыпал с нею. Днем ни при каких занятиях не оставлял ее. Я не ездил в те дома, где не мог курить; если же в редкие случаи когда-нибудь должен был оставаться без трубки, то не только физически страдал, но и ум мой был связан, мысли не двигались свободно и память ослабевала. Так постоянно я возбуждал свои нервы табачным дымом в продолжение более тридцати лет. Наконец, после болезни, в которой я курить не мог, я вознамерился воздерживаться от трубки с тою мыслию, что дыхание чистым воздухом, может, будет полезно для внутренней деятельности ума моего, тем более что и Вы, и митрополит, и другие святые старцы говаривали против излишнего и неумеренного моего курения, а мне казалось легче совсем прервать привычку, чем ограничить ее умеренностью. Но о физическом здоровье притом я почти не думал. Теперь же, после двухлетнего опыта, я вижу, что ошибся в своем ожидании. Моя привычка была так сильна, что уже обратилась мне в природу. То состояние умственной сдавленности, которое я испытывал прежде, когда на время оставил трубку, и теперь, после двух с лишком лет, чувствуется мною. Я нахожусь обыкновенно в состоянии человека, на которого, как говорится, нашел тупик. Я затрудняюсь в мысленных движениях. Часто ищу самого обыкновенного слова, иногда, начиная говорить, я с трудом удерживаю в памяти конец того, что хочу сказать. Иногда замечаю, что посреди разговора я задумался не от увлечения какой-нибудь сильной мысли, а от слабости, с которою переворачиваю обыкновенные. Ежедневно почти собираюсь писать задуманное сочинение и до сих пор не написал ничего, с трудом собираю мысли. Но в то же время как умственная деятельность моя слабела, страстная сделалась еще

раздражительнее. Вот причины, милостивый Батюшка, по которым я вознамерился опять возвратиться к курению, тем более, что, надеюсь, после двухлетнего воздержания Господь даст мне силы сохраниться в границах умеренности, при помощи Вашей святой молитвы. Но не только это; я ничего не хотел бы сделать важного без Вашего благословения. Оттого и просил Вашей милости и теперь прошу усердно, то есть святого благословения Вашего, но не разрешения, ибо не считаю себя в этом деле связанным. Если же мой ум и память ослабели не от резкого перелома тридцатилетней привычки, но независимо от того — как прежде наказание Божие за худое употребление его даров, и при возобновлении курения не возвратится в прежнюю живость, то умоляю Вас, милостивый Батюшка, помолиться обо мне, чтобы Господь простил грехи мои.

С нетерпением ожидая ответа Вашего и испрашивая Ваших святых молитв, остаюсь преданный Вам Ваш покорнейший и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

45.

Искренно любимый и уважаемый Батюшка!

Сейчас прочел я Ваше письмо из Калуги к Н/аталье/ П/етровне/ и теперь же хочу поздравить Вас с получением наперсного креста. Хотя я знаю, что ни это, никакое видимое отличие не составляет для Вас ничего существенного и что не такие отличия Вы могли бы получить, если бы сколько-нибудь желали их, однако же все почему-то очень приятно слышать это. Может быть, потому, что это будет приятно для всех любящих Вас. Мы всегда видели, как Вы внутри сердца Вашего носите крест Господень и сострадаете ему в любви к грешникам. Теперь та святы-

ня, которая внутри любящего сердца Вашего, будет очевидна для всех на груди Вашей. Дай Боже, чтобы на многие, многие и благополучные лета! Дай Боже и многие лета за то и благочестивому архиерею нашему! Другая часть письма Вашего произвела на меня совсем противуположное действие. Вы пишете, что страдаете от бессоницы и что уже четыре ночи не могли совсем заснуть. Это, кроме того, что мучительно, но еще и крайне вредно для здоровья. Не имеет ли на то какое-нибудь влияние послеобеденный чай? Известно, что чай отнимает сон, а при напряженных нервах он действует иногда очень продолжительно. Брат мой долго страдал бессоницей; Пфель посоветовал ему не пить чаю после обеда; а ввечеру вместо того выпить лимонаду или какой-нибудь травы безвредной, и брат начал спать. Потом, думаю я, и то, что сон Ваш отнимают заботы о всех нас грешных, которые с нашими страданиями и грехами к Вам относимся. Вы думаете, как и чем пособить требующим Вашей помощи, и это отнимает у Вас спокойствие сердечное. Но подумайте, Батюшка, что душевное здоровье всех нас зависит от Вашего телесного. Смотрите на себя, как на ближнего. Одного вздоха Вашего обо всех нас вообще к милостивому Богу довольно для того, чтобы Он всех нас прикрыл Своим теплым крылом. На этой истинной вере почивайте, милостивый Батюшка, на здоровье всем нам. Отгоните от себя заботные мысли, как врагов не только Вашего, но и нашего спокойствия и, ложась на подушку, поручите заботы об нас Господу, который не спит. Ваша любовь, не знающая границ, разрушает тело Ваше. О себе скажу Вам, Батюшка, что после получения письма Вашего я, по изложенным Вам причинам и по позволению Пфеля, начал курить по-немногу, и, если не ошибаюсь, точно, кажется, деятельность умственная у меня начинает просыпаться. На другой же день

я начал писать, почувствовав к тому и возможность, и потребность. Прошу Вас благословить меня написать и окончить сочинение и чтобы оно было на пользу другим и мне самому. Мне хочется обозначить незаметные нити, которыми связываются наши понятия религиозные со всеми другими понятиями нашими о науках и о жизненных отношениях, и показать, какие понятия соответствуют исповеданию латинскому и как из него произошли, какие соответствуют протестантским...*

/9 июля 1854 г./

46.

Многоуважаемый и сердечно любимый Батюшка!

Я думаю в начале наступающего поста, если Богу будет угодно, говеть с некоторыми из детей и с Васей. Прошу Вас милостиво благословить нас на это дело и помолиться за нас, чтобы Господь сподобил нас неосужденно, и на пользу души, и на укрепление в добром действовании и внутренней жизни сообщиться его Святых и Животворящих Тайн. Прошу Вас также, милостивый Батюшка, помолиться Господу и о том, чтобы дело рекрутства, которое теперь по моему предписанию завершается в Долбине, было исполнено без несправедливости, с возможно меньшим злом и вредом для несчастных семейств и для имения. Это лежит у меня на совести, потому что я сам не мог поехать туда. Ежедневно, и в день несколько раз, чувствую я Ваше видимое заступление перед Господом за меня грешного и недостойного. В тревожные минуты я молюсь Вашими молитвами, при

---

* Письмо не окончено.

многих искусительных мыслях мысль об Вас останавливает дурное направление моей воли.

Помолитесь, чтобы Господь очистил меня от грехов моих милосердием Своим и пошлите мне Ваше святое благословение. С глубочайшим почтением пребуду Ваш слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
27 июля 1854 г.

47.

Достопочтеннейший и многоуважаемый Батюшка!

Порошки от лихорадки, которые на этой почте посылаются к Вам, извольте принимать в таком случае, если Ваша лихорадка еще продолжается. Тогда их надобно принять в лихорадочный день. Они будут еще действительнее, если на каждый порошок Вы прибавите грана по два или по три толченого нашатыря. Гран имеет вес ячменного зерна.

Недавно я слышал достоверное известие о том, как защищалась наша крепость Бомарсунд на Аланских островах, и, полагая, что Вам любопытно будет слышать это, спешу сообщить. В крепости было гарнизону всего тысяча двести человек. Больше не могло поместиться. Государь хотел еще прошлого года вывести это войско в Россию, но жители упросили его не оставить их совсем беззащитных. Теперь же, когда весь англо-французский флот вознамерился атаковать ее, то император послал сказать гарнизону, что он позволяет ему сдаться, потому что силы нападающие несоразмерны их малому числу. Комендант Бодиско собрал совет, и все единогласно решили просить у императора позволения не сдаваться, а если придет необходимость, то умереть не уронив чести русского имени. С приказанием императора и с ответом гарнизона ездил на маленьком судне адьютант министра Шеншин,

который удачно умел пробраться мимо всех неприятельских кораблей, и, привезя ответ, опять в другой раз поехал туда и оттуда тоже безвредно. Между тем Бодиско сжег все предместья, все деревни и дома вокруг крепости, и, затворившись в ней, вместе со всем гарнизоном начал готовиться к смерти молитвою, исповедью и причащением святых Таин. В это время окружил крепость флот из пятнадцати линейных кораблей, не считая малых судов, на остров же было высажено одиннадцать тысяч сухопутного войска. Больше тысячи пушек безудержно день и ночь разрушали стены, жгли дома, убивали людей в продолжение десяти суток. Русские отстреливались, потопили один линейный корабль, другой разбили так, что сделали его совсем не способным к плаванию, но не отдыхая ни день, ни ночь они так устали, что едва могли стоять на ногах. Неприятель разрушал стены в прилежащем к крепости особом укреплении и тем принудил находящееся в нем войско перебраться в главную крепость, а сам занял полуразрушенное укрепление. Но в нем находился погреб с порохом. Русские из крепости, стреляя туда, попали в пороховой погреб и взорвали с ним большое количество неприятельского войска. Однако же стены крепости были после двенадцатидневной осады совсем разбиты и войско утомлено до совершенного изнеможения, почему неприятель вошел в нее и взял в плен оставшихся живыми. Говорят, что из офицеров остались живыми только два, а из солдат число неизвестно. Французский генерал Бараге д'Илье так поражен был их мужеством, что первое, что сделал, когда ему привели пленных офицеров, возвратил им шпаги в знак уважения к их доблести. Потеря их, говорят, большая. Честь русского войска и дух его не уронены. Смерть за отечество, без сомнения, будет принята Господом как жертва Ему благоприятная.

Спешу поспеть на почту и потому кончаю, испрашивая Ваших молитв и святого благословения. С почтением преданный Вам слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

48.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Глубоко тронули меня рассказы Н/атальи/ П/етровны/ о тех отеческих ласках, которыми Вы так щедро и милостиво осыпали ее во время ее пребывания у Вас. Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мои чувства. Но особенно желал бы высказать Вам благодарность мою за Ваши милостивые воспоминания обо мне и за прекрасную икону Успения Б/ожией/ Матери, которою Вы благословили меня, лишив себя этого прекрасного изображения Киевской чудотворной иконы. В моих сердечных глазах она будет иметь особенно высокую цену оттого, что дана мне Вами, мои молитвы к Святой и Милосердной Царице Небесной будут, может быть, менее недостойными ее милосердия, руководимые мыслью о Вашем споспешествующем посредничестве. От самой глубины души благодарю Вас. Немалым также утешением и одобрением будет мне мысль, что над ней работал, конечно, с молитвенным доброжелательством Ваш достойный ученик, высокоуважаемый мной о. Иоанн. Прошу Вас, милостивый Батюшка, взять на себя труд передать мою ему искреннюю благодарность, тем более что он работал над иконой еще с больной рукой. Очень желаю, чтобы эта христианская услуга ему не повредила здоровью. Прошу Вас также передать мое почтение многоуважаемому Льву Алекс/андровичу/ и о. Амвросию. К о. архимандриту и к о. Антонию я просил написать от меня Н/аталью/ П/етровну/, которая возвратилась от Вас в добром здоровье, со-

вершив путешествие и благополучно, и радостно. Примите уверения в неизменных чувствах искренней преданности, с которыми испрашиваю Ваших святых молитв и святого благословения, и остаюсь с почтением преданный Вам покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

21 октября 1854 г.

49.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Н/аталья/ П/етровна/ писала к Вам, что тому дней десять митрополит взял у меня для просмотра некоторые рукописи, из представленных в цензуру, то есть ''Сотницы'' аввы Фалласия и ''Главы'' Каллиста Антиликуды. Вчера я был у него с Зедер/гольмо/м, желавшим получить его благословение, и он, между прочим, сказал мне, что прочитал ''Сотницы'' аввы Фалласия и думает, что они должны бы быть изданы особою книжкою, что в них много полезного, но что читатели вообще ленивы на духовное чтение и большой книги испугаются, а маленькую скорее прочтут. Но что в переводе есть много темного, и он желал бы, чтобы Вы поступили с ней так же, как с книгою Исаака Сирина, то есть приказали бы переписать ее четким шрифтом и, сличив с подлинником, приложили бы краткие пояснения внизу страницы, а где найдутся явные ошибки переписчика словенской рукописи или переводчика, там поправили бы в самом тексте. Вообще кажется — он очень доволен изданием Исаака Сирина и желал бы, чтобы и другие книги были изданы таким же образом. Что же касается до Каллиста Антиликуды, то он еще не успел прочитать, а только начал и, судя по началу, сомневался, полезно ли будет его напечатать, потому что он кажется ему очень труден для понимания: мысли

сжаты и собраны многие в один клубок так, что не каждый распутает их. "Я не знаю, — прибавляет он, — для чего печатать много: не лучше ли ограничиться не многим, явно полезным. Светская литература представляет нам невыгоды многого печатания. Там враг человеческого рода постарался устроить так, что хорошие книги задавлены грудою бесполезных так, что до них не доберешься. Не надобно ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подверглась такой же участи?" Я отвечал ему, что Ваше желание преимущественно то, чтобы изданы были рукописи, переведенные э с/тарцем/ Паисием как человеком, который, бывши глубоко знаком с духовною литературою, выбирал из всех книг самые полезные. Но на этом месте наш разговор был прерван приехавшими посторонними посетителями, и я спешу покуда сообщить его Вам, чтобы знать Ваш ответ об авве Фалласии прежде, чем буду у св/ятого/ Владыки. Но при этом случае испрашиваю Ваших святых молитв и святого благословения, особенно для Васи, который теперь держит экзамены: с беспредельною преданностью и уважением имею честь быть Вашим покорным слугой и духовным сыном.

И/ван/ К/иреевский/
5 ноября 1854 г.

50.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Н/аталья/ П/етровна/ сообщила мне письмо Ваше к ней от шестого ноября, в котором Вы изволите писать о Максиме Исповеднике, и я вижу из Ваших слов мое крайнее неразумение в понимании этого духовного писателя и прошу Вас простить меня в этом. Я понимаю, что главная трудность в понимании его писаний заключается не столько в его духов-

ной высоте, сколько в формах языка, занятых, как я думаю, у философских систем того времени, и особенно новоплатоников. Вот почему я так был дерзок, что осмелился даже предложить Вам свои услуги в деле перевода, предполагая, в местах неудобопонятных искать объяснений в философских терминах и оборотах мыслей древних школ. Но поистине, Батюшка, я думал только о буквальном смысле, а не о духовном и если бы знал, что дело идет о последнем, то не смел бы предложить своего участия. Я очень хорошо знаю и глубоко чувствую, как слеп я в этом последнем отношении, а не только там, где мысли выражены неясно, но даже там, где она сказана просто и удобопонятно даже для детей, как, например, в Евангелии, — я беспрестанно нахожу для себя темноты, которых не могу проникнуть, и в этих случаях обыкновенно решаю мои недоумения предположением просить объяснения у Вас; хотя в то же время чувствую, что даже и Ваши объяснения могут только указать, *куда* смотреть, а не дадут *глаз*, которыми видеть... что же касается до того высшего умозрения, о котором Вы пишете и которое открывается по деянии, — то кому же дает его Господь, если не Вам. Это — умозрение жизненное и живое, которое горит, как свеча, пред Господом и освещает все вокруг себя и зажигает светильник в чистых лампадах, Вас окружающих, — это свет, на который мы, далекие от вас, смотрим с благоговением и любовью как на Божий дар, посланный Им на пользу, вразумление и утешение людей, Вам современных. Потому простите меня, Батюшка, если я думаю, что святой Максим едва ли говорил такие вещи, которые в духовном смысле могли бы быть для Вас невразумительными; хотя в смысле буквальном и наружно философском он сказал многое такое, что, может быть, и навсегда, и для всех оста-

нется не вполне объясненным. Впрочем, опять повторяю, что не понимая в этом деле почти ничего, я вполне покоряю мое суждение Вашему и прошу меня простить за мое безрассудное мнение. Не знаю, успеет ли другое письмо придти к Вам прежде дня Вашего рождения, и потому прошу Вас принять теперь мои искренние поздравления и от всего сердца желание Вам здоровья и всего лучшего. Прошу также Ваших святых молитв и благословения и остаюсь с беспредельным уважением и преданностью Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ Кир/еевск/ий

13 ноября 1854 г.

51.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Прошу Вас принять и мое от всего сердца поздравление с наступающим днем Вашего рождения и желания Вам всего лучшего, особенно здоровья, спокойствия и всех благ, какие за Ваши молитвы Бог посылает другим. Да продлит Господь Вашу жизнь на утешение всех любящих Вас. Я имел счастье получить Ваше письмо от девятого ноября, в котором Вы изволите писать, что с "Главами" Каллиста, кажется, надобно будет поступить /так же/, как с стишною книгою св/ятого/ Симеона Нового Богослова, потому что эти главы не для всех понятны. Признаюсь Вам, милостивый Батюшка, что мне было бы крайне жаль, если бы это случилось. "Слова" Марка Подвижника еще менее понятны, и потому также не для всех доступны; но зато для тех, кто может ими пользоваться, они могут объяснить многое существенное и оградить их понятия от западных лжетолкований. Те же, кто поймут, могут передать другим. Вы сами тоже желали печатать Каллиста. М/итрополи/т тоже, когда говорил о нем, еще не прочел его, а только начал

читать. К тому же, не говоря уже о других достоинствах, эта книга важна уже и потому, что она не находится ни в каких других языках, и даже издателю греческой "Филокалии" была неизвестна, как видно из тех глав Каллиста Катафигиота, который там напечатан и о котором сказано: "оставшиеся" или "уцелевшие из писаний Каллиста". Печатать же одно общепонятное и, следовательно, общеизвестное имеет, кажется, тоже свой вред. Многие именно оттого не берутся за наши духовные книги, а ищут иностранные, что наши по большей части повторяют всем известные истины, которые можно знать и не читая, говорят они. Простите меня, Батюшка, что я взял смелость сказать Вам это мнение мое, к которому, впрочем, не нужным считаю прибавить, что я не с тем выразил его, чтобы иметь влияние на Ваше; я далек от такой самонадеянности, но только потому, что хотел высказать, что было у меня на сердце. Примите уверение в глубочайшем почтении и совершенной преданности, с которыми я, испрашивая Ваших святых молитв и благословения, остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
16 ноября 1854 г.

52.

Милостивый Батюшка!

Прошу Вас принять мои искренние поздравления с наступающим днем Нового года. Дай Бог, чтобы и Вам, и нам, и всему православному миру этот год принес благополучие и удаление бед и страданий и утешил нас или миром непостыдным, или, если это невозможно, войною успешною и ведущею к благоденствию Отечества и всего христианства. Прошу Вас передать также мои усердные поздравления о. архимандриту

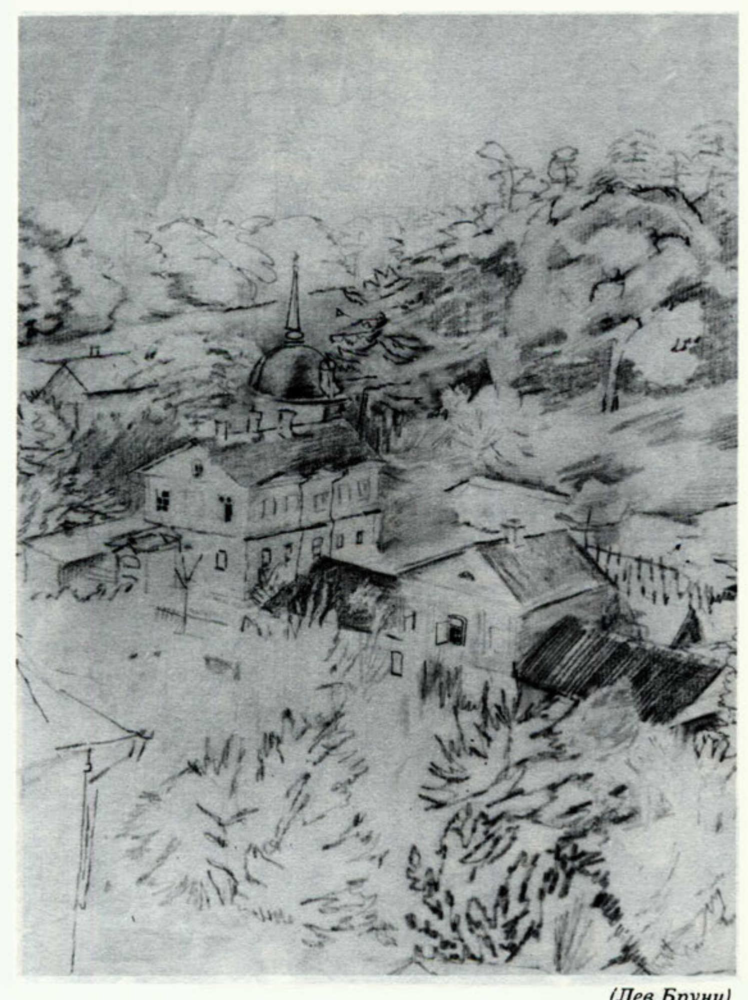
и о. Амвросию и окружающим Вас почтеннейшим отцам Иоанну, Амвросию и Л/ьву/ Александровичу, которому прошу сказать, что я нередко видаюсь с Г. Пащенкой, его приятелем, и имею надежду выхлопотать ему место в Киеве. В семье нашей тревожит меня здоровье Н/атальи/ П/етровны/, которая все более и более худеет и страдает грудью, и некоторое расстройство здоровья Васи. Также не совсем покойно мне и насчет его будущих занятий и успехов в высшем классе, и просим Ваших святых молитв. Между тем как мир православный встречает Новый год, хотя в молитвах, но с опасением и страхом за будущее, западный мир — в упоении и радости от нового догмата веры, который их Папа рассудил за благо им объявить, то есть догмат о безгрешном зачатии Пр/есвятой/ Девы — догмат, которым, кажется, самое основание христианского учения разрушается. Видно, что Богу угодно их заблуждения довести до крайнего обличения, может быть, на пользу и утверждение истинно верующих.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию испрашиваю Ваших святых молитв и благословения, имею честь быть Вашим покорным слугой и духовным сыном

И/ван/ К/иреевский/
31 декабря 1854 г.

53.
/1855/

Прошу Вас, милостивый Батюшка, принять мое искреннее поздравление с наступающим днем Ваших именин. От всей души желаю Вам как в этот день, так и всегда на многие и многие лета доброго здоровья и всего наилучшего. Н/аталья/ П/етровна/ пишет к Вам, вероятно, о той новости, которая разнеслась здесь



(Лев Бруни)

Вид на монастырь с колокольни



(Лев Бруни)

Всенощная под Воздвижение Креста в Козельском соборе. Служит настоятель Оптиной Пустыни, арх. Исаакий (1925)

со вчерашнего дня, то есть о смерти г. Протасова. Все, кто знал его, очень жалеют о нем, потому что, говорят, он был очень нравственный и хороший человек, как человек. Как прокурора его тоже жалеют, потому что опасаются худшего. Впрочем, кто будет на его место, еще не известно. Иные думают — Красовский, другие говорят — князь Долгорукий, брат военного министра. Слухи о мире замолкли. Говорят, на него мало надежды. Но прусский король, как слышно, решительно отказался действовать против нас. Хотя с этой стороны мы будем спокойнее. Но что бы ни было, а главное и единственное упование на милость Божию, и Вы прекрасно изволите писать, что Господь силен даровать победу и одоление против врагов наших и показать силу их суетну и ничтожну, только мы да не престанем прибегать к Нему с покаянием, исправлением себя и молитвою. Может быть, в самом деле эти тяжелые времена поведут нас к лучшему, очистят и укрепят наши силы и наше разумение. Только нелегко перенести это очистительное врачевание.

Испрашивая Ваших святых молитв и благословения, с искренним почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугой и духовным сыном

И/ван/ К/иреевский/

54.

Сердечно уважаемый Батюшка!

Я прочитал Ваши строки, исполненные милостивого участия к спасению души моей, с таким чувством, с каким сын слушает слова отца, выражающие ему любовь и попечение о его благе. Благодарю Вас от искреннего сердца и сознаюсь, что занятия мои шахматной игрой действительно дошли до излишества и до некоторой страстности. Подле меня посто-

янно стояла маленькая дощечка с расставленными шашками, которая беспрестанно оттягивала мои мысли от других занятий к себе. Сначала я поставил ее для того, чтобы только в минуты, свободные от других занятий, разбирать на ней замысловатые ходы; а потом ее всегдашнее присутствие перед глазами мало-помалу отвлекало меня от других важнейших занятий. Я уже и сам начинал чувствовать это излишество, и признаюсь Вам, что накануне получения Вашего письма довольно усердно молился Богу, чтобы он дал мне силы избавиться от этой страстности. Однако же до Вашего письма силы в себе не находил. Получивши же письмо Ваше, я убрал свою дощечку с шашками и запер шкаф. Кроме того, я положил себе на две недели совсем не играть даже с игроками, которые будут приезжать ко мне, а по истечении этого срока, играть с умеренностью, а дощечку подле себя уже не ставить. Но, к удивлению моему, я замечаю, что решение действует на меня почти так же мучительно, как самый строгий пост. Так велика была моя страстность. Впрочем, многоуважаемый Батюшка, когда я писал к Вам, что Н/аталья/ П/етровна/ извещает Вас о том, что у нас происходит, я не думал, что она пишет о шахматах, а предполагал, что она пишет о нездоровье маленьких детей, о беспокойстве нашем о Васе и о неустройствах домашних, которые бывают иногда тем мучительнее, что /я/ совершенно не способен устроить порядок, особенно потому, что мои понятия об этом предмете очень часто несходны с понятиями Н/атальи/ П/етровны/, отчего происходит часто разногласие в действиях и словах. Впрочем, для меня собственно неустройства домашние не доходили бы до сердца, если бы они не давали мучения ей. Но очень тяжело видеть, что она страдает от них и считает меня виновником своих страданий, между тем, как я не умею и не могу устроить ей по

сердцу. Прошу Ваших святых молитв и верю, что, услышав их, Господь пошлет нам мир и устройство. Особенно теперь прошу святых молитв ваших о Васе, от которого мы не имеем писем с двенадцатого ноября и боимся за него. Переводить на русский язык Каллиста Антиликуда я начал, хотя с трудом и, кажется, не совсем удачно. Испрашивая Вашего святого благословения — с глубоким уверением и совершенною преданностью Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

55.

От всей души благодарю Вас, сердечно любимый и беспредельно уважаемый Батюшка, за милостивое писание Ваше и за Ваше истинно отеческое участие о Васе, обо мне. Страх за него только и успокаивается надеждой на милосердие Божие и на святые молитвы Ваши и нашего московского святителя. Но, вдумываясь в положение Васи, нахожу его не безопасным и тяжелым. Сегодня, перед тем как хотел писать к Васе, прочел случайно в церковной истории, как Григорий Двоеслов рассказывает, что у одного пленника свалились цепи в ту минуту, как за него в отдалении вынимали части в литургию. Потому, припадая к стопам Вашим, прошу Вас, милостивый Батюшка, помолиться за Васю и вынуть за него часть. Ему очень трудно и тяжело и от положения своего, и от характера, и, может быть, от наших ошибок в воспитании. До сих пор еще писем от него не получали. От всей души также благодарю Вас за благосклонное напоминание Ваше о моем намерении написать продолжение моей первой статьи. Это занятие, точно, было бы для меня и полезно, и утешительно; и по Вашему святому благословению я думаю начать на этих днях. Что ка-

сается до шахматной игры, то я ею теперь не так много занимаюсь, как прежде. Что же касается до Ваших мне советов, то я не только з н а ю , но и несомненно ч у в с т в у ю , как они от истинно христианской любви и от доброго желания происходят. Потому я могу отвечать на них только словами: б л а - г о д а р ю ! Поручая себя Вашим святым молитвам и испрашивая Вашего святого благословения, с уважением и преданностью остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
6 февраля

56.

Милостивый Батюшка!

Говея и собираясь приступить к таинству исповеди и надеясь через нее сподобиться святого причащения тела и крови Господа нашего, я мысленно повергаюсь к Вашим ногам и прошу у Вас прощения в грехах моих и святых молитв Ваших и Вашего святого благословения.

Искренно преданный Вам Ваш духовный сын и покорный слуга

И/ван/ К/иреевский/
10 февраля 1855 г.

57.

Благодарю Вас, многоуважаемый Батюшка, что Вы вспомнили обо мне в день моего рождения. Благословите меня хотя в этом пятидесятом году моей жизни начать жить лучше и цельнее и помолитесь обо мне. Так как до сих пор не получен еще Алфавит к книге Варсануфия, то, может быть, в нем можно еще сделать вставки. Потому прошу вас обратить вни-

мание на то, не полезно ли будет в Алфавите указать на те места, которые относятся к Иисусовой непрестанной молитве? Так как есть некоторые из западных, которые отвергают древность этой молитвы, то, кажется, не худо было бы во всех древних св/ятых/ Отцах указать на те места, которые прямо или подразумевательно к ней относятся. У Варсануфия, сколько я нашел, сюда можно отнести ответ тридцать девятый — о призвании имени Иисуса при каждом искушении. Ответ сто двадцать шестой; должно ли поучаться в Божественном Писании или в Иисусовой молитве "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя". Ответ четыреста двадцать третий о том, что имя Божие дòлжно призывать во время искушений, что непрестанное именование Бога есть не только врачевание страстей, но и деяния и что как лекарство действует на больного непонятным для него образом, так и призывание имени Божия убивает страсти образом нам неведомым. Ответ четыреста двадцать четвертый, что имя Иисусово дòлжно призывать не только во время искушений, но и тогда, когда по-видимому помыслы безмолвствуют и сердце мирно, и что непрестанное призывание имени Божия есть собственно молитва. Четыреста двадцать пятый, что призывание имени Божия отгоняет злые помыслы, возникающие во время псалмопения, или молитвы, или чтения (следовательно, молитва Иисусова не должна останавливаться во время произнесения других молитв. То же сказал о. Серафим о. архимандриту). Четыреста двадцать девятый: не только призвание имени Божия устами, но и воспоминание его в сердце — также молитва, ибо Бог — сердцевидец и внимает сердцу. Затворяющий уста и именующий Бога в сердце исполняет заповедь, глаголящую: "Затвори двери твоя и помолися Отцу твоему, иже в тайне" и пр. Четыреста тридцатый: углубляться молитвою в сердце не

произнося слова — прилично только совершенным, могущим управлять свой ум, не совращаясь в мечтания. Начинающий же такое художество, как не умеющий плавать по глубокому морю, должен, когда ощутит глубину, выходить на берег и, отдохнув, опять пускаться в пучину, покуда совершенно познает художество сего плавания и достигнет в силу ведущих. И еще есть много мест, которые сюда относятся, но я их теперь не умею найти. Если Вы одобрите это, то можно будет эту вставку в Алфавит послать особенно к цензору. Прошу Вас помолиться за нашего Васю, которому, как Вам писала Н/аталья/ П/етровна/, опять угрожают неприятности в лицее. Примите, милостивый Батюшка, искреннее и вседушевное поздравление с наступающим светлым праздником, ибо, может быть, будущее письмо мое не успеет дойти вовремя по причине разлива рек.

С истинным почтением и сердечною преданностью испрашивая Ваших святых молитв и благословения для всех нас, имею счастие быть Вашим покорным слугой и духовным сыном

И/ван/ К/иреевский/
22 марта 1855 г.

58.

Милостивый Батюшка!

От всего сердца поздравляю Вас с наступающим светлым Хр/истовым/ праздником и прошу для всех нас Вашего святого благословения. Сейчас приехал к нам Вася по железной дороге на светлую неделю. Он, слава Богу, здоров, но его отношения в лицее все как-то не совсем такие, каких бы надобно желать, и сколько я мог заметить из короткого еще разговора с ним, он не совсем понимает, как осторожно должно ему вести себя в отношении к товарищам, с которыми

он слишком искренен и добродушен и непринужден, между тем как они не совсем благонамеренно к нему расположены, и многие пользуются его легкомыслием, чтобы вредить ему у начальников. Молюсь Богу, чтобы он понял и принял наши советы, и Вас прошу благословить наши слова ему на пользу. Н/аталья/ П/етровна/ еще не совсем оправилась от болезни, теперь опять простудила бок, так что это заставляет нас опасаться еще новой болезни. На Ваши молитвы надеемся, милостивый Батюшка!

С неограниченным почтением остаюсь преданный Вам покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

25 марта

59.

Милостивый Батюшка!

Наш Вася опять в беде. Если находим утешение, то больше всего в надежде на Ваши святые молитвы, которые могут низвести на него милость Божью и избавление. Он пишет к нам из карцера, куда посажен за то, что бросил табуретом в одного товарища. Произошло же это, по его словам, таким образом, что он возвратился в лицей в воскресенье получасом позже назначенного времени по причине разлития Невы. За то его не хотели отпустить в пятницу, когда распускали всех. Он стал объяснять воспитателю причину своего промедления, но его товарищи не дали ему говорить, крича вокруг воспитателя, что он говорит неправду, что он опоздал не получасом, а целым часом, другой кричал — полутора часами, третий — двумя часами, так что воспитатель вышел, не приняв извинений Васи, а он остался и обиженный их предательством, и оскорбленный тем, что его выставили лгуном. Тогда один из товарищей, чтобы еще

больше позабавиться над ним, свернул полотенце (это было поутру, и они умывались) и, зайдя сзади, ударил им Васю по глазам так сильно, что Вася, говорит, думал навсегда лишиться глаз. При этом неожиданном ударе он не вспомнился и бросился на удиравшего товарища, но другие их разняли. Тогда, прежде чем Вася опомнился от гнева и драки, другой товарищ начал дразнить его, и Вася, в запальчивости, пустил в него табуретом, который, по счастию, не попал. Его посадили в карцер, а других распустили по домам. Но кроме того что он наказан, это должно по уставам их уменьшить ему число баллов за поведение, а у него они были и без того так малы, что воспитатель писал ко мне, сомневаясь, может ли Вася быть выпущен из лицея с каким-нибудь классом. Перед этой историей баллы его начали было подниматься. Сейчас получил я от воспитателя письмо, в котором он пишет, что и в науках в последнее время у Васи шло дурно. В двух предметах он не отвечал. Помолитесь за него и за нас, милостивый Батюшка, чтобы Господь укрепил его на хорошее и помиловал. Я писал к одному знакомому в Петербург, но не знаю, какие будут из этого последствия. Н/аталья/ П/етровна/ хотя пишет к Вам сегодня, но не об Васе, потому что ей трудно говорить об этом и она без того уже много плакала. Оттого поручила об этом написать мне. В Ваше сердце сосредотачиваются все наши беды, страдания и печали. Да сохранит Вас Господь Своею неизмеримою благодатию.

Остаюсь с беспредельным почтением и сердечною преданностью Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
26 апреля 1855 г.

60.

Не успел написать к Вам по прошедшей почте, милостивый Батюшка!

Спешу теперь принести Вам искреннюю и сердечную благодарность за те дни и часы, которые Вы удостоили провести у нас. Пребывание Ваше у нас привлечет к нам благословение Божие, и каждое слово, сказанное Вами, останется навсегда в нашей памяти. Посылаю при сем книжку Хомякова на французском языке о нашей Церкви. Ее прислал Кошелев нарочно для Вас и пишет ко мне так: "Я слышал, что в Оптиной Пустыни желают прочесть брошюру Хомякова, потому прошу доставить от меня ее в дар о. Макарию. Хотя я его не знаю лично, но надеюсь скоро иметь возможность с ним познакомиться". Когда Кошелев приедет к Вам, то сделайте одолжение, милостивый Батюшка, известить меня об этом с нарочным. Я бы желал быть в то же время в Оптине. Прошу э Вас, милостивый Батюшка, передать мой усердный поклон Вашим юным старцам. Память об них сохраняется у нас с любовью и истинным уважением.

Испрашивая святых молитв Ваших и святого благословения и/мею/ ч/есть/ быть с беспредельным уважением и преданностью Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
30 августа 1855 г.

61.

Милостивый Батюшка!

Прилагаю письмо инспектора Сергия, полученное мною в ответ на то, которое я ему послал по Вашему приказанию о последних главах аввы Фалласия, и

прошу вразумить меня, что ему отвечать. Составить ли примечание здесь и послать ему на одобрение или просить его самого составить его? В указании на И/оанна/ Дамаскина он ошибся; я писал ему об одиннадцатой главе и третьем параграфе, разумея первую часть, в которой говорится о Пр/есвятой/ Троице. А он вместо *третьего параграфа* прочел *третью часть* и в ней искал одиннадцатой главы, где идет речь о другом. В указанном же мною месте говорится именно об безначальности и о небезначальности Сына. Для усмотрения Вашего выписываю это место и при сем прилагаю. Выписываемый о. инспектором ирмос кажется мне также не довольно ясен. Не имеется ли в церковных песнях что-либо ближе к предмету? В книге И/оанна/ Дамаскина еще указана ссылка на Григория Назианзина ''Слово'' двадцать девятое и тридцать девятое. Но я их не смотрел. В примечании же, я думаю, к выписке из И/оанна/ Дамаскина достаточно прибавить несколько слов о том, что слово ''начало'' имеет несколько смыслов. Иногда означает оно черту, от которой возникает что-либо во времени или пространстве; иногда означает основание чего-либо; иногда — причину, или вину. Здесь ''небезначальный'' употреблен в сем последнем смысле и, собственно, значит: имеющий вину Своего Сыновнего бытия в Отце, совечно ему и безначально пребывая как Божество, Ему Единосущное, но от Него прежде всех веков рожденное, как свет от света, Бог истинный от Бога истинного. Когда будет/е/ рассматриват/ь/ перевод Филиппова Максима Исповедника, то на первой странице его, где говорится о том, что любовь составляется из вожделения и страха, не найдете ли приличнее заменить слово ''вожделение'' словом ''влечение''? Я не пишу к Вам о наших домашних обстоятельствах, милостивый Батюшка, потому что Н/аталья/ П/етровна/ пишет обо всем обыкновенно и всегда. Но очень

много у нас затруднительного, для чего крайне потребно нам Вашей святой молитвы и совета. Особенно затрудняет меня то, как поступить с поваром, которого оставлять здесь опасно и вредно; отослать на оброк без наказания может быть вредным примером; сослать затруднительно, потому что ему пятьдесят два года.

Прошу от всего сердца Ваших святых молитв и благословения и остаюсь с беспредельным почтением и преданностью любящий Вас Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
20 сентября /1855/

62.

Милостивый Батюшка!

Дело о хлебах, которое, кажется, несколько объясняется, очень тревожит меня. Боюсь быть или несправедливым, или слишком слабым. Чувствую, что у меня не достает ни ума, ни уменья, ни сил. Помолитесь обо мне и научите, как действовать.

Искренно преданный Вам Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
6 ноября /1855/

63.

Прошу Вас, милостивый Батюшка, принять мое искреннее поздравление со днем рождения Вашего. Да продлит Господь Вашу жизнь и да пошлет Вам здоровья! Это — постоянное желание и молитва преданных Вам духовных детей Ваших. Благодарю Вас за присланную выписку из письма Башилова. Очень отрадно видеть, что статьи Хомякова находят у нас ценителей. Мне кажется, что сам Господь избрал его

быть поборником нашей православной веры. Во всю свою жизнь он был ей предан душою, телом и делом, всегда исполнял ее предписания и во всю свою жизнь беспрестанно защищал ее против неверующих и иноверцев. Статьи так умны, учены, глубокомысленны и проникнуты сердечного убеждения, что вряд ли в Европе найдется писатель, ему подобный, а от Муравьева он отличается, как звезда от мишурного золота. Очень бы желал, чтобы Башилов скоро перевел его и доставил Вам его вторую статью. Еще больше, чем за письмо Башилова, благодарю Вас, милостивый Батюшка, и благодарю из глубины сердца, за то, что Вашими святыми молитвами дело наше о хлебах несколько проясняется. Ключник, после многих лживых изворотов, наконец признался, что ему привезли мышьяк накануне этого дня (будто для мышей) и что он в тот же день, перед вечером, размешал этот мышьяк с мукой, при сыне повара (у него не было особенного места), и поставил его на блюдце в погребе. Последнее невероятно, потому что на блюдце мышьяк с мукой для мышей не ставят. Около этого времени он выдавал повару муку для хлебов. Ключник говорит, что о мышьяке против мышей его просила девушка, которая ставит на погреб молоко, и что она об этом знала. Но она запирается. Между тем она — в незаконной связи с поваром; что ключник виноват, в этом нет сомнения, что виноват повар и эта девушка, — это вероятно; но еще желательно было бы больше ясных удостоверений. Помолитесь, милостивый Батюшка, чтобы Господь раскрыл нам это дело до той степени, чтобы мы не сделали ничего такого, от чего бы совесть наша не была покойна и чтобы вместе удалили источник вреда. На Ваши молитвы надеясь, успокаивается сердце.

С беспредельным почтением и преданностью

имею счастье быть Вашим покорным слугой и духовным сыном.

И/ван/ К/иреевский/
19 ноября /1855/

64.

Многолюбимый и беспредельно уважаемый Батюшка!

Вчера Н/аталья/ П/етровна/ писала к Вам и просила для всех нас Вашего благословения по случаю говения нашего. Сегодня же, готовясь к исповеди, я считаю потребностью сердечной опять обратиться к Вам и просить святых молитв Ваших и благословения. Силен Господь за Ваши молитвы расположить мое сердце к принятию таинства покаяния, но до сих пор не умею ни собраться с мыслями, ни чувствовать грехи мои.

8 декабря

65.

Возвратившись из церкви, где Господь сподобил меня, недостойного, приобщиться Его Св/ятых/ и Животворящих дарований, мысленно целую Вашу святую благословляющую руку и опять прошу Ваших святых молитв, чтобы Господь милосердный по безграничной благости Своей соделал меня сколь возможно менее недостойным к хранению принятой мной святыни.

С любовью и почтением остаюсь преданный Вам Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
10 декабря

66.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Прошу вас принять мое поздравление от всего сердца с наступившим Новым годом и искреннее желание Вам здоровья и всего лучшего. Прошу Вас также передать мои усердные поздравления о. архимандриту, о. Антонию, о. Ювеналию и о. Кавелину и всем почтенным старцам Вашей святой обители. Утешаемся надеждою увидеть Вас в Долбине после праздников.

Между тем испрашивая Ваших святых молитв и святого благословения, остаюсь духовно предан Вам Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван К/иреевский/
2 января 1856 г.

67.

Искренно уважаемый и милостивый Батюшка!

Позвольте мне и письменно выразить Вам мою глубокую сердечную благодарность за утешение, которое Вы доставили нам милостивым посещением Вашим. Я вижу в этом столько же милость Божию, сколько и Вашу отеческую любовь. Да воздаст Вам Господь! Прошу Вас помолиться за нас и за Васю, от которого мы давно не имеем известий. Сереже завтра будет одиннадцать лет. Прошу Вас передать мое почтение о. архимандриту, о. игумену, о. Ювеналию, которого здоровье, надеюсь, поправилось, о. Льву, для которого письмо посылаю, о. Кассияну и всем святым старцам Вашим.

С сердечною преданностью и уважением остаюсь Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/
12 марта

68.

Христос Воскресе!

Многоуважаемый, милостивый и искренно любимый Батюшка!

По милости Божией и за Ваши святые молитвы я приехал в Петербург в четверг на Страстной в добром здоровье и довольно благополучно, хотя дорога до Москвы была очень трудная, а от Москвы до Петербурга я должен был питаться только чаем и кофеем, потому что в среду на Страстной нельзя было найти на станциях постного кушанья, кроме рыбы. Большая часть пассажиров ели мясо. Из Москвы я писал Н/аталье/ П/етровне/ некоторые слухи, прося ее передать их Вам. Но здесь узнал, что из них большая часть несправедливы. Исключая того, что есть в газетах, ничему не надобно верить. Васю я нашел нравственно в хорошем положении и в этом отношении был им доволен, кроме того, что он истратил несколько лишних денег против нашего назначения. Правда, что трудно и не истратить, потому что здесь все дорого и за все надобно платить. Но, бывши в кругу людей очень богатых, он привык смотреть на рубли, как на копейки. Боюсь, чтобы это не повело его к большим затруднениям в жизни. Присланные Вами образочек, платочек, просфору и конфетку он принял с благоговением и сердечною благодарностью. Учение его шло в последнее время лучше прежнего. Однако же прошедшего воротить нельзя, и он выйдет, вероятно, двенадцатым классом и одним из последних. С этим классом тоже, кажется, можно получить офицерский чин в армии, а в гвардии служить шесть месяцев юнкером. Во время войны ему хотелось в действующую армию, а теперь хочется в гвардию. Но не знаю, в состоянии ли мы будем содержать его в гвардии, разумеется, в пе-

хоте; о кавалерии и мечтать нельзя. В армейской кавалерии, говорят, тоже не дешевле гвардейской пехоты, и, сверх того, общество пьяное и развратное. В армейской пехоте общество тоже тяжелое, и, сверх того, служба невидная и безвыгодная. Если бы часть гвардии стояла в Москве, то тогда можно было бы там содержать Васю. Но это, кажется, неверно. Потому я до сих пор не решился на выбор полка. Помолитесь, милостивый Батюшка, чтобы его экзамены и выбор службы были благополучны. О Н/аталье/ П/етровне/, и о детях, и о доме, и об управлении в Долбине я тоже очень беспокоюсь и Вашими святыми молитвами прошу милосердного Бога сохранить ее и их от всякого вреда и расстройства. Слухи об освобождении крестьян здесь не подтверждаются. Если что и будет, то, вероятно, не скоро и с рассмотрения.

С беспредельным уважением и преданностью — Ваш покорный слуга и духовный сын

И/ван/ К/иреевский/

/P.S./ Я много раз в день молюсь Вашими святыми молитвами; поддержите их, милостивый Батюшка! Директор лицея говорил мне, что хотя Вася в последнее время стал гораздо благоразумнее, но что все еще характер его очень раздражителен и запальчив. Как бы помочь этому, милостивый Батюшка?

На время экзаменов директор уезжает за границу по причине болезни, и его место займет инспектор, который, как я сейчас узнал от Васиных товарищей, очень дурно расположен к Васе и, по всей вероятности, будет вредить ему при экзамене. Помолитесь за Васю, милостивый Батюшка!

/1856/

69.

Милостивый Батюшка!

Я имел счастье получить Ваше письмо, в котором Вы изволите поздравлять меня с днем моего ангела, а еще два других прежде, и от всего сердца приношу Вам мою искреннюю благодарность. Сердечная мысль о Ваших святых молитвах поддерживает здесь мои действия и хлопоты о Васе. Много было затруднений; некоторые разрешились благополучно, другие еще остались. Теперь главное затруднение в том, куда ему вступить в полк. Сначала мы думали, что если он вступит в гвардию, то ему надобно будет служить юнкером только шесть месяцев, и потому, когда должны были назвать полк, то назвали Измайловский. Так представление пошло к государю и им утверждено. Но теперь нам говорят, что в гвардии надобно будет юнкером служить два года, что юнкера должны быть в казармах, что там их несколько человек в одной комнате, что потому если бы кто из них и хотел заниматься чем-нибудь дельным, то не может от других, которые обыкновенно занимаются картами, вином и т/ому/ п/одобными/ упражнениями. Теперь я очень желал бы выручить Васю отсюда, но не знаю, как это сделать, потому что государем уже утверждено. Говорят даже, что вследствие какой-то ошибки государь утвердил принять лицеистов в гвардию прямо офицерами, и что ему будут докладывать об этом, и он прикажет принять их юнкерами. Тогда еще трудно будет снова докладывать ему, что один лицеист просит переменить назначение и вместо юнкерства гвардии желает быть офицером армии. В прежние времена бывало, что если даже и ошибкою царь объявит кого-нибудь в каком-нибудь чине, то этот чин ему оставался. Потому не совершенно невозможная вещь и то, чтобы Васе оставили офицерский чин в Измайловском полку, как

это им было объявлено на акте лицейском. Тогда все заботы наши и страхи за опасности казарменной жизни с юнкерами были бы разом уничтожены этою милостию государя. Но, кажется, это не останется, потому что многие хлопочут против этого. Если же, как вероятно, это будет признано ошибкой, то мне хотелось бы, по крайней мере, чтобы Васе позволено было вступить в этот полк, который стоит в городе Белеве, для того, чтобы находиться вблизи родителей, с которыми он был разлучен в течение семи лет. Помолитесь, милостивый Батюшка, чтобы Господь помог устроить то, что будет ему на пользу. Вообще прошу святых молитв Ваших обо всех нас, о жене, о детях, обо мне.

Вам искренно преданный духовный сын Ваш и покорный слуга

И/ван/ К/иреевский/

/P.S./ Я познакомился с Башурским; он хотел быть у Вас проездом в Киев. Он живой и кипучий. Жаль, что ему помешали жить в Ладожском монастыре: руководство о. Антония было бы ему пол/езно/...*

/1856/

* Письмо не окончено.

II

ПИСЬМА НАТАЛЬИ ПЕТРОВНЫ КИРЕЕВСКОЙ К ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ ИЕРОСХИМОНАХУ О. МАКАРИЮ

1.

20 сент/ября/ 1846 г.

Доставляю Вам два корректурных места и прошу милостивого Вашего благословения и святых молитв. Мне очень тяжело на сердце, что-то грустное гнетет меня... Целую Ваши ручки от всего искреннего усердия и прошу Вашего благословения на утверждение в известном Вам благом пути нас обоих и со всею семьею.

2.

Милостивый отец мой! Девятнадцатый корректурный лист посылаем к Вам, двадцатый печатается и книга двадцатым листом окончится. Предисловие набирается в типографии... Все средства употребим, чтобы к новому Году книга вышла; если Господь благословит успехом, очень будем рады...

Душа моя часто страдает, сердце смущается и болит о всем и о всех нас. Прошу св/ятых/ Ваших молитв и милостивого благословения всему семейству нашему...

13 Дек/абря/ 1846

3.

Милостивый отец мой! Письмо Ваше от 14 Дек/абря/ получено мною вчера 18-го числа.

Душою благодарю Вас за милостивое Ваше о нас попечение. Здоровье мое еще не совсем исправилось, что мне прискорбно только потому, что сама действовать и выезжать не могу и не позволяет доктор, а кажется как будто если б я могла ездить, то дело печатания шло бы несравненно скорее. Впрочем, теперь двадцатый лист печатается, предисловие набирается, оглавление также. Сейчас посылаем за наборщиками, чтобы уговорить их известными средствами окончить печатание к новому году... Тогда останется или отправить к Голубинскому для подписи к выпуску книги, или еще бы лучше, если бы Голубинский, когда будет в Москве, решился подписать к выпуску книгу, а он всегда бывает на третий день праздника, ибо он благочинным в Вознесенском монастыре. После же его подписи останется перепечатать, сколько прикажете экземпляров и как? И тогда прошу Вас, батюшка, выслать мне реэстр назначения: кому и сколько экземпляров доставлять...

Прошу Вашего святого благословения на скорое и благополучное окончание сего дела, — равно благословите и мое усердие исполнить все согласно желанию Вашему, это единственное желание моего сердца... Здоровье Ивана Васильевича посредственно, но кажется он скрывает, что у него бывает боль в сердце. Прошу Ваших святых молитв о нем. Да, духом воистину страдаю, и есть причины — не резкие, но для любящего сердца иногда тяжелые.

Простите мое малодушие, отец мой! Со слезами молю любовью Вас, помолитесь к Господу об утверждении его в супружеской любви и верности, и благословите воспитание детей. Я сама ничего не

умею, боюсь, что упускаю время и их пользу; словом, я ни на что не гожусь, батюшка! Не оставьте меня, грешную, молю Вас усердно, Вашими молитвами, — верую, что и Господь меня не оставит! Научите, вразумите меня, и простите, что много утруждаю Вас, но по душе имею Вас больше, чем родным отцом. — Преданная Вам по Господе Недост/ойная/ дочь Ваша

N.K.

4.

Милостивый отец мой! Письмо Ваше от 17 Декабря имела утешение получить и роспись экземпляров. С радостью буду стараться по желанию Вашему все исполнить. Теперь хлопочет Иван Васильевич, чтобы завтра окончили печатание двадцатого листа, эти наборщики плутуют ужасно. Останется одно предисловие с оглавлением и опечатками. Это надеемся силою монеты заставить их отпечатать на праздниках, и тогда уже будем ожидать Ф.А. Голубинского, для подписи к выпуску книги, или пошлем нарочного в Лавру, для этого, если он на праздниках не будет... Более теперь не пишу, а усердно благодарю Вас всей душою за записку: она, как животворный бальзам, доставила мне утешение. Батюшка, не оставьте меня, грешную, в святой молитве Вашей!..

Простите, мой милостивый отец! Молю Господа о Вас всегда усердно. Прошу Вас, благословите нас всех на новый год, провести оный в заповедях Божиих, мире, любви и верности друг другу. Детей и весь дом наш с домочадцы благословите, батюшка! Верую, что благословением Вашим нас Господь помилует!..

23 Дек/абря/ 1846 г.

5.

Милостивый отец мой! Слава Богу! Вот и двадцатый лист к Вам посылаю, это последний... Голубинского ожидают на днях и он, говорят, остановился в Петровском монастыре, — это недалеко очень от нас, и потому более удобно будет его видеть. В усердии и старании нашем не усумнитесь, батюшка! От души желаем Вам сделать угодное.

Вчера вечером Иван Васильевич лишился одного из друзей своих: поэта Николая Михайловича Языкова: смерть его всех нас огорчила, но он кончил как истинный христианин: сам просил исповеди и причащения св/ятых/ Таин. Прошу Вас, отец мой, помяните его пред престолом Божиим.

О себе мне совестно уже беспокоить Вас, батюшка! Я чувствую, что не умею благодарить Господа за Его великие ко мне, недостойной, милости. Много, много согрешаю во всем, но сердце сильно и часто страдает. Простите Бога ради, может все это малодушие, не оставьте меня, окаянную!

N.K.

6.

3 янв/аря/ 1847 г.

Милостивый отец мой!.. Вот что имею сообщить Вам: Голубинский приехал в Москву 26-го числа Декабря. По милости Божией я тотчас о сем узнала, и написала к нему, приглашая его к нам. Он обещался быть 28-го, но не приехал. Я опять послала его просить и он 31-го в два часа пополудни приехал к нам, а в одиннадцать вечера уехал. Приятно было провести с ним этот день, он все замечания Ваши в опечатках не только одобрил, но и поручил благодарить Вас за

оные, подписал оные к печатанию, и еще подписал мне бланку, на случай присылки Вами еще новых замечаний, чтобы я вписала их на подписанном им уже листе, дабы избежать замедления. Вчера он должен был отправиться в Лавру и желал взять с собою книгу, отпечатанную и выслать с сегодняшнею почтою б и л е т на выпуск ее, но сего не состоялось от ленивой типографии, в которой низачто не хотели работать в новый Год, но за то, слава Богу, сегодня все последнее должно быть отпечатано. Шевырев должен приехать вечером на совещание и с помощию Божиею на следующей неделе книга выпустится и ее тотчас будут переплетать. Вот в каком виде наше дело, батюшка!

Письмо Ваше от 31-го сейчас получила и сегодня посоветуемся с Шевыревым.

Если можно еще, то отдадим в литографию снять верный снимок с подписи блаженного старца Паисия и поместим. Если же это замедлит дело, позвольте отложить: впрочем, видно будет, что можно успеть сделать, то все с усердием постараемся сделать. Вот все, что относится к делу.

Теперь скажу о своем. Иван Васильевич так огорчился кончиною Языкова, что сделался нездоров. Доктор запретил ему выезжать, но он поехал не только на отпевание в церковь, но и в Данилов, где похоронили Языкова. И еще расстроился и простудился: глаза очень болят, спина, бок и, кажется, сердце опять болит, хотя он скрывает и не ложится. Доктора говорят про него, что он не хорош, что ему до̀лжно очень беречься, и полечиться, но он ничего не хочет делать. Это меня сильно огорчает, часто боюсь за него, и прошу Вас, милостивый Отец мой, помолитесь ко Господу о исцелении и сохранении его жизни. Сделайте милость, не оставьте моей душевной просьбы: мне очень, очень грустно... недост/ойная/... дочь Ваша

N.K.

7.

Милостивый и глубоко-уважаемый отец мой! Кажется, все по отпечатанию великой книги блаженного старца приходит к окончанию... Теперь ожидаем билета для выпуска книги и надеемся оный получить сегодня. Об одном только очень сожалею, что напечатано не 2400 экземпляров — денежная прибавка была бы незначительная... Вот уже более десяти человек, разных лиц и званий приходили в типографию — все справляются, когда выйдет книга старца Паисия, ожидают ее с нетерпением. Теперь прошу Вас назначить цену за экземпляр, но предупреждаю Вас, батюшка, что рубль серебром слишком мало назначить, так даже и типографщики говорят, что следует ее продавать дороже по ее содержанию. Как мне было приятно это слышать от простого народа, который и простыми чувствами умеет оценить великое.

Теперь скажу Вам об нас: грусть, уныние и печаль нас не покидают от смерти Языкова. Иван Васильевич еще не может оправиться и, сам хотя скрывает, но видно, что нездоров и страдает... Не оставьте нас всех Вашею святой молитвою, благословите милостиво и помолитесь о нас грешных!

Я никуда не гожусь, у меня сердце беспрестанно страдает: страх возникает и производит печаль. Иногда молитва облегчает, а иногда и молиться сил нет. Иногда в настоящем вижу прошедшее и происшедшее неизвестное или скрытое, сбиваюсь от этого мыслью: страдания душевные прибавляются, силы же душевные и физические умаляются... Вот, батюшка, моя негодная грешность, исповедую Вам, как милостивому отцу моему, и надеюсь получить от Вас исцеление моей немощи душевной. Простите, Бога ради! Целую Ваши ручки усердно и с глубоким уважением остаюсь нед/остойная/ д/очь/ в/аша/

N. Киреевская

8.

13 Ген/варя/ 1847 г.

Милостивый отец мой! Пишу теперь к Вам немного: только желаю, чтобы Вы изволили видеть, что у меня с помощию Божиею все готово, и в доказательство этого позвольте поднести Вам один экземпляр из наших. Такой точно от Вас пошлется гр/афине/ Орловой. Еще лучше вышел зеленого стального цвета для митрополита. Только доставить оные ожидаем б и л е т а от Ф.А. Голубинского. Он еще не прислал билета на выпуск книги, и за ним единственная остановка. Если завтра еще не получим, то решимся послать за билетом эстафет. Это замедление мне представляется действием врага, препятствующего в деле полезном, какова эта книга, но, конечно, милостию Божиею, сокрушатся препятствия и восторжествует то, что на пользу человекам христианам. Три экземпляра мною выданы из типографии и без билета, а больше теперь достать нельзя, и эти до получения на выпуск билета просят не показывать... Что скажу Вам, отец мой, у нас то дети, то кормилицы — беспрестанно больны. Иван Васильевич также еще не здоров глазами, сердцем и кашляет сильно. Я же от частой холодности и невнимательности — страдаю духом и очень, очень тяжело мне бывает. О всем усердно прошу св/ятых/ молитв Ваших, как помощи крепкой на утверждение мира, любви и согласия. О, отец мой, помолите Господа о сем! Но да будет воля Его святая во всем!

Простите Бога ради и благословите нас всех. Нед/остойная/ дочь ваша

N. Киреевская

9.

20 января 1847 г.

Милостивый отец мой! Слава Богу, билет в Пятницу получили! В Пятницу же мы востребовали 150 книг и пригласили Кирилла Ивановича, которому вручили письмо и книги для митрополита. Он обещал оные доставить сам на другой же день, т.е. в субботу 18-го числа. Теперь у нас всех до 500 экземпляров, сегодня еще привезут и в течение этой недели все получим. Не в продолжительном времени у нас будет подвода: из деревни привезут кормилицу для маленькой. Я думаю с этою подводою доставить к Вам книги...

Теперь прошу Вас надписать Шевыреву на белом листке — в величину книги. По получении надписанного листка, его можно будет вклеить искусно в книгу, которую я от Вашего имени доставлю Степану Петровичу. Это, кажется, удобнее, чем пересылать всю книгу...

Более теперь не пишу к Вам, отец мой! Ибо спешу ехать в Симонов к отцу архимандриту похлопотать, не уступит ли он мне за деньги писанную для меня книгу Симеона Нового Богослова... Благословите, батюшка! Простите... прошу усердно Ваших святых молитв и целую Вашу руку. Недост/ойная/ дочь Ваша

N. Киреевская

10.

24 января, пятница, 1847 г.

Милостивый отец мой! Не заслуживаю ни единого слова благодарности не только от Вас, но и ни от ко-

го, за усердие мое. Оно по Господе к Вам искренно и истинно, и если ревностно участвовала своим малым умением ускорению сего полезного издания, то желаю общего, Вами желаемого блага, для усердных подвижников, и вознаграждена сторицею Вашим удовольствием. Спасет Вас Господь, и молю Его благость — утешить Вас за Ваше милосердие ко мне грешной. Не смею озабочивать Вас, отец мой, сердечною, или вернее сказать, душевною моею грустью. Мне часто, очень часто, да и в самое это время весьма тяжело. Что-то не твердое в наших отношениях: иногда хорошо довольно, но видно в этом хорошем — принуждение; но иногда, как и теперь, вдруг холодность, невнимание и более, неприятность такая, которая не имеет места в любви. Даже к болезни не только невнимание, но еще много сам и причиняет. Когда я была в опасности, тогда его забота была великая, но теперь, если он думает только для меня нужное или к спокойствию что-либо нужно сделать самое ничтожное, хотя бы, например, пораньше лечь, т.е. не в два часа по полуночи, то уже ни за что этого не сделает, и всегда еще за это наградит тяжелой неприятностью. Сердце у меня, ей-ей, надсажено от грусти, не знаю как быть?.. Самой ли похолоднее с ним, или... но право не знаю — и холодность перетолкуется, может быть, в каприз, и больше отдалит его. Легче бы мне было если б меньше его любила. По домашней же части ни в чем ни помочь, ни облегчить не хочет, доходит уже у нас до воровства: кафтан кучерский пропал — это так прошло. Потом 23 пуда сена, — оно по 50 к/опеек/, и на это промолчал.

Все в беспорядке и по конюшне, и по дому; расход не по доходу, и ни о чем попечения нет. Если даже дружески ласково предложишь или напомнишь ему, то он промолчит и только, а если обыкновенным разговором скажешь, тогда рассердится, наго-

ворит колкостей, и опять неприятность. Истинно не знаю, что делать, только невыносимо тяжело. Вся моя надежда на Ваши святые молитвы, отец мой! Они сильны изменить тяжелые обычаи и вредные и для семьи, и для подчиненных. Прошу усердно, не оставьте, помолитесь ко Господу, да устроит полезное для души, и мир и согласие... Я слышала, что Митрополит отменно хорошо принял (книги). Он верно напишет о. Игумену об этом. Вчера я желала быть у Митрополита, но он три дня как нездоров сделался, и никого не принимает... Прошу усердно Ваших св/ятых/ молитв и милостивого благословения всему семейству. Недост/ойная/ д/очь/ в/аша/

N. Киреевская

11.

Милостивый отец мой! Сегодня пишу к Вам немного, только для того, чтобы объяснить Вам, что у комиссионера Медведева отправка расстроилась, и с неделю еще в Козельск случая не будет, посему мы отправляем к Вам на подводе моей свекрови, которая здесь была для покупок. Это, кажется, будет много вернее... Если успею, то с этою же почтою отправлю к Вам лучший экземпляр для Киевского Митрополита... Шевыреву отдам из своих, но от Вашего имени, и тогда, когда получу листок для вклейки в оный, с надписью, т.е. если Вам это угодно... У нас все хлопоты: маленькая нездорова, привозили из деревни на днях кормилиц, ибо у ее кормилицы — молока нет, но к сожалению в деревне выбрали из самых беспутных семейств и дурных, почему сегодня их обратно отправили. Господь же так милостив, утешил нас неожиданно. Кормилица Сережина захотела сама остаться для маленькой. Слава Богу! Она хорошая женщина, только опасается, достаточно ли

будет у нее молока на год, но это видно будет. Сережу отняли в Субботу 25-го числа день праздника утоления печали. Он однако очень грустит. Прошу Вас благословить его, батюшка, и маленькую Машу также, и всех нас. Усердно прошу св/ятых/ молитв Ваших и остаюсь душою по Господе преданная Вам

N. Киреевская

12.

31 янв/аря/ 1847 г.

Милостивый отец мой! Благодарим Вас от всего сердца за надписанные нам листки. Вполне ценим выраженное в них расположение Ваше, — благодарим Вас и о. Игумена усерднейше. Шевыреву доставлю немедля; он сам собирается писать Вам. В среду у нас был вечер, на котором был также и Шевырев, и с помощию и благословением Божиим положили начать печатать второе издание; покуда мы тут, это будет лучшая забота. Когда же уедем в деревню, то Шевырев по дружбе своей паки принимает на себя весь труд. К утешению моему и предложение мое принято на тройственном нашем союзе, чтобы не терять времени, и т о т ч а с при прошении представить покуда экземпляр для второго издания, который будет набираться, а Вы извольте покуда прислать все, что угодно Вам назначить для печатания и поскорее через почту пришлите, батюшка, оглавление назначаемых в прибавление статей на второй том, для того, чтобы их, если нужно, прописать в прошении в цензурный комитет.

Надобно Вам сказать, отец мой, что очень недавно, обдумывая и говоря с Иваном Васильевичем о сочинениях старца Паисия, нам пришла на сердце мысль издать его переводы с греческого какие у нас

имеются по милости покойного старца Филарета. А именно: толкование на Отче наш, Аввы Фалассия и проч/ее/. Где же язык темен и по словам Ф.А. Голубинского смысл неудобен, и потому затруднительно и медленно будет издание, по потребности им самим поправки для ясности, то Ив/ан/ Вас/ильевич/ хотел сам прежде исправить, не утрачивая ни одного слова в сих великих книгах, и тем облегчить и ускорить, с помощию Божиею, их издание. Можете себе представить, отец мой, как нам было радостно видеть из письма Вашего одинаковое с сердцами нашими желание и намерение. Благодарю за сие Господа от души! Извольте же присылать, не теряя времени, все, что у Вас готово. Мы покуда приищем переписчика для списания у нас имеющихся книг. Правду сказать, мы оба уже было и начали сами переписывать, но время все разорвано у нас и дело пойдет мешкотно: лучше думаем нанять переписчика. Прошу Вашего и отца Игумена благословения на приступ к началу сего великого дела, которое совершиться только может помощию Божиею через святые молитвы Ваши, коими прошу нас не оставить. Иван Васильевич сам желает писать к Вам, это будет аккуратнее, а между тем просит объяснить Вам, что так как толкование "на Отче наш" Максима Исповедника очень темно, то он не исправлять его вознамеривается, нижѐ касаться единой буквы, а ему обещали экземпляр из университетской типографии, где подобный имеется на греческом и латинском языках и Ив/ан/ Вас/ильевич/ желает, где не ясно, там поставить под страницами то, что найдет ясным в настоящей книге, с которой и перевод сделан, но текста касаться или изменять ни единой буквы не будет. Вот подробное донесение его доброго намерения. Да совершит оное Господь Вашим святым благословением. Батюшка, сделайте милость, скажите, как мне отвечать Ше-

выреву. Он советуется со мною: ему хочется дать один экземпляр раскольнику Преображенского скита, и спрашивает у меня: как ему сделать? Я оставила на его волю, а сама не знаю: полезно ли таким людям давать? Почему и прошу Вас мне сказать, как Вы о сем изволите думать... Нед/остойная/ дочь ваша

N.

/P.S./ Батюшка, благословите нас всех вкупе поговеть на первой неделе, что-то Ив/ан/ Вас/ильевич/ не очень располагается на сие, говорит: лучше на последней.

13.

Милостивый отец мой! Милосердием Божиим и за Ваше святое благословение мы приехали благополучно в Москву вчера в десять часов вечера. Еще ни с кем не видались но во время вечерни ездили, Ив/ан/ Вас/ильеви/ч и я, к святой иконе Иверской Божией Матери, и ко святым мощам, которые были уже заперты, и мы только успели приложиться к святой иконе Владимирской Б/ожией/ М/атери/, и так отложили до возможности быть у св/ятых/ мощей... Не сказала Вам, отец мой, что мы наняли из Калуги сдаточных лошадей, и условились заехать в Малый Ярославец на два часа, хотя это много в сторону. Приехали туда в шесть часов вечера; я прямо пошла к отцу игумену. Потом пришел и Ив/ан/ Вас/ильеви/ч, и выпивши у него по чашке чаю, пошли вместе с ним к нам на гостинницу допивать по другой. С приятностью мы познакомились с ним, возвышенное простодушие и всеобъемлющая любовь в нем особенно отличаются. Дай Бог, чтобы он не забыл нас грешных в святой, чистой своей молитве. Боровский Архимандрит сказывал о. Антонию секретно, что митрополит Московский писал к преосвящ/енному/ Николаю, чтобы

уволить отца Антония из Малоярославца, — не по этой ли причине Преосвященный говорил Вам, чтобы в скит не принимать его? Теперь о. Антоний ожидает Преосвященного, который верно поедет провожать Преосвящ/енного/ Илиодора и в бытность свою, конечно, будет говорить об этом с о. Антонием.

Как хорошо бы воспользоваться этим случаем о. Антонию, подобного, конечно, уже не повторится. Это — собственная мысль митрополита, никто его не просил об увольнении, и потому эта мысль, как вдохновленная ему самим Господом. Слава Богу! Если же теперь этот случай милосердный пропустить, то право, кажется, преосвященный рад будет прижать и никогда уже не выпустить, а о. Антоний не знает и сомневается о том только, угодно ли будет о. Моисею, чтобы он воспользовался этим и перешел в Оптин. Считаю нужным все это передать Вам, тем более, что это письмо дойдет до Вас верно... Из Малоярославца поехали в три часа по полуночи...



Стены храма Марии Египетской (авг. 1977г.)

Храм Марии Египетской – изнутри (авг. 1977г.)

III

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ ПРИГЛАШЕНИЯ О. МАКАРИЯ К КИРЕЕВСКИМ

1. ПИСЬМО НАТАЛЬИ ПЕТРОВНЫ КИРЕЕВСКОЙ К ОТЦУ ИГУМЕНУ МОИСЕЮ, НАСТОЯТЕЛЮ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Ваше Высокопреподобие, Достопочтеннейший о Господе отец Игумен!

Скорбь души, произведенная немилостивым отказом Вашим, столь же жестока, сколь и неожиданна мною. Не стану выражать Вам моей глубокой печали, обращаюсь со смирением и любовью к Вашему отеческому сердцу, к Вашей справедливой совести, и со слезами у ног Ваших умоляю и ожидаю, если не сегодня, то не в продолжительном времени, милостивого исполнения данного Вами мне слова и обещания, в бытность мною в святой обители Вашей, отпустить почтеннейшего старца, нашего родного батюшку — благодетеля души — отца Макария к нам, на несколько недель. Милостивый, душевно-уважаемый, отец игумен!

Верую, что Вы не измените Вами данного отрадного для нас обещания, но Бога самого ради, не отдаляйте времени исполнения оного. Господь воздаст и Вам, и святой обители Вашей за милость и пользу, доставленные Вами — нашим скорбным душам. Иван Васильевич с грустью передал мне и беседу и

опасения Ваши. Смею откровенно, как отцу, и келейно сказать Вам, что спокойствие, которым Вы предполагаете оградить батюшку, не приложит ли ему, всей обители и вместе и нам скорбь на скорбь, от которой да избавит Господь!

Опасения же истинно проистекают более и беспокоют Вас — по мнительности. Ограждение от всего и близко и сильно, в Ваших же святых молитвах заключается — их, и святого благословения Вашего испрашивая усердно, усердно от всей души прошу и умоляю Вас, милостивый отец мой, для сегодняшнего дня, дня милосердного источника, утешения плачущих, не лишите окормления духовного преданную Вам сердцем по Господе и ожидающую исполнения данного Вами обещания, как радостного Воскресения страждущей душе. Простите Бога ради и примите уверение в совершенном и глубочайшем почтении покорной к услугам Вашим

Наталии Киреевской.

5 Февраля 1850 г. С/ело/ Долбино.

2.
ПИСЬМО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО, НАТАЛЬЕ ПЕТРОВНЕ КИРЕЕВСКОЙ

Милостивая Государыня Наталья Петровна!

Вы, конечно, не ожидаете от меня письма, и я не думал, что буду писать, и особенно в сии дни.* Но до меня дошли сведения из вашего края и суждения о них такие, по которым опасаюсь, чтобы не согрешить молчанием.

---

* Дни Великого Поста.

Помнится, от Вас самих я слышал, что Вы устроили уединенную келлию для принятия странствующих из монашествующих. Теперь слышится мне, что Вы приглашаете в нее о. Макария, и не только при посещении Вас, для отдыха в ней на несколько часов, или на день, но и на месяц, и более. Позвольте Вам сказать, что доброе намерение не всегда верно ручается за доброту дела и его последствий. Как о. Макарий многим в обители духовный отец и наставник, а также и посещающих обитель: то его удаление на долгое время многих может затруднить и расстроить. И как такое удаление было бы не в обыкновенном законном порядке, то оно может подать случай к разным суждениям, не чуждым даже соблазна. Может случиться, что и начальство обратит на сие такое внимание, которое не будет благоприятно ни о. Макарию, ни настоятелю, ни обители. Есть ли бы случилось, что Ваше приглашение уже дано и принято, не колеблюсь предложить, чтобы Вы показали сие письмо о. Моисею и о. Макарию, и чтобы они положили на весы беспристрастного рассуждения, с одной стороны, безмолвное успокоение, вероятно, желательное для о. Макария, с другой, те последствия, о которых выше сказано, и посмотрели бы, которая сторона должна взять перевес. Провидением Божьим устроено, и послушанием ограждено нынешнее положение о. Макария: и труд на пользу душ братии, без сомнения, Господь обратит во благо и душе трудящегося. Простите меня, если Вам покажется, что я вмешиваюсь в Ваши дела и мешаю делу доброму и приятному душе Вашей. Бог, видящий сердце, принял Ваше служение рабам Его, если оно и не так, или не тогда исполнится, как Вы предполагаете.

Впрочем, Господь да внушит и старцам и Вам то, что Ему истинно благоугодно и душам полезно.

Божие благословение и мир Вам, и супругу Вашему, и чадам усердно призываю. Ваш смиренный богомолец Филарет, М/итрополит/ Московский.

В Москве. Марта 7-го 1850 г.

3.
ОТВЕТ Н.П. КИРЕЕВСКОЙ НА ПИСЬМО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

С благоговением и живою признательностью приняла я к сердцу святые строки Вашего Высокопреосвященства, сквозь которые так прекрасно светится милостивое и отеческое попечение Ваше о старцах Оптиной Пустыни, о нашем духовном отце Иеромонахе Макарии, и даже обо мне, недостойной. Это — спасительный голос доброго пастыря, который я имела счастье слышать.

Благодетельное участие Ваше дает мне смелость и даже обязанность представить Вам дело, о котором изволите писать, с некоторою подробностью, как оно есть, поистине.

Маленький домик, или точнее сказать, 12-ти аршинная комната, разделенная перегородками на четыре, действительно, поставлена нами в некотором расстоянии от нашего дома с мыслию, что она может служить местом для принятия и успокоения уважаемых нами старцев, которым случится навестить нас. В нынешнем году д у м а л и мы с мужем просить о. Макария отдохнуть в ней на некоторое время, слышав о расстройстве его здоровья, и что он сильно страдает болью в груди и плече, и от излишнего утомления проводит ночи без сна. Для этого муж мой нарочно поехал в Оптин, и, действительно, предлагал и просил

о. Макария приехать к нам для отдохновения на месяц. Но просьба наша была не принята, а о. Игумен при этом случае решительно отказал, сказав, что это дело навсегда невозможное, что признаюсь Вам, Св/ятый/ Владыка, тогда очень огорчило нас.

Однакоже, через некоторое время после, уже не для отдохновения о. Макария, но по встретившейся для нас душевной необходимости и по моей болезни, мы просили о. Макария навестить нас на короткое время, и о. Игумен отпустил его из монастыря на три дня. Но этот отпуск к нам не был исключением для нас, ибо кроме нас о. Макарий посылается иногда о. Игуменом в некоторые дома для пользы монастырской. Таким образом, то, что был только один разговор в келлии о. Игумена, представлено Вашему Высокопреосвященству как самое дело, и в таком виде, который может подать повод суждениям, не чуждым даже соблазна. Не постигая, какими путями разговор этот мог выйти из келлии о. Игумена, и дойти даже до слуха Вашего Высокопреосвященства, я вижу однако над этими темными путями — другой светлый путь спасительной милости Божией: ибо лице, очевидно, враждебно расположенное к Оптину, которое хотело очернить обитель в глазах Ваших, конечно, не без Промысла Божиего, ослепилось до того, что не предвидело, что Ваше Высокопреосвященство прямым действием своим откроете истину, усмотрите злонамеренность клеветы, и следовательно, в случае несправедливого обвинения, защитите обитель Вашим высоким покровительством.

Теперь, объяснив Вашему Высокопреосвященству все дело, как оно есть по истине и совести, я уже совершенно спокойна на счет святой обители, зная ее под охранительною защитою Вашею. Но при-

знаюсь Вам, Святый Владыка, что относительно меня самой я боюсь, что когда покажу письмо Ваше старцам, то они по беспредельной преданности к Вам, могут принять его за совершенное запрещение о. Макарию когда-либо навестить нас, или даже приехать к нам для исповедывания нас, в случае, если здоровье мое не позволит мне самой быть в обители. Потому за особенное благодеяние почла бы я если бы Вашему Высокопреосвященству угодно было каким-либо образом объяснить это для меня и для старцев.

Позвольте мне еще раз повторить Вашему Высокопреосвященству выражение чувства сердечной благодарности, которою проникнута душа моя, вместе с чувством глубочайшего уважения, и неограниченной преданности. Муж мой, разделяя со мною эти чувства, так же вместе со мною испрашивает Ваших св/ятых/ молитв и милостивого Архипастырского благословения для нас и для всего семейства нашего. Повергая себя к стопам Вашим, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейш/ая/ слуга...

IV

ПИСЬМО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО, К ИЕРОМОНАХУ О. МАКАРИЮ

Преподобный отец Макарий! Первее всего благодарю Вас за доброе посещение. Надеюсь, что труд Ваш не бесплоден. Жалею, что не довольно с Вами беседовал. Но слава Богу, о всем. Благодарю за книги. Вы очень щедры и мне совестно было пользоваться щедростию Вашею: но меня убедили не прекословить. Польза, которую обретут читающие, Богу тайнодействующу, да обратится к Вам в духовное приобретение.

Целование моего смирения всему Братству Вашему. Благодать, и мир Господень с Вами. Прошу не лишать меня благой помощи молитв Ваших.

Филарет М/итрополит/ Московский

Ав/густа/ 13.1852 г.

V

ПИСЬМО Н.В. ГОГОЛЯ К ОПТИНСКИМ СТАРЦАМ

Ради самого Христа молитесь обо мне, о. Филарет. Просите Вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у Вас усерднее молится, и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без осветления Свыше. Говорю Вам об этом не ложно. Ради Христа обо мне помолитесь. Покажите эту записочку мою о. Игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать Славу Имени Его, несмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший.

Он силен, Милосердный, сделать все, и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради самого Христа молитесь. Мне нужно ежеминутно, говорю Вам, быть мыслями выше житейского дрязгу, и на великом месте своего странствия быть в Оптинской Пустыни. Бог да воздаст Вам всем сторицею за Ваше доброе дело. Ваш всею душею

Николай Гоголь

Получено из села Долбина помещ/ика/ И.В. Киреевского. 26 Июня 1950 г.

VI

ПИСЬМА СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА ШЕВЫРЕВА

ПИСЬМА С.П. ШЕВЫРЕВА СТАРЦУ О. МАКАРИЮ

1.

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший о. Макарий! Письмо Ваше от 26 Февраля и при нем письма отца Архимандрита Игнатия, а в след за тем и сочинение Старца Паисия о умной Иисусовой молитве я имел счастие получить и спешу отвечать Вам с первою почтою.

Во-первых, должен принести Вам мое покорнейшее извинение в том, что замедлил отсылкою образца шрифта более крупного. Сегодня отсылаю его к Ивану Васильевичу, который сообщит его Вам. Буду ожидать Вашего одобрения — и прошу покорнейше не замедлить возвращением. Корректуру посылаю исправленную, единственно для того, чтобы Вы взглянули на шрифт и сказали Ваше мнение. Потеря за набор двух первых листов не так будет велика, но при новом шрифте количество бумаги потребно будет большее, равно и печатание станет несколько дороже. После мы увидим издержки, которых определить заранее нельзя; на эту пору денег слишком довольно, и присылать новую сумму не для чего. Из духовной цензуры, я до сих пор получил только самый текст жития и портрет, а прибавления еще не вышли.

От Вас я получил печатную книжку жития, по которой буду править. Но в этой книжке Вы изво-

лили сделать новые вставки против того текста, который уже подписан духовною цензурою. Об этих вставках надобно вновь относиться к Ф.А. Голубинскому, чем опять замедлится дело. Но я это исполню, чтобы вполне соответствовать желаниям Вашим. Типография никак не решится сделать какого-бы то ни было прибавления против текста, одобренного цензурою. Строгость эта соблюдается в отношении к сочинениям светским, тем более еще наблюдают ее относительно сочинений духовных. Сего дня же отправлю к Ф.А. Голубинскому сочинения Паисия об умной Иисусовой молитве. По моему мнению, необходимо, чтобы отец Архимандрит Игнатий исходатайствовал о том у Высокопреосвященнейшего, равно и у светских властей. Всего бы лучше было, если бы Митрополит принял на себя предварительное рассмотрение всех прибавлений. Если желаете ускорить дело, необходимо так устроить. Надобно оградить самого Феодора Александровича и избавить его от ответственности. Последнее прибавление как мне кажется, по своему содержанию, еще более вызывает необходимость такой меры.

Письма о. архимандрита Игнатия при сем возвращаю.

Первого корректурного листа я от Вас не получал. Печатное житие дошло исправно, но корректурный лист, вероятно, затерян на почте. Это было отчасти причиною моего замедления; но еще более я сам виноват. Желание отца архимандрита касательно перемены шрифта не могло меня оскорбить нисколько. Прошу Вас быть уверену, что я вполне готов исполнить желание Вашей обители. Дело, Вами мне порученное, так богоугодно, что я считаю себя счастливым, если хотя мало буду содействовать к его исполнению. Поручая себя святым молитвам Вашим... имею честь быть... покорнейшим слугою

Шевырев... 5 марта 1846.

2.

Милостивый Государь! Достопочтеннейший о. скитоначальник Макарий!

Не знаю, где найти слов чтобы принести Вашему Высокопреподобию мое покорное извинение в том, что так замедлил исполнением поручения Вашего. Были причины и от меня не зависевшие: долго не получал от товарища заглавий лучших лексиконов. Но потом и недосуги мои, и мое нерадение.

Простите меня, великодушный отец, Вашею всепрощающею любовью.

Посылаю Вам наконец, лексикон Греко-Латинский для Нового Завета и лексикон Латино-русский Кронеберга. Словаря собственно для Отцов Церкви нет у западных ученых. Это дело предлежит нашим духовным — и мне что-то чается, что оно совершится в Вашем скиту. Словарь для Греческого языка, на котором писан Новый Завет, может, как предполагаю, быть показан и для уразумения Отцов. Избранный мною есть лучший. Есть другие, имеющие догматический характер, но те нам не нужны. Посылаемый мною имеет филологический характер, по крайней мере, так по объяснению самого Автора. Прошу покорнейше Ваше Высокопреподобие принять от меня эти книги, как скудный дар мой для библиотеки Вашего скита. Постараюсь и впоследствии снабжать ее подобным чем-нибудь от моих трудовых денег.

Пустыня Ваша у меня и в сердце и в уме. Из письма моего к достопочтеннейшему о. игумену Моисею, Вы усмотрите, что я памятовал об ней, и готов всегда служить, чем могу. Еще раз простите меня великодушно за мое замедление. И недосуги таки виною, но и сам виноват...

Степан Шевырев.

Окт/ября/ 25.1852. Москва

ПИСЬМО С.П. ШЕВЫРЕВА И.В. КИРЕЕВСКОМУ

Июня 30. Сокольники. 1846 г.

Посылаю тебе, любезный Киреевский, с братом твоим семь на бело отпечатанных листов в которых содержится житие Паисия и начато печатание сочинений Василия. Восьмой также почти отпечатан. Из этого старцы увидят, по крайней мере, что идет дело, хотя медленно. Последнее же не от меня зависит. Я не имею никаких средств действовать на типографию. Посылаемые листы прошу перечесть и если окажутся какие важные опечатки, сообщите мне для припечатания к концу книги. Есть некоторые, проистекающие от невежества типографии. Они сделаны уже после того, как листы были подписаны. Свежий глаз лучше усмотрит промахи важнейшие. Еще было мне маленькое затруднение насчет порядка статей. Голубинский назначил предисловие на Исихия печатать прежде, чем предисловие на Филофея. Отец Макарий в последнем письме дал обратное определение. /Я поступил по указанию последнего/, во-первых потому, что последний закон уничтожает предыдущий, а во-вторых потому, что о. Макарий принимает важнейшее участие в издании, в-третьих потому, что типография уже так набрала. Было также маленькое замедление от неисправности текста. Предисловие на Григория Синаита на первой странице написано с ударениями, но далее без ударений.

Наборщиков такой набор затрудняет. Потому лист медленно шел, но потом в корректуре я увидел, что эти ударения только на первой странице, а далее их нет. Надо было и те уничтожить, а время по пустякам потеряно. Если бы текст изготовлен был в лучшем порядке, дело бы шло скорее. А то встречается и лишнее затруднение. Заглавный лист попроси старцев

составить полный. В нем надобно упомянуть о сочинениях Василия и Паисия. Перешли его мне. Тут припишите, кем и издано. Теперь еще печатаю предисловие Василия, а писать Паисия не начинал... Посылаю тебе мои лекции, желаю знать твое мнение. Скоро, недели через две, будет готова и вторая часть — еще пять. Обнимаю тебя. Твой Шевырев.

Я, кажется, уже писал к тебе, или отцу Макарию и просил о том, чтобы дали мне порядок статей, в каком их печатать, но все не получил до сих пор ответа. Согласись, что замедление в этом случае не от меня происходит. Главное, мне надобно знать, где поставить сочинение об умной молитве... Вот все статьи, которые у меня. Предисловие пойдет пред житием под римскими цифрами. Житие. Далее, по совету Ф.А. Голубинского будут следовать предисловия к книгам: 1) Григория Синаита 2) Филофея 3) Исихия и 4) Нила Сорского. Потом 5) толкование на молитву: Господи помилуй — не здесь ли вставить сочинение об умной молитве? Потом письма к Феодосию, отцам обители поляномерульской Иерею Димитрию, к Марии, и письмо Софрония к Афанасию. Спроси поскорее и пришли мне ответ, как можно скорее. Есть еще некоторые неисправности в тексте предисловия, которые Ф.А. поручает мне исправить, — всем этим я затруднен. Я не издатель, а только корректор текста, — и потому боюсь к нему дотрагиваться. Если бы текст был весь надлежащим образом изготовлен и приведен в порядок — мне бы не было никаких затруднений. А то при моих многочисленных занятиях мне становится труднее исполнять благочестивое желание старцев. Потому не сетуйте на меня: я делаю, что могу — и делал бы скорее, если бы все было исправнее.

VII

ПИСЬМА ТЕРТИЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИППОВА К СТАРЦУ О. МАКАРИЮ

1.

Всечестнейший о. Макарий!.. Рукопись жития отдал я уже в типографию и, так как она не более трех листов, то возьму двенадцать стоп бумаги, или сколько Попов найдет нужным. Печатать ее можно, я думаю, и теперь: три листа не затруднят меня корректурою. Авва Дорофей не выйдет, кажется, к празднику, хотя я и прошу наборщиков потрудиться... Благодарю Вас за Ваше милостивое внимание к моей душе; имею причины быть собою недовольным: но не делаю того, что сам знаю, что нужно делать. Помолитесь обо мне, батюшка, чтобы искра прежнего усердия возвратилась ко мне милостию Господа Иисуса Христа. Ваш покорнейший слуга и недостойный сын духовный

Тертий

Москва 1856 г. 15 марта.

2.

Всечестнейший о. Макарий... Печатание Аввы Дорофея идет по прежнему. На этой неделе мне не подавали ни одной корректуры. Я был у Попова и велел доставить для жития преп/одобного/ Симеона достаточное число бумаги, но к святой, я полагаю, не поспеют печатанием ни слова Аввы Дорофея, ни житие. Меня

простите, батюшка, что не с таким усердием, как бы следовало, я исполняю Ваши приказания. Душею очень немощен, и потому не обретаю спорости в трудах. Поручаю себя Вашему милосердию, помолитесь о мне. Ваш пок/орный/ слуга и недост/ойный/ сын

Тертий

Москва 1856 г. 22 марта.

3.

Всечестнейший отец Макарий! Как меня огорчило и изумило известие, что листы Аввы Дорофея Вам не посланы! Мне сказали в типографии, что еще семь листов разом отправлены к Вам, и я радовался, что Ваше желание уже исполнено. Сей час поеду в типографию и узнаю, что это значит: потому что и от Ив/ана/ Вас/ильевича/ слышу, что и до сих пор листов у Вас еще нет. Простите меня ради Христа, что пишу к Вам так кратко: есть спешные дела. Простите меня. Я собираюсь поговеть, если Бог допустит, помолитесь о моих смущениях и благословите меня. Ваш недостойный сын духовный

Т.Филиппов

Москва. 1856 года 7 апреля

4.

Всечестнейший отец Макарий! Честь имею поздравить Вас с наступающим праздником праздников, и мое Христос Воскресе! пусть присоединится к поздравлениям тех, которые будут иметь счастье Вас лично видеть. Прошу Вас также поздравить от меня и многолюбезных отцов моих Ювеналия и Льва*...

---

* Половцева и Кавелина.

Я посылал справиться в Правление Типографии, отосланы ли листы к Вам, и получил в ответ, что они отосланы в четверг на пятой неделе... Сегодня, если Бог даст, сам там побываю. Наборщики вчера приходили, сказывали, что набор их кончен, что вышло семнадцать листов всего; следовательно, фактор ошибся значительно. Затем прошу Вас всенижайше простить мою неисправность и невнимание; дел много, а порядка в голове нет, и никому не умею угодить, хотя и желаю того. Ваш покорнейший слуга и недостойный сын духовный

Тертий

Москва. 1856 г. 13 Апреля.

5.

Всечестнейший отец Макарий! Огорчает меня весьма то, что я не мог издать Вашей книги в более краткий срок. Простите меня в этом. Желаю служить, но не умею, как следует. Сегодня подписал остаток жития Преп/одобного/ Симеона, а вчера остальные строки Ав/вы/ Дорофея, которые сегодня же пойдут к цензору. Простите, что откладываю до Пятницы писать к Вам подробнее; теперь только хотелось мне Вас уведомить, что обе книги кончены. Испрашиваю Ваше благословение на меня, дурного. Остаюсь Ваш пок/орный/ слуга

Т.Филиппов

Москва 1856 г. Июнь 3.

6.

Москва, 1856 г. 17 Июля.

Всечестнейший о. Макарий! Честь имею уведомить Вас, что билет на выпуск Аввы Дорофея получен;

в четверг я буду иметь, наконец, счастье отправить к Вам экземпляр этого бесценного творения. Как Вы ни милостивы к моей неловкости и к моему неумению исполнить, как должно, порученное мне; но я не могу успокоиться при мысли о таком необыкновенном замедлении. Билет на житие Симеона Нового до сих пор еще не получен (это новое для меня горе), а О. Сергий, кажется, уехал в отпуск. К митрополиту я надеюсь завтра свесть его экземпляры: они уже готовы. Книга наша выйдет не ранее 25 Июля; там будет статья Ивана Васильевича, сто оттисков которой я перешлю Наталье Петровне с просьбою поделиться с Вами. Тут же будет его некролог и слово о. Феодора Сидонского, сказанное при отпевании покойника. По выходе книги она немедленно будет к Вам отправлена. За тем припадаю к ногам Вашим и прошу Ваших святых молитв: Помогите мне. Я желал бы лучше умереть, чем впасть в такое бесчестие, боюсь своей скверной слабости. Все более и более развязывается моя воля, а вместе с тем и ум: не оставьте меня... Всепокорнейший слуга Ваш

Т. Филиппов

7.

Москва. 1856 г. 20 Июля.

Всечестнейший о. Макарий! Честь имею Вас уведомить, что с вчерашнею почтою отправлено к Вам на десять фунт/ов/ (семь экз/емпляров/) книг. Вчера же я был у Владыки и подал ему один экземпляр в переплете и двадцать пять в сорочке. Когда ему представилась кипа Ваших книг, он сказал: "Ах, да, зачем же они так много?" Потом спросил меня, от чего это поручено мне; я ему сказал, что с отъездом Натальи Петровны ее заботы об издании переданы мне, по Ва-

шему милостивому вниманию. Тут он разговорился со мною о Наталье Петровне, об ее положении. Он узнал о смерти Ивана Васильевича из ведомостей. Я ему объявил, что его похоронили рядом с о. Леонидом; он на это сказал: "Ах! Где Бог удостоил его лечь!" Наконец, он приказал благодарить Вас: "благодарите старцев и скажите им, что они очень щедры". А я все не могу успокоиться, что задержал Вашу книгу так долго: простите меня ради Бога! Десять экз/е/мпл/яров/ Преп/одобного/ Симеона тоже посланы в цензуру, но билета не высылают; да я и не знаю, вышлют ли без о. Сергия. Потрудитесь мне написать, какое заглавие дать шестистам экземпл/яров/, которые будут содержать первые два поучения Аввы Дорофея. И какую обертку употребить для них и для жития Преп/подобного/ Симеона?

В ожидании прощения и приказаний Ваших, честь имею пребыть Ваш всепокорнейший слуга

Т.Филиппов

8.

Москва. 1856 г. 28 Июля.

Всечестнейший о. Макарий! Человек Натальи Петровны, от которого Вы получите это письмо, не застал здесь подводы и потому не может взять более пяти книг: пешему больше не снесть. Он пытал прицениться, что возьмут извощики, но цена их превышает почтовые издержки. И так, остается подождать другого удобнейшего случая. А пока прошу покорнейше меня извинить, что сокращаю письмо свое: не позволяют дела. Прошу Ваших св/ятых/ молитв... Недостойный сын духовный

Тертий

9.

Москва. 1856 г. 7 Авг/уста/.

Всечестнейший о. Макарий! С человеком Натальи Петровны я послал, как Вам уже известно, пять экз/empляров/, с почтою послал один пуд (двадцать пять экз/емпляров/), об остальных же 1400 экземплярах я просил Ферапонтова позаботиться, и он обещал мне найти случай. Всякий раз, как я пишу к Вам, или от Вас получаю письмо, мне бывает очень стыдно своего неумения исполнить Ваши поручения к Вашему удовольствию. Простите меня ради Бога! Желаю, но не умею. Оттиски статьи Ивана Васильевича еще не готовы, я перешлю их Вам в скорейшем времени, надеюсь в этот четверг, и впишу те четыре строчки, которые вычеркнул Делицын. Как бы мне хотелось взглянуть на место покоя бесценного и незаменимого для нас многих Ивана Васильевича! Вместе с тем и получить бы духовное утешение от слов Вашей веры и открыть бы Вам немощи и страсти моей больной души.

Прошу Вас не забыть меня и брата моего в Ваших святых молитвах. Ваш всепокорнейший слуга

Т.Филиппов

10.

Москва. 1856 г. Авг/уст/ 10.

Всечестнейший о. Макарий! По Вашему приказанию я отправил к Степану Михайловичу Головину двести пятьдесят экз/емпляров/... Оттиски статьи Ивана Васильевича перешлю к Вам в тот Четверг.

А теперь прошу покорнейше извинить меня, что так кратко пишу: некогда. Помолитесь о моей ду-

ше, милостивый Батюшка, она в большой опасности и в великом смущении. Ваш всепокорнейший слуга

Т.Филиппов

11.

Москва. 1856 г. 2 окт/ября/.

Всечестнейший о. Макарий! Счет книгам отлагаю до следующего письма, а счет деньгам прилагаю здесь...

У меня остается Ваших денег 185 р/ублей/ 73 к/опейки/. Но из них еще нужно будет уплатить за сорочку на брошюры Аввы Дорофея и Абакумову. Когда все работы будут кончены, так я оставшиеся деньги положу в Ломбард и отошлю билет к Наталье Петровне... У нас большая радость в назначении Гр/афа/ Толстого Обер-Прокурором. Не оставьте меня в молитвах Ваших, батюшка, я не в хорошем состоянии нахожусь... недостойный сын духовный

Тертий

12.

Москва. 1856 года 9 окт/ября/.

Всечестнейший о. Макарий! Честь имею представить Вам счет экземпляров Ваших изданий.

1. Брошюры Аввы Дорофея все сполна я велел доставить Г.Головину. За вычетом цензурных и конторских их будет 585.

2. Житие Симеона 320 экземпл. взял Константин Карлович, 500 я велел отправить к Зейде до времени, не прикажете ли отдать их на комиссию Ферапонтову; 100 велел доставить к себе для раздачи по Вашим предписаниям; остальные все около 1480 велел отправить Головину. Извините, не пойму Вашего письма, в кото-

ром распределено, сколько кому в дар отнести или отослать. Потрудитесь написать вновь.

3. Авва Дорофей. Счет тут посложнее /следует счет/... Куда девались 30 экземпл., теперь не припомню, а постараюсь к Пятнице припомнить... Из своих знакомых я роздал не более пяти или шести экземпл/яров/, так что я не могу понять, куда делись эти тридцать, которых я не досчитываюсь. К Пятнице надеюсь это разъяснить, и вместе с тем представить счет остальным издержкам... Не забудьте меня, батюшка, тем более, что я сам себя часто забываю. Ваш недостойный сын духовный

Т.Филиппов

VIII

ПИСЬМО М.МАКСИМОВИЧА К СТАРЦУ О. ИЕРОСХИМОНАХУ МАКАРИЮ

Ваше Высокопреподобие, Достопочтеннейший о. Макарий! Извините меня великодушно за мое долгое молчание и безответность, — в чем я много виноват стал и перед другими моими добрыми знакомцами, в продолжение сего 1859 г. Но виноватый перед Вами за бессловесие мое, я прав перед Вами на деле — относительно книги св/ятого/ Орсисия, которое шло безостановочно, и только в счете экземпляров с моим стародавним переписчиком, знакомым с 1823 года, еще не свел концов для совершенного Вам отчета... До 30 экземпляров я считаю еще недоставленных мне переплетчиком из типографии, а около 20 экземпл/яров/ я роздал, пользуясь на то Вашим позволением, разным знакомым мне лицам, начиная с Натальи Петровны, о. Пафнутия, Хомякова, Кошелева, Гилярова, Самарина и т.д. ... Имеющиеся у меня росписки из типографии, от переплетчика и Ферапонтова при сем прилагаю, и сердечно благодарю Вас, что Вы доставили мне случай послужить Вам и поучаствовать трудом своим хотя несколько в благом и душеполезном деле Вашем. Письма Ив/ана/ Вас/ильевича/ Киреевского вскорости возвращу, хотя биография его еще не написана мною: да к великому прискорбию моему и печатание со стороны типографии в последние два месяца тянулось медленно и небрежно, так что едва ли вторая часть поспеет к маю месяцу; а я в первых числах хочу непременно ехать отсюда

прямо домой, в Золотоношу, чтобы там застать еще хоть конец Украинской весны, необходимой для моего натруженного здоровья; да и душевную потребность чувствую быть поскорее дома, где ожидает меня жена, с которою на столько месяцев я разлучился... Глубокопочитающий Вас и душевно преданный Вам

М.Максимович

10 Апр/еля/ 1859 г. Москва.

IX

ПИСЬМА В. АСКОЧЕНСКОГО К НАСТОЯТЕЛЮ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ О. АРХИМАНДРИТУ МОИСЕЮ

1.

Ваше Высокопреподобие! Мне до крайности совестно, что я молчанием моим причинил Вам некоторое беспокойство: но это произошло от того, что я не считал необходимым писать Вам о получении денег до начатия самого дела. В настоящую пору, когда уже приступлено к печатанию рукописи об Оптиной Пустыни, я не смел бы долее молчать, несмотря на многочисленные мои занятия. С Божией помощью и за Вашими святыми молитвами все пойдет хорошо. Корректуру я буду держать сам, пригласив только себе в помощь фактора типографского, за труды которого заплачу со временем. На этот счет покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие не беспокоиться: взявшись за дело раз, я уже не отказываюсь от дела ни под каким предлогом. Типографщик совершенно доволен полученными им 200 рублями и беспрекословно будет ждать получения остальных по окончании печатания этого тома. Как скоро напечатают лист, я буду иметь честь препровождать к Вашему Высокопреподобию и к о. Леониду, по одному экземпляру. Вот и весь отчет мой...

"Обышедше обыдоша мя", отец мой, "и именем Господним противляхся им". Именно, только именем Господним, потому что нет никого, на кого бы я мог

понадеяться в случае больших притеснений от врагов истины Христовой. Трудно поверить, а так оно есть, что самый Синод против меня и моего журнала. Но я иду и буду идти непреклонно с твердым упованием, что Господь Бог сам помощник и заступник мой. На Него Единого упова сердце мое, и верю, что упование мое не постыдится. А если он, Правосудный, отбросит меня за грехи мои, как нечистый сосуд, то и тогда скажу: "Да будет воля Твоя!.."

Но пред врагами св/ятого/ Евангелия и церкви православной не преклонюсь ни за какие блага мира, ни для какого страха ради иудейского... О, помогайте мне св/ятыми/ молитвами Вашими, да не найдет на меня дух уныния. Благословите всей душей преданного Вам В. Аскоченского.

18 мая 1861 г.

2.

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший о. Моисей! Честь имею препроводить к Вам десять экземпл/яров/ Истории Оптиной Пустыни и подробный счет из типографии. К печатанию истории скита еще не приступлено, за неимением денег. Простите ради Бога, что так много замедлил я исполнением Вашего поручения. Испрашивая молитв Ваших и в ожидании дальнейших Ваших распоряжений имею честь быть... покорнейший послушник

В. Аскоченский
10 Ноября 1861 г.

X

ПИСЬМА ОПТИНСКОГО СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА МАКАРИЯ* К И.В. И Н.П. КИРЕЕВСКИМ

1.

М. с. о. н. Г. И. Х. С. Б. п. н.!** Достопочтеннейшие о Господе Иван Васильевич и Наталья Петровна! Поздравляю Вас, Иван Васильевич, с днем Вашего ангела, желаю, чтобы представительством Его у Господа Он даровал Вам здравие и все благое ко спасению Вашему, а Наталью Петровну и детей поздравляю с дорогим имянинником, желая всем Вам радоваться вкупе о Господе. Последнее письмо Ваше получил в Воскресенье, и в тот же день писал к Вам с Константином Карловичем: через несколько же часов после его отъезда прибыла и Ваша подвода с книгами; в четырех коробах — 315 книг — все доставлено в великой исправности, за что также приношу Вам усерднейшую благодарность; также получил и две книжечки в конверте с надписью на мое имя от Ростовского Архи-

---

* Письма старца о. Макария к монашествующим — в четырех томах, и к мирским особам — в одном томе, были в свое время изданы Оптиной Пустынью. Настоящие письма помещаются здесь для ознакомления читателей с характером писем старца.

** Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас!

мандрита о. Поликарпа; я не имею чести его знать лично; и потому прошу Вас уведомить меня, каким образом они дошли до Вас; думаю, надобно будет благодарить его за внимание. Как-то Ваше здоровье, почтенная Наталья Петровна? А я при отъезде Константина Карловича несколько занемог, но на другой день после обеда совсем поправился, Слава Богу. Испрашивая на всех Вас и детей Ваших мир и благословение Божие, с почтением моим остаюсь недостойный богомолец многогрешный иеромонах Макарий. Почтеннейший Иван Васильевич, простите, что я особенно не пишу к Вам, заезжих много, их почтить пора и во многом уже редко кому пишу. Предваряю Вас поздравлением потому, что почта иногда опаздывает.

25 мая 1854

2.

М. С. о. н. Г. И. Х. С. Б. п. н.! Достопочтеннейшая о Господе Наталья Петровна!

Действия Ваши о пустоше, просимой для наделения нашей пустыни, передал я о. игумену; он очень благодарен Вам за оные; остальное предоставляем воле Божией: как ему угодно, так и да устроит. С нашей стороны все устроено хорошо, а, как выйдет дело, неизвестно.

Васе Вашему дай Бог с успехом продолжать свое обучение; вы много беспокоитесь, как прежде, так и теперь, об нем; но он, слава Богу, и доселе идет благополучно в своем положении, а что дальше будет, предайте воле Божией и молитесь о нем. На прошедшей почте я писал к Вам о сделанной ошибке: о. игумен посылал книги Московскому митрополиту! да еще и без письма: это очень неловко. Но на другой почте уже писал, что послал, не успев написать письмо, и

просит удостоить простить... не знаю, понравится ли, или нет? Благодарим Вас, что роздали по назначению нашему экземпляры книги; только я не понял, послали ли к о. наместнику десять экземпл/яров/? Вы пишите только об одном. Еще кому найдете нужным, давайте... О прибавлении слов в книгу св/ятого/ Симеона Нового Богослова — мысль ваша очень хороша; но надобно, какие благословит Владыка... Есть и у нас другие книги св/ятого/ Симеона Нового Богослова, только не семнадцать слов, а менее, и в оной находятся слова, которых нет в 12, в числе коей есть и из стишной помещены, но, кажется, оные не старцева перевода, а иначе были бы помещены вместе с теми. Сличив некоторые из оных, находим, что другой перевод... А может быть в Вашей книге и старцев перевод, не могу заочно утверждать. О формате, как найдете лучшим, так и сотворите. Почтеннейшего Ивана Васильевича усерднейше благодарим за прочтение наших слов и за его замечания, но теперь писать не имею время, а получа от него еще писание, какого мнения Владыка о всем этом, напишу на будущей почте, а теперь никак не могу успеть: много приезжих... Дай Бог, чтобы дело ваше получило хорошее окончание и сохранилось ваше достояние. Знаю, что трудна жизнь Ваша в Москве: что ни шаг, то деньги; а к этому еще и сердечные разные... жизнь наша труд и утруждение. Земля произращает терние и волчец, и сердечная земля произростала бы оные, когда бы небесный Делатель не способствовал нам скорбми и невольно свобождаться ветхого человека. Воздадим ему о всем благодарение! Коле желаю совершенного исцеления от болезни глазок его... Испрашивая на всех вас и на детей ваших Божие благословение с желанием вам мира, здравия и благоденствия остаюсь недостойный богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

16 Авг/уста/ 1852 г.

3.

М. с. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.! Достопочтеннейшая о Господе Наталья Петровна!

С большим удовольствием узнал я из последнего письма Вашего о присылке к Вам части рукописи св/ятого/ Варсануфия и возблагодарил Господа, ''исполняющего во благих желание наше''. Да будет Ему слава и благодарение за все Его великие милости к нам недостойным.

Благодарю Вас за покупку бумаги и прочие сделанные вами распоряжения. О деньгах не беспокойтесь. Уповаю, что Господь пошлет нам их вскоре. Напомню Вам только о Феропонтове. Вы дали ему 300 экз/емпляров/ св/ятого/ Исаакия. Может быть, он уже успел выручить за них что-нибудь? Потрудитесь узнать о сем, и сообщите мне, сколько Вы от него получите, а остальные необходимые деньги для печатания я надеюсь Вам доставить, конечно, при помощи добрых людей, а Вас покорнейше благодарю за готовность Вашу и усердие — до времени помогать печатанию Вашими собственными деньгами.

О домашних неустройствах Ваших и я не мало скорблю, но не нахожу иных средств против них, кроме тех, которые уже предлагал Вам изустно и письменно. Господь многомилостивый да водворит в доме Вашем мир и спокойствие — усердно желаю сего, и испрашивая на Вас Божие благословение, остаюсь недостойный Ваш богомолец... Ивану Васильевичу изъявляю мое почтение. Всем детям Вашим мое благословение.

8 февраля. 1855 г.

4.

М. с. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н. Достопочтеннейшая о Господе Наталья Петровна!

Вчера отправил я к Вам с крестьянином вашим из Долбина письмо и деньги 1000 руб/лей/ сер/ебром/ с покорною просьбою положить их в Совет на два неизвестных билета по 500 руб/лей/ с/еребром/ каждый, и надеюсь, что Вы получите эти деньги в совершенной целости и не отяготитесь исполнением моего прошения. Деньги эти принадлежат одной благодетельнице нашего монастыря. Субботу и Воскресенье провел у нас Тертий Иваныч Филиппов и очень понравился нам по своей христианской, приятной простоте и не изысканному деликатно-свободному обращению. Господь да укрепит его на пути благочестия, и да поможет ему неуклонно идти против течения мира сего. И брат Тертия Ивановича был вместе с ним у нас. Оба они хотели быть сюда еще дня на три (около 29-го Июня) и, может быть, встретимся здесь с Вами? Вчера благодарил я Вас за присланные четыре книги св/ятого/ Варсануфия, и сегодня паки благодарю усерднейше. Спаси вас Господь! Если можно будет отправьте несколько книг этих с Вашими подводами, но только прошу Вас, не затрудняйте себя исполнением сей моей просьбы. Мы можем получить книги и с другою оказией, хотя не так скоро.

Испрашиваю на Вас, Ивана Васильевича и всех детей Ваших Божие благословение и с почтением моим остаюсь желающий Вам мира, здравия и спасения недостойный богомолец Ваш многогрешный Иеромонах Макарий.

/P.S./ Не помню, благодарил ли я Вас за покупку парчи; очень хороша, и прилична к нашей материи. Про-

стите, забыл послать Вам деньги за оную. Детям Вашим и всем семейным с Вами мое недостойное благословение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

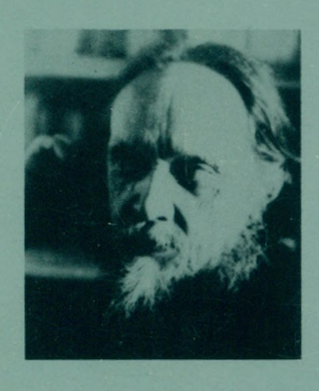
Предисловие 7

I. Местоположение и внешний вид Оптиной Пустыни 11
II. Внутренний уклад жизни в Оптиной Пустыни 25
III. Прошлое Оптиной Пустыни, ее возобновление при московском митрополите Платоне и устройство при ней скита 31
IV. Начало оптинского старчества: иеросхимонах Лев 40
V. Оптинский старец о. иеросхимонах Макарий и его труды по изданию писаний старца Паисия Величковского 50
VI. Оптинский старец о. иеросхимонах Амвросий 61
VII. Старец о. Амвросий — устроитель женской Казанской Шамординской Пустыни 88
VIII. Последние оптинские старцы 109
IX. Заключение 114

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Письма И.В. Киреевского Макарию Оптинскому 119
II. Письма Н.П. Киреевской Макарию Оптинскому 203
III. Переписка по поводу приглашения о. Макария к Киреевским 219
IV. Письмо митрополита Московского Филарета к о. Макарию 225
V. Письмо Н.В. Гоголя к оптинским старцам 226
VI. Письма С.П. Шевырева 227
VII. Письма Т.И. Филиппова 232
VIII. Письмо М. Максимовича к о. Макарию 240
IX. Письма В. Аскоченского к отцу архимандриту Моисею 242
X. Письма о. Макария к И.В. и Н.П. Киреевским 244

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 10 OCTOBRE 1988
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 350-88



Книга прот. Сергия Четверикова (1867-1947), изданная *YMCA–PRESS* в 1926 г., выходит вторым изданием, дополненным новонайденными письмами И. В. Киреевского и богатой иконографией, как раз в год, когда Оптина Пустынь, переданная государством Церкви, пробуждается "от глубокого зимнего сна": в полуразрушенном или превращенном в жилые дома монастыре, начались восстановительные работы и возобновилось богослужение. Живая память об обители, прославившейся на всю Россию своим духовным деланием и явившей собой живой мост между мирской культурой и Церковью, становится сегодня поразительно актуальной.

ISBN 2-85065-149-4